

IV Международная научная конференция

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)1
Ф54

Главный редактор: *И. Г. Ахметов*

Редакционная коллегия сборника:

М. Н. Ахметова, Ю. В. Иванова, А. В. Каленский, В. А. Куташов, К. С. Лактионов, Н. М. Сараева, Т. К. Абдрасилов, О. А. Авдеюк, О. Т. Айдаров, Т. И. Алиева, В. В. Ахметова, В. С. Брезгин, О. Е. Данилов, А. В. Дёмин, К. В. Дядюн, К. В. Желнова, Т. П. Жуйкова, Х. О. Жураев, М. А. Игнатова, К. К. Калдыбай, А. А. Кенесов, В. В. Коварда, М. Г. Комогорцев, А. В. Котляров, В. М. Кузьмина, К. И. Курпаяниди, С. А. Кучерявенко, Е. В. Лескова, И. А. Макеева, Т. В. Матроскина, Е. В. Матвиенко, М. С. Матусевич, У. А. Мусаева, М. О. Насимов, Б. Ж. Паридинова, Г. Б. Прончев, А. М. Семахин, А. Э. Сенцов, Н. С. Сенюшкин, Е. И. Титова, И. Г. Ткаченко, С. Ф. Фозилов, А. С. Яхина, С. Н. Ячинова

Руководитель редакционного отдела: *Г. А. Кайнова*

Ответственные редакторы: *Е. И. Осянина, Л. Н. Вейса*

Международный редакционный совет:

З. Г. Айрян (Армения), П. Л. Арошидзе (Грузия), З. В. Атаев (Россия), К. М. Ахмеденов (Казахстан), Б. Б. Бидова (Россия), В. В. Борисов (Украина), Г. Ц. Велковска (Болгария), Т. Гайич (Сербия), А. Данатаров (Туркменистан), А. М. Данилов (Россия), А. А. Демидов (Россия), З. Р. Досманбетова (Казахстан), А. М. Ешиев (Кыргызстан), С. П. Жолдошев (Кыргызстан), Н. С. Игисинов (Казахстан), К. Б. Кадыров (Узбекистан), И. Б. Кайгородов (Бразилия), А. В. Каленский (Россия), О. А. Козырева (Россия), Е. П. Колпак (Россия), К. И. Курпаяниди (Узбекистан), В. А. Куташов (Россия), Лю Цзюань (Китай), Л. В. Малес (Украина), М. А. Нагервадзе (Грузия), Ф. А. Нурмамедли (Азербайджан), Н. Я. Прокопьев (Россия), М. А. Прокофьева (Казахстан), Р. Ю. Рахматуллин (Россия), М. Б. Ребезов (Россия), Ю. Г. Сорока (Украина), Г. Н. Узаков (Узбекистан), Н. Х. Хоналиев (Таджикистан), А. Хоссейни (Иран), А. К. Шарипов (Казахстан)

Филологические науки в России и за рубежом : материалы IV Междунар. науч. конф. Ф54 (г. Санкт-Петербург, декабрь 2016 г.). — Издательский дом «Свое издательство», г. Санкт-Петербург, 2016. — iv, 82 с.

ISBN 978-5-4386-1193-6

В сборнике представлены материалы IV Международной научной конференции «Филологические науки в России и за рубежом».

Рассматриваются общие вопросы литературоведения, вопросы истории литературы, народного творчества, художественной литературы, а также проблемы общего и прикладного языкознания и массовой коммуникации.

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов филологических специальностей, а также для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1

ББК 84(2 Рос=Рус)1

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ. ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Лоскутова О.А.

Освоение драматических произведений читателями-школьниками как методическая проблема в обучении литературе на современном этапе. 1

Ханджани Л., Паям Б.

Образ медведя в русской и персидской культуре и литературе. 3

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Лиске Н.В.

Сравнительный анализ английских и русских пословиц и поговорок. 7

Садокова А.Р.

Японская легенда о рыбаке Урасима-Таро: фольклорные и литературные версии. 13

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Gafurova D.J.

Usage of simile in the novel «Doctor in the House» by Richard Gordon. 17

Жернова Н.С.

Тема женской любви в книгах А.М. Ремизова. 19

Лесова-Юзефович Н.С., Головки Р.О.

Система персонажей в романе французской писательницы Анны Гавальда «Я ее любил. Я его любила». 21

Лисина Е.Г.

Образ-символ розы в ранней лирике А.А. Ахматовой. 23

Никонов С.С.

Образ нигилиста в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети» и в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» (опыт сопоставления). 25

ОБЩЕЕ И ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Винникова О.М.

Сравнительно-сопоставительный метод при одновременном обучении нескольким иностранным языкам. 28

Галич А.С.

Структурно-семантические особенности свободных и паремичных сочетаний с пространственной характеристикой дальности в русском и испанском языках. 30

Зубкова Н.С.

К вопросу о культурно-детерминированных коннотациях фитонимов в паремиологии новогреческого языка. 35

Ковтун Ю.А., Розова О.Г.

Учёт интерференции гласных при обучении итальянцев русскому произношению. 36

Курбонова М.С. Дебаты как метод изучения английского языка	39
Мусина Г.Ф. Арабский пласт терминов физики в татарском языке	41
Овчарова М.В., Хаустова С.А. Параллели между естественными языками и языками программирования.	43
Пулатова Ш.С. Мотивация студентов к общению на уроке	45
Романчук Ю.В. Чем вызвана противоположность значений внутри слова?	47
Стетюха Н.В. Семантические различия синонимичных английских прилагательных и методы исследования их семантической структуры.	49
Тохиржанова Ш.К. Культурная компетентность.	52

МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ЖУРНАЛИСТИКА, СМИ

Майорова А.В. Языковая культура современных средств массовой информации	54
Мычко В.Н. Отражение городской жизни в ежедневнике «Метро»	56
Навасартян Л.Г. Ссылка на мнение авторитета как один из приемов манипуляции информацией в СМИ	62
Смирнова Е.А. Формы интертекстуальности в публицистике Ф.Д. Крюкова	65
Чаплыгина Т.С. Языковые средства выражения оценки в англоязычной кинорецензии.	68

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

Бакурова О.К. «Цветы зла» или «Цветы боли» Шарля Бодлера: новый взгляд на старое название	71
Бехтева Н.Н., Дегтярева Е.В. Основные проблемы перевода научно-технических текстов металлургической тематики	74
Гейбатова Н.А. Особенности перевода общественно-политического лексикона	76
Мазенцева Е.А. Некоторые особенности перевода лексических единиц научного текста	79

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ. ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Освоение драматических произведений читателями-школьниками как методическая проблема в обучении литературе на современном этапе

Лоскутова Ольга Александровна, учитель русского языка и литературы
МОУ «СОШ № 22» г. Саранска

Важность и актуальность обращения к драматическим произведениям на уроках литературы, необходимость изучения этого сложного, имеющего двойственную природу рода литературы во многом обусловлены все более нарастающим интересом нынешнего театра к постановке классических произведений в новых, современных интерпретациях. Очень важно, чтобы сегодняшний зритель был готов не только увидеть за толкованием режиссера незримое присутствие самого драматурга, не только был готов отделить главное от второстепенного, но и смог получить реальное удовольствие от соприкосновения с новой, неожиданной разработкой знакомого сюжета. С учетом сказанного основная задача учителя-словесника заключается в том, чтобы стать проводником в современном мире театра и научить школьников объективно постигать авторский замысел.

Произведения русских и зарубежных драматургов достаточно широко представлены в современных общеобразовательных программах; при этом в одних предлагается сопряженное изучение драматических произведений отечественных и зарубежных авторов (Т. Ф. Курдюмова, В. Г. Маранцман, А. Г. Кутузов); в других произведения зарубежных классиков вынесены в отдельный раздел («Из зарубежной литературы»), знакомство с которым запланировано на конец учебного года (в частности, в программе В. Я. Коровиной). В ряде программ вопросы изучения драматургии помещены в особые разделы и темы (А. Г. Кутузов, Т. Ф. Курдюмова).

Проблеме изучения драматических произведений на уроках литературы в средней школе в свое время внимание уделяли многие ученые. Среди основных вопросов, входящих в проблемное поле специфики читательского восприятия драмы и формирования умений и навыков ее интерпретации у школьников, которые были освещены в работах данных авторов, а также выявлены нами в ходе экспериментального исследования на базе общеобразовательных школ г. Саранска, можно отметить следующие:

1. Отсутствие научно-выверенных подходов к целостному анализу драматических произведений на уроках в школе. Рассмотрение различных вопросов восприятия и

изучения драматического произведения в учебных условиях, как показывает школьный опыт и его научное осмысление, необходимо начинать с исследования его родовой и жанровой специфики, служащей основой для раскрытия природы тех трудностей, с которыми сталкиваются учащиеся. Сложность в постижении авторской позиции, стремление почувствовать, что скрывается за словами и поступками каждого из действующих лиц, умение в аргументировании своих суждений пользоваться текстом, воспринимать его не локально, в пределах одной реплики, а целостно, составляют основные задачи изучения драмы на уроках литературы в современной школе.

2. Сложность драмы как рода литературы, которая определяется таким фактором, как ее сценичность, что при чтении текста предполагает активную работу воссоздающего воображения, позволяющего учащимся самостоятельно «достраивать» образы, характеры героев и ситуации, в которых они оказываются. Этим обусловлена особая важность интерпретационного компонента в тексте драматического произведения, который, наряду с литературным, содержится и в лирике, и в эпосе, но именно в драме приобретает первостепенную значимость. Об этом в свое время говорил Л. С. Выготский: «...драма, в сущности говоря, есть не законченное художественное произведение, а только материал для театрального представления» [1, с. 217]. Доминирование интерпретационного компонента подтверждается и этимологическим анализом значения слова *драма* (drama с др.-гр. — действие), которое характеризует действие как один из ее основополагающих признаков. Функционально действие воспроизводит внешний по отношению к автору мир — взаимоотношения между людьми, их поступки.

3. Еще одной особенностью драматического рода литературы, отмечаемой многими исследователями, является его близость эпосу. Действие — это основа, объединяющая драму и эпос. Однако существенным их отличием выступает то, что в эпосе речь идет, как правило, о совершившемся событии (или системе событий), а в драме действие разворачивается в настоящем времени, на глазах у зрителей, поэтому автор вынужден опираться на особые

способы изображения действительности. Если в эпическом произведении — это и повествование, и описание, и диалог, то в драме — только диалог. Диалог в драме — это и средство развития действия, и средство характеристики персонажей. Однако это достаточно «необычное» и информативно недостаточное художественное средство для учащихся, привыкших к восприятию информативно насыщенных прозаических текстов, что снова обуславливает большую роль продуктивного воображения, фантазии, жизненного опыта, эмпатии.

Трудность восприятия драматического текста учащимися, которая непосредственно связана с вышеуказанными специфическими чертами драмы.

Среди основных трудностей восприятия учащимися драматического текста мы выявили следующие.

Во-первых, как было отмечено выше, текст драмы непривычен для ученического восприятия, поскольку отличен от эпики и лирики: авторская речь (обычный носитель информации) здесь эпизодична, а основной текст драмы составляют высказывания персонажей, которые создают иллюзию настоящего времени. В результате читателю приходится «воссоздавать» психологический облик персонажей, их внутреннее состояние, лишь опираясь на сказанное ими в монологах и диалогах. Однако учащиеся не обладают ни необходимым жизненным опытом, ни навыками осуществления такого психологического анализа, поэтому текст пьесы остается зачастую непонятым, а его восприятие ограничивается поверхностным уровнем — событийным рядом.

Во-вторых, в отличие от лирики, драма не дает такого глубокого проникновения во внутренний мир героя, в отличие от эпики она не способна на панорамное изображение действительности, поэтому «картинный» ряд здесь также отсутствует, что, несомненно, снижает познавательный интерес учащихся к произведениям данного литературного рода.

В-третьих, одновременно ориентируясь не только на словесное, но одновременно и сценическое искусство, драма характеризуется пристальным вниманием к внешней пластике и прочим эффектам подачи изображаемого, что нередко обуславливает гиперболичность, броскость, театральность образов и, следовательно, их «нереальность», намеренную условность, оторванность от жизни. Аллегоризм такого характера также не воспринимается учащимися, привыкшими к буквальному «прочтению» художественного текста.

В-четвертых, определенной сложностью для читающего школьника является отсутствие речи автора. Именно это обстоятельство и делает драматическое произведение таким трудным, неудобным для чтения и изучения на уроке литературы. У читателя драмы нет достаточного материала для воссоздания образа персонажа: нет портрета, описания интерьера, нет характерных деталей. Его воображение может полагаться только на ремарки и умение анализировать развитие действия, ситуации, поступки героев, язык персонажей. Без определенных навыков чтения дра-

матического произведения читатель путается в действующих лицах, в зримых, сопоставимых с собственным опытом образах, а значит, и в ходе самого действия, с трудом представляет то, о чем читает.

В-пятых, ограниченность информативной стороны драматического текста компенсируется «доистраиванием» в своих сценических воплощениях, формируя в совокупности новые традиции восприятия произведения и влияя на зрительскую культуру в целом. Но его информативная «недостаточность» не воспринимается неопытными читателями как возможность «дофантазировать» предложенный автором материал, что обусловлено и отсутствием высокого уровня развития продуктивного воображения, и специальных навыков работы с подобными текстами.

Однако не все трудности восприятия учащимися драматического текста учитываются учеными и методистами. В особенной степени сказанное касается глубокого постижения образа драматического персонажа, его психологии, поведения. «До-фантазирование», «доистраивание» образа за счет собственного воображения учащихся в этом случае, на наш взгляд, не совсем уместно, поскольку даже старшеклассники не обладают должным уровнем развития эмпатии, жизненного опыта и т. п. Продуктивным здесь является скорее знакомство с интерпретациями драматических образов, принадлежащими известным режиссерам (отрывки из спектаклей или кинофильмов, фотографии актеров, исполняющих ту или иную роль и т. п.), что в результате содействует не только более глубокому прочтению текста, но и развитию умений и навыков интерпретировать текст драматического произведения. Просмотр спектаклей должен предварять аналитический разбор произведения, поскольку у учащихся будет выбор, какого «прочтения» произведения лучше придерживаться, какая интерпретация им ближе, что исключит неверные суждения относительно замысла и героев пьесы, основанные на ее непонимании в результате сложностей освоения драмы как рода литературы. Учащиеся могут и самостоятельно инсценировать некоторые мизансцены, которые можно дополнить просмотром фрагментов спектаклей. Однако это не исключает активного применения традиционных и широко освещенных в методической литературе методов и приемов работы с драматическим текстом на уроках литературы в школе.

Таким образом, основная трудность в освоении учащимися драматического текста объясняется спецификой драмы как рода литературы, ее ориентированностью на сцену, отсутствием подробного описания героев, их характеров, ситуаций, что предполагает активную работу воссоздающего воображения учащихся, наличия хорошей эмпатии, жизненного опыта, отсутствием или недостаточным развитием по понятным причинам которых можно компенсировать знакомством с режиссерскими интерпретациями пьес, что, с одной стороны, расширит и углубит представления школьников о прочитанном тексте, с другой стороны, будет способствовать развитию умений и навыков интерпретации драматических произведений.

Литература:

1. Выготский, Л. С. Избранные психологические исследования / Л. С. Выготский. — М.: Изд-во АПН РСФСР, 1966. — 466 с.
2. Есин, А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения: учеб. пособие для студ. и преподавателей филолог. фак-тов, учителей-словесников / А. Б. Есин. — М.: Флинта: Наука, 2010. — 248 с.
3. Корст, Н. О. Анализ драматических произведений / Н. О. Корст // Преподавание литературы в старших классах. — М.: Просвещение, 1964. — с. 32–109.
4. Магдиева, С. С. Изучение драматических произведений на уроках литературы: учебное пособие / С. С. Магдиева. — Ташкент: ТГПИ имени Низами, 2004. — 98 с.
5. Методика преподавания литературы: учебник для пед. вузов: в 2-х ч. / под ред. О. Ю. Богдановой, В. Г. Маранцмана. — М.: Просвещение, 2004. — Ч. 2. — 288 с.

Образ медведя в русской и персидской культуре и литературе

Ханджани Лейла, кандидат филологических наук, ассистент профессора, преподаватель;
Паям Бахрамиян, студент русского языка
Гилянский университет (University of Guilan) (г. Решт, Иран)

Настоящая статья посвящена культурологическому сравнению образа медведя в русской и персидской литературе и культурах. Природа и животный мир как ее часть во все времена становились объектом литературного изображения. Сопоставление персидской и русской культур и литератур открывает перспективы для дальнейших изысканий в этой области. В традиции и культуре того или иного народа животные играют важную роль и с древних времен как мифы оказывают влияние на культуру и литературу. Их образы в культуре народа разных стран могут быть одинаковыми.

Ключевые слова: медведь, культура, образы, персидские мифы, русский язык

Язык дан человеку общностью, мы не выбираем свой язык, а получаем язык там, где родились, там, где растем и открываем мир. Язык покрывает картину освоенного мира, он вбирает в себя знание о мире, которое накапливается ровно столько, сколько живет язык и говорящий на нем народ. Язык передается из поколения в поколение, а вместе с ним — духовный и практический опыт народа. Ведь не случайно великий Вильгельм фон Гумбольдт написал: «Ясно, до чего ничтожна сила одиночки перед могущественной силой языка...».

Язык создан по мерке человека, и этот масштаб запечатлен в самой организации языка; в соответствии с ним язык и должен изучаться [1, с. 14–15].

Каждый язык обладает общими свойствами, стоящими над типологическими различиями языков, и частными свойствами, определяющими специфику конкретного языка. Поэтому соизмеримость разносистемных языков может быть достигнута лишь при условии выбора общих критериев, применение которых позволит использовать общие термины (единицы описания).

Предметом лингвокультурологии «является изучение культурной семантики языковых знаков, которая формируется при взаимодействии двух разных кодов — языка и культуры, так как каждая языковая личность одновременно является и культурной личностью. Поэтому языковые знаки способны выполнять функцию «языка»

культуры, что выражается в способности языка отображать культурно-национальную ментальность его носителей» [2, с. 9].

Образы «животных» в художественной литературе фигурировали в разные эпохи. С давних времён, животное было культом поклонения, выполняло роль тотема — хранителя рода. Люди верили в их силу и мощь, и что именно культ животному спасёт их от всех невзгод и ненастий. Таким образом, животное считалось чем-то священным, светлым и оберегающим. В литературе многочисленные образы животных наделяются человеческими качествами, иногда даже вступают с ними в противоборство. И очень часто автор пытается донести до читателя суть человеческих проблем через поведение и поступки животного.

Медведь — самый крупный и сильный хищник, живущий в лесу. С давних пор медведь занимает воображение людей. Из-за манеры частенько подниматься на задние лапы, медведь похож на человека. «Хозяин леса» — так его обычно величают. Характер медведя соответствует его размеру и силе [3, с. 2]. Медведь — персонаж многих сказок, о нем сложено немало поговорок и пословиц. Медведь — неоднозначный образ, именно фигура этого зверя часто используется в различных сферах жизнедеятельности.

У многих народов распространено представление, что медведь прежде был небесным существом, наделённым

божественными качествами, но позже спущен небесным богом на землю заслушание, за попытку испугать бога, чтобы карать грешников (в ряде традиций считалось, что задранный медведем человек — грешник; когда убитым оказывался медведь, верили, что он прогневил небесного бога, который и покарал его). Медведь — родной брат лешему. Его иногда и называют лешим или лесным чертом. Некоторые лесные духи имеют облик медведя. В то же время нечистая сила боится медведя. Черт бежит от него прочь. Медведь может одолеть и изгнать водяного.

Когда медведь поднимается на задние лапы, он похож на человека. Поэтому неудивительно, что медведь был священным, тотемным животным у многих славянских племен (тотем — являющееся предметом поклонения растение или животное, от которого, по преданию, произошло племя). Отсюда распространенность образа медведя в славянском, в том числе и в русском, фольклоре [4, с. 325]. Вместе с тем в других этиологических легендах, прослеживается происхождение медведя от человека. Легенды Русского Севера, например, связывают появление медведей с детьми первых людей — Адама и Евы. С помощью медведя снимали порчу с дома и со скота. Чтобы не допустить к скоту «лихого домового», в конюшне вешали медвежью голову, а когда домовый шалил, в хлев вводили медведя.

В ряду сведений стоит и восприятие медведя в традиционной культуре восточных славян как вестника смерти или болезни. Так, у белорусов болезнь могла представляться в виде медведя, а видение этого зверя во сне могло предвещать не только свадьбу, но также болезнь и смерть. Болезнь в образе медведицы представлялась и у русских в Сибири. Представления о посреднической роли медведя между мирами жизни и смерти использовались в гадании, известном в Поволжье во второй половине XIX века: медведям, водимым по городам для потехи, давали из своих рук кусок хлеба; если зверь хлеб съедал, верили, что давший его проживет долго. Встреча с медведем в дороге считалась хорошим предзнаменованием и сулила удачу.

У русских широко бытовало представление о том, что медведь уводит к себе женщин, чтобы жить с ними. Это представление нашло отражение не только в поверьях, но и в сказках. Охота на медведя считалась одной из самых серьезных. В Вологодской губернии, чтобы медведь наверняка вышел на охотника, с собой брали летучую мышь. По русским поверьям, особенно опасна была сороковая охота на медведя: в народе существовало твердое убеждение, что сороковой медведь обязательно покалечит или убьет охотника. Традиционно в России медведь — объект охоты. «Если кто-то идет на медведя, то это значит, что он уже опытный охотник» [4, с. 353].

Во многих традициях считалось, что целительная сила медведя распространяется не только на людей, но и на скот (коров, оленей и др.). В Новгородской губернии существовало представление о том, что женщина излечится от бесплодия, если через нее переступит прирученный медведь. С идеей плодородия связан обычай рядиться медведем во

время свадьбы и в Святки. Шерстью медведя окуривают рожениц и больных лихорадкой. Сквозь челюсти медведя протаскивают больного ребенка. Съевший сердце медведя исцеляется от всех болезней. Салом медведя мажут лоб, чтобы иметь хорошую память. Правый глаз медведя вешают ребенку на шею для храбрости. Когти и шерсть используют как амулет.

В традиционном сознании медведю приписывались защитные функции в области скотоводства. У русских для оберега скота от проделок чужого или своего, но злого домового в конюшне вешали медвежью голову. В случае падежа скота в некоторых местностях при совершении обряда опаживания селения носили с собой медвежью голову. Вывешивание черепа, когтей и шерсти медведя в хлеву, по народным представлениям, обеспечивало не только оберег, но и плодovitость скота. Хозяин до восхода солнца отправлялся на скотный двор и ходил там с медвежьей головой между домашними животными, после чего закапывал ее посреди двора. С той же целью — чтобы скот хорошо плодился — следовало слегка поцарапать коровье вымя лапой медведя. У русских известен также обряд вождения медведя вокруг деревни, направленный на очищение полей и, соответственно, на обеспечение хорошего урожая.

Мужская символика медведя и мотив его главенства нашли отражение в святочных обрядовых песнях — колядках, где звучало величание хозяина дома и сравнение его с хозяином леса:

Хозяин в дому
Что медведь в бору;
Хозяюшка в дому,
Что оладья в меду.

Медведь — частый персонаж русских народных сказок. В одних сказках он сильный, неуклюжий, неловкий зверь. Он давит все, что попадает ему на пути, как в сказке «Теремок». Звери в сказках признают огромную силу медведя и поэтому боятся его. Но есть сказки, в которых медведь показан глупым. В сказке «Колобок», главный герой открыто говорит о глупости медведя: «Ну, где тебе, косяпому, меня съесть!» В сказке «Медведь и лиса» все хитро спланировав, лиса стала жить у медведя дома, съела у него весь мед и обвинила медведя, а глупый медведь и поверил. Значит, образ медведя к нам пришёл из далёкого прошлого от наших предков [3, с. 5].

Особенности поведения медведя замечены народом и отразились в образных выражениях. Например, некоторая неповоротливость медведя привела к появлению устойчивого сравнения: неповоротлив как медведь. Если у человека совсем нет музыкального слуха, то о нем скажут: медведь на ухо наступил. Отдаленное и малонаселенное место назовут медвежий угол. Медвежьей услугой у русских называется неудачная неуместная помощь. Медведь. Мишка — один из любимых героев русских народных сказок. Там он обычно не очень умен, но силен и помогает герою сказки. В отличие от многих других животных, у медведя в сказках есть фамилия *мон-*

тыгин, зовут его по имени, а иногда и по имени и отчеству: *Михаил, Миша, Михайло Потапыч* или *Михайло Иваныч*. [4, с. 354].

Медведь является персонажем русских народных сказок, анализ которых раскрывает картину образа медведя в сознании русского народа. Сказочный образ медведя в русской сказке неоднозначен. Где-то он является сильным и справедливым защитником слабых («Медведь и собака»), где-то легкомыслен, ограничен и простодушен («Мужик и медведь», «Медведь и лиса»). Также он имеет «роль помощника и дарителя». В некоторых сказках, медведь является похитителем, испытанием для героев. В сказке «Маша и медведь» зверь похищает девочку, заставляет ее работать. Другие сказки, например, «Медвежье ушко», которое повествует о рождении героя от человека и медведя, выражают «брачную» роль медведя, который иногда может превращаться в человека. В подобных сказках медведь выполняет роль испытания для девочки, которая, преодолевая трудности, становится «красной девицей», то есть девушкой на выданье. Например, в сказке «Про медведя и трех сестер, медведь требует продемонстрировать брачные способности ткачества: «Девушка, девушка, садись за красенки. Выткёшь — замуж возьму, не выткёшь — голову отсеку». Медведь как символ плодородия, помогают женщинам развивать свою женскую природу, становиться женами и матерями.

В мифологических представлениях и ритуале русского народа Медведь может выступать как божество в частности, умирающее и возрождающееся, культурный герой, основатель традиции, предок, родоначальник, дух-охранитель, дух-целитель, хозяин нижнего мира, священное и жертвенное животное, воплощение души, даритель, звериный двойник человека, помощник шамана и оборотень. Медведь — один из главных героев животного эпоса, сказок, быличек, песен, загадок, поверий, заговоров и др. Значение Медведя определяется, прежде всего, его подобием человеку, толкуемым мифопоэтическим сознанием как указание на общее их происхождение или происхождение друг от друга. Кроме того, целый ряд свидетельств изображения Медведя, а также находки большого скопления медвежьих костей в пещерах Скандинавии, Урала, Восточной Сибири, собранных в определенном порядке, что имеет аналогии в современных медвежьих ритуалах, делает несомненными архаичность мифопоэтических представлений о Медведе и связанных с ним культов и исключительную устойчивость взгляда человека на природу Медведя и его сакральное значение. [5, с. 2].

У ряда сибирских народностей известны разные типы миметической «медвежьей пляски», совершаемой в связи с предстоящей охотой. Широкое распространение имело представление, что души наиболее могущественных шаманов обладали способностью оборачиваться Медведем. Также в силу того, что медведь является символом могущества и власти, имеются также многочисленные данные об участии медведей в обрядах более формального харак-

тера, главная функция которых сводилась к репрезентации царского величия. В древневосточных описаниях «звериных» кортежей Медведь играл особую роль наряду с другим «царём зверей» — львом. «Совместность» Медведя и льва характерна для библейской традиции (1 Царств 17, 37; Притч. 28, 15; Иерем. 3, 10).

С медведем у восточных славян связывались разнообразные приметы и поверья. Встреча с медведем в дороге считалась хорошим предзнаменованием и сулила удачу, но была весьма опасной. Обычно, чтобы дикий зверь не тронул, прикидывались мертвыми. Медведь с незапамятных времен является символом, олицетворяющим Россию, — он страж и хранитель древнейшей истории предков. Медведь символизирует силу, мощь, величие, смелость и мужество [3, с. 9].

По данным иранского фольклора существует следующий рассказ: Два друга идут на охоту медведя и по дороге разговаривают о еще не убитом ими медведе. И вдруг они встречают медведя. Один из них, испугавшись, лезет на дерево, а другой ложиться на землю и притворяется мертвым. Медведь подходит к нему и, обнюхав, уходит. Другой охотник с дерева наблюдает за происходящим. После ухода медведя, он слезает с дерева и спрашивает у друга: «Что медведь сказал тебе на ухо? А второй отвечает: «*Аблах! Херси ке шекар накарди пушташ ра нафруш*», что на русском языке будет: «*Глупец! Не продавай шкуры убитого медведя*». По русским поверьям, особенно опасна была сороковая охота на медведя: в народе существовало твердое убеждение, что сороковой медведь обязательно покалечит или убьет охотника. Охотников, которые шли на медведя, рискуя своей жизнью, называли «отпетыми».

Представление об опасности для жизни и сложности медвежьей охоты легло в основу некоторых русских и персидских пословиц: Напр.:

Где медведь, там страшно. (русская пословица);
Хар джа херсе, джае тарсе! (персидская пословица);
Не продавай шкуры, не убив медведя. (русская пословица);
Херсе шекар накарде ра пушташ ра мафруш. (персидская пословица)

Медведь также является важным персонажем персидского фольклора. Ввиду географического расположения и климата Ирана, медведь в Иране не так часто встречается. Обычно место обитания иранского бурого медведя — леса северной части страны, побережье Каспийского моря, горные районы Эльбруса, провинции Гилян и Мезандеран. Среди гилянских крестьян существует поверье, что медведь очень любит красивых молодых девушек. Медведь крадет красивых девушек, уносит их в свою берлогу и чтобы они не могли убежать лижет подошву их ног до тех пор пока не сойдет кожа и не появятся раны. В иранской культуре медведь является символом лени, неуклюжести и неумелости, что нашло свое отражение в некоторых сказках и стихах. В этой связи можно привести отрывки из стихов Моулави в Месневи. Великий иранский поэт в рассказе о доверии медведю пишет: [5, с. 2].

*Херс чон фойад кард аз аждаха Шир марди
кард аз чангаш джода*

*То кам аз херси неминали зе дард Херс раст аз
дард чон фойад кард*

Медведь имеет разные образы в русском и персидском культурах. В русских народных сказках Медведь чаще всего выступает в роли властного, но глупого помещика или жадного, но простодушного хозяина леса, которого легко обмануть. С его образом связаны многие природные явления. С древних времен медведь являлся

тотемным животным у северных народов Руси, ему поклонялись, в нем видели человеческие качества. Результаты опроса показали, что в последнее время мы не задумываемся о характере героев и их значении, а ведь каждая сказка, каждый образ несёт в себе народную мудрость, которую мы не всегда видим и понимаем. С медведем связаны народные праздники, приметы. Во всех сказках, загадках, поговорках медведь наделен человеческими качествами как положительными, так и отрицательными.

Литература:

1. Степанов, Ю. С. Французская стилистика в сравнении с русской, М, Наука, 2002
2. Маслова, В. А. Лингвокультурология, М.: Академия, 2001.
3. Лумпов, М. Д. Образ медведя в русской культуре, межрегиональный фестиваль исследовательских работ «открытие мира», Нижневартовск, 2014
4. Россия: Большой Лингвострановедческий Словарь, под редакцией Прохорова Ю. Е., М., Аст-пресс, 2007
5. Мохаммад-заде, Ш. Г., Мехтиханлы С. Г культурологическое сравнение русских и персидских фразеологизмов с компонентом «медведь», «Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук»/ Российская Федерация/ М, 2012

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Сравнительный анализ английских и русских пословиц и поговорок

Лиске Наталья Вячеславовна, учитель английского языка
ГБОУ СОШ № 591 Невского района г. Санкт-Петербурга

Величайшее богатство народа — его язык! Тысячелетиями накапливаются и вечно живут в слове несметные сокровища человеческой мысли и опыта. И, может быть, ни в одной из форм языкового творчества народа с такой силой и так многогранно не проявляется его ум, так кристаллически не отлагается его национальная история, общественный строй, быт, мировоззрение, как в пословицах.

Меткий и образный русский язык особенно богат пословицами. Их тысячи, десятки тысяч! Как на крыльях, они перелетают из века в век, от одного поколения к другому, и не видна та безграничная даль, куда устремляет свой полет эта крылатая мудрость...

Различны эпохи, породившие пословицы. Необозримо многообразие человеческих отношений, которые запечатлелись в чеканных народных изречениях и афоризмах. Из бездны времени дошли до нас в этих сгустках разума и знания жизни радость и страдания людские, смех и слезы, любовь и гнев, вера и безверие, правда и кривда, честность и обман, трудолюбие и лень, красота истин и уродство предрассудков.

М. Шолохов

Цель работы — сопоставительный анализ пословиц английского и русского языков.

Задачи:

— Обнаружение общего и различного в представлении о мире английского и русского народа через пословицы и поговорки

— Выделение связи пословиц с национальной культурой, ее самобытностью.

История возникновения и употребления пословиц и поговорок

За пословицами стоит многовековая мудрость народов, опыт целых поколений. Пословицы хранят знание о мире и о человеке в этом мире, являются наряду с другими формами культуры, «автобиографией народа», «зеркалом культуры», что делает интересным и плодотворным их изучение в рамках когнитивной лингвистики, в плане реконструкции на их основе пословичного представления о мире — пословичной картины мира. Примечательно, что слово «картина» в связи с теми представлениями и образами, которые возникают в сознании при чтении пословиц, употребил В. И. Даль. А изобразил пословичную картину мира П. Брейгель, написав полотно «Нидерландские пословицы», которое состоит из отдельных картинок — пословиц. Подобно этому произведению посло-

вичная картина, реконструируемая лингвистом, складывается из множества пословичных единиц. Понятие «языковая картина мира» является чрезвычайно популярным в современном языке, отдельные фрагменты языковой картины мира анализируются на различном языковом материале, пословичная картина мира — отдельный фрагмент, часть языковой картины мира.

Обычно пословицы и поговорки содержат прямой совет, как поступить в той или иной ситуации, и нам бывает полезно прислушаться к голосу разума, голосу народной мудрости. Очень важно знать такие пословицы, уместно вспомнить их в сложных жизненных условиях, чтобы разумно воспользоваться заложенным в них советом.

Использование пословиц и поговорок в сатирических и юмористических целях даёт большой назидательный эффект. Высоко ценил обличительную силу их Н. В. Гоголь. Он писал: «Сверх полноты мыслей, уже в самом образе выражения, в них отразилось много народных свойств наших; в них есть всё: издёвка, насмешка, попрек — словом, всё шевелящее и задирающее за живое; как столбчатый Аргус, глядит из них каждая на человека. Все великие люди, от Пушкина до Суворова и Петра, благоговели перед нашими пословицами».

Золотые россыпи народной мудрости, пословицы и поговорки для русских писателей всегда были важным

источником меткого и яркого художественного слова, неисчерпаемым родником образных средств. Постоянно обращается к ним Л. Н. Толстой. Он говорил, что чтение сборника пословиц Снегирёва — «одно из любимых — не занятий, но наслаждений». «На каждую пословицу мне представляются лица из народа и их столкновения в смысле пословицы. В числе неосуществимых мечтаний мне всегда представляется ряд не то повестей, не то картин, написанных на пословицы». Пословицы и поговорки являются излюбленным средством речевой характеристики в его произведениях. А. Н. Островский часто называл свои пьесы пословицами и поговорками, определяя этим идейную концепцию произведения:

Не в свои сани не садись.

Бедность не порок.

В чужом пиру похмелье. Свои люди — сочтёмся.

Не всё коту масленица. На всякого мудреца довольно простоты.

Велик вклад в национальную идиоматику русского языка деятелей науки, искусства, философов, военачальников, общественных и государственных деятелей, чьи изречения существенно обогащают её сокровища:

Глазомер, быстрота, натиск. Наука побеждает. Пуля — дура, штык — молодец. Воюют не числом, а умением. Дисциплина — мать порядка. Сам погибай, а товарища выручай (А. В. Суворов);

Важно не крепость взять, а войну выиграть (М. И. Кутузов);

Счастье всегда на стороне отважного (П. И. Багратион);

Войско сухопутное — одна рука, а сухопутное и морское — две (Пётр 1);

Победителя не судят (Екатерина 2);

Могучая куча (В. В. Стасов);

Кухаркины дети (И. Д. Делянов, министр просвещения, 1887);

Мыслящий и работающий человек есть мера всему (В. И. Вернадский);

В науке не может быть диктата, иначе она перестаёт быть наукой (Н. И. Вавилов);

Словом: надо думать (Д. И. Писарев);

Не отрекайтесь от мечты (В. А. Обручев);

Планета есть колыбель разума, но нельзя вечно жить в колыбели (К. Э. Циолковский);

Слово истины не падает даром (В. Г. Белинский) и т. п.

Другим важным и богатым источником пополнения русских пословиц, поговорок, афоризмов является заимствование. Народы широко обмениваются между собой пословицами и поговорками, крылатыми словами, афоризмами в процессе культурных, хозяйственно-экономических, научных связей. Сюда, например, относятся:

Авгиевы конюшни (греческая мифология);

Аппетит приходит во время еды (Рабле);

Архитектура — застывшая музыка (Гёте);

Белая ворона (Ювенал);

Благими (добрыми) намерениями ад вымощен (английский писатель Джонсон);

Борьба за существование (Дарвин);

Бумага не краснеет. Бумага всё терпит (Цицерон);

Буря в стакане воды (Монтескье);

Возлияние Бахусу (римская мифология);

Все жанры хороши, кроме скучного (Вольтер);

Всё течёт. Всё меняется (Гераклит);

Держать порох сухим (Кромвель);

Жизнь коротка, искусство долговечно (Гиппократ);

Жребий брошен (Юлий Цезарь);

Золотой дождь (греческая мифология);

Лучше поздно, чем никогда (Тит Ливий) и др.

Такие устойчивые сочетания стали неотъемлемой частью русской идиоматики.

Безусловный интерес представляет сопоставительный анализ пословиц двух или нескольких языков в плане обнаружения общего и различного в представлении о мире, отраженном в языке, в плане исследования языкового менталитета разных народов. При таком подходе происхождение пословиц, их генетическое родство, источник заимствования являются второстепенными, т. к. если пословица принята народом и используется им, значит, она соответствует менталитету народа, его «видению мира». Такой подход полностью отвечает взглядам В. И. Даля, который в ответ на упреки в том, что в его сборник включены переводные пословицы, заметил, что он эти пословицы не переводил, а записал как употребляемые народом. Вместе с тем, если пословица обнаруживает явно переводной характер и одновременно стоит особняком в пословичном фонде, то она весьма показательна как пример привнесённого извне знания, отражения иного менталитета. Исследователи пословиц единодушно полагают, что, как правило, невозможно точно определить происхождение той или иной пословицы. Часто наблюдается скрещивание пословиц и поговорок различного происхождения, слияние национального и интернационального начала. Это явление свидетельствует о далеко идущих контактах многих культур.

Связь пословиц с национальной культурой, её самобытностью можно проследить на основе географических названий, исторических мотивов, некоторых деталей быта и обычаев, при этом местный колорит может обнаруживаться в адекватных по смыслу пословицах разных культурно-языковых общностей.

При сопоставительном анализе английских и русских пословиц представляется возможным говорить о пословицах — маркерах общего менталитета и пословицах — маркерах единичного менталитета.

В философском смысле общее традиционно рассматривается как признак предмета, сходный с признаками всех предметов фиксированного ряда, а единичное — как признак предмета, находящийся в отношении несходства к признакам всех предметов определённого фиксированного

ряда. В соответствии с этим каждая пословица английского и русского языков анализируется как отдельное, обладающее общими и единичными (несхожим) признаками, в качестве которых выступают значение и внутренняя форма пословицы. Эти признаки свидетельствуют о сходстве пословичного менталитета. Использование маркеров общего и единичного менталитета при сопоставительном анализе пословиц позволит выявить общее и особенное в видении мира англичан и русских, которые исторически не находились в очень тесных контактах, их языки не являются генетически родственными языками. Говоря о сходстве и различии пословиц двух языков, нельзя не вспомнить о парадоксе, описанном Ю.И. Левиным, который заключается в том, что, с одной стороны, пословицы выражают национальный характер, «душу народа», а с другой — значения большинства пословиц представляют собой универсалии, большинство пословиц имеет синонимы в других языках. Выявлению общих и различных черт английских и русских пословиц и посвящены следующие четыре раздела.

В своей работе при сопоставлении русских и английских пословиц и поговорок я разделила их на 4 темы:

- 1) Географические пословицы
- 2) Пословицы о труде
- 3) Пословицы о деньгах
- 4) Пословицы о домашних животных

«Географические пословицы»

Пословицы о своей стране и чужеземных странах представляют собой реализацию семантической универсалии «свой-чужой». Сопоставление пословиц о странах и городах интересно в том отношении, что в них представлены две «карты мира». Эти пословицы свидетельствуют о контактах с определёнными народами и об отсутствии этих контактов с другими народами, об отношении к чужим народам, сложившемся в результате знакомства с ними, и об отношении к собственной стране и к собственному народу. При сопоставительном анализе таких пословиц интересна не столько возможность выявить следы контактов тех или иных народов, обусловленных географическим положением стран и конкретными историческими условиями их развития, сколько попытка описать сходство и различия в строении пословичных структур и особенности проявления языкового менталитета в выборе характеристик представителей своей и чужой национальности, своей и чужой страны.

В английском языке 64% географических пословиц приходится на пословицы о Британии, её территориях — Англии, Шотландии, Ирландии, Уэльсе, о различных городах и населённых пунктах. Пословицы об Англии и Британии не образуют какой-либо законченной структуры и не создают целостного пословичного портрета. Так, в них указывается, например, на превосходство Британии и Англии над всеми другими странами:

All countries stand in need of Britain, and Britain of none.
With all the world have war, but with England do not jar.

There is more good victuals in England, than in seven other kingdoms.

В 36% географических пословицах говорится о странах, находящихся за пределами Британских островов, о государствах Западной Европы — Франции, Испании, Италии, Германии, Голландии, а также о Венгрии, Польше, Финляндии, России, Китае, Египте, Азии, и Африке:

A man would live in Italy, but he would choose to die in Spain.

Finland is the devil's country.

The cold is Russian's cholera.

Africa always brings something new.

В этих пословицах отмечены наиболее впечатляющие, привлёкшие внимание англичанина черты чужих стран.

В русском языке в географических пословицах представлены ближайшие соседи России, вошедшие в состав Российской империи в XVIII в., — Польша и Литва:

Что дальше в Польшу, то разбою больше.

Кто в Вильне не бывал, тот чудес не видал.

Из западноевропейских городов упомянуты лишь Рим, Париж и Иерусалим, причём пословицы о Риме явно переводные, отражают чужое, а не исконно русское знание об этом городе. Из дальних стран названы Египет и Италия:

Рим ни перед кем не ломал шапки.

Спрашивая, доходят до Рима.

Египет богат пшеном, Италия вином.

В целом на пословицы о чужих странах и городах приходится 12% от общего числа всех географических пословиц.

О Руси, о земле русской повествуется в 10% пословиц. При этом повторяющимися когнитивными оказываются: «на Руси холодно», «на Руси народ богобоязненный», «на Руси народ склонен к выпивке» и «на Руси правды нет»:

Земля русская вся под богом.

Великая святорусская земля, а правде нигде нет места.

России и лету союза нету.

Руси есть веселие пити, не может без него быти.

10% английских географических пословиц повествует о Лондоне. В них речь идёт о притягательных сторонах столицы: возможность разбогатеть, разнообразное времяпрепровождение:

The streets of London are paved with gold.

When a man is tired of London, he is tired of life.

Три пословицы посвящены Лондонскому мосту:

London Bridge was made for wise men to go over, and fools to go under.

If London Bridge had fewer eyes, it would see better.

35% всех географических пословиц составляют пословицы о Москве. В когнитивной пословичной структуре «страны и города» знание о Москве занимает центральное место, образует своеобразное ядро. Пословичная картина Москвы является цельной и полной, гораздо более детализированной, чем пословичная картина Лондона или же

пословице изображение какой-либо территории как в русском, так и в английском языке.

Москва представлена не глазами коренного жителя, а глазами пришлого, стороннего человека, к которому она подчас непомерно сурова и безжалостна:

Хороша Москва, да не дома.

Москва по нашим бедам не плачет.

Москва слезам не верит.

Москва — кому мать, кому мачеха.

Этот город известен своей дороговизной.

В Москву бресть — последню (ю) копейку несть.

В Москве толсто звонят, да тонко едят.

Среди пословиц о национальностях 38% приходится в английском языке на национальности, населяющие Британские острова, из них половину (53%) составляют англичане, половину (47%) — шотландцы, ирландцы и валлийцы.

Пословицы отмечают такие присущие англичанину черты, как уважение к власти и институту знати, почтение домашнего очага:

An Englishman loves a lord.

The Peerage is the Englishman's Bible.

An Englishman's home is his castle.

Англичанин верен своему слову, но не лишён слабостей: любит поест, поворчать и поругаться.

An Englishman's word is his bond.

The way to an Englishman's heart is through his stomach.

It is an Englishman's privilege to grumble.

Таким образом, пословице знание русского человека о мире гораздо более ограничено, чем у англичанина. Это объясняется незначительным опытом путешествий русского человека, что обусловлено рядом социально-исторических факторов, а также необъятностью самой России. Знание о другой местности, например о Сибири или прилегающим к Дону землям, в какой-то степени равноценно знанию о другой стране у англичан, ввиду отдалённости этих мест от центра России, где сформировался национальный язык пословиц.

В заключение необходимо вспомнить слова А. Дандиса о том, что в пословицах о странах и национальностях, как и в других фольклорных жанрах на эту тему, находят своё проявление стереотипные представления о различных национальных характерах. Эти представления могут быть истинными или ложными, но должны приниматься во внимание в процессе исследования.

Пословицы и поговорки о работе

Работа играет наиважнейшую роль в жизни человека, поэтому естественно, что пословицы о труде занимают значительное место в пословичных фондах английского и русского языков. При сопоставлении пословиц сразу же привлекает внимание тот факт, что в английском языке больше, чем в русском, пословиц, содержащих общие суждения о важности и значимости труда, работы (10% в

англ., 4% в рус.). Эти пословицы, хотя и не составляют самую многочисленную группу, заключают информацию о значимости труда как такового и являются смысловым ядром, неким общим девизом, который затем конкретизируется и уточняется в других, больших или меньших по объёму структурах пословиц.

Labour conquers everything.

Labour overcomes all things.

Work conquers all.

Life is nothing without work.

Work is the spice of life.

Labour is a treasure to man.

В русском материале наиболее близка по значению к рассматриваемым пословице *Терпение и труд всё перетрут*, в которой концепт «труд» представлен в паре с концептом «терпение».

В русских пословицах данной группы утверждение важности труда осуществляется преимущественно с помощью языковых структур с отрицанием и противопоставлением:

Труд — не мученье, а удовольствие.

Человека греет не шуба, а работа.

Жизнь без труда — потухший костёр.

Без труда ничего не делается.

Достаточно большими «пластами» в обоих языках являются структуры с общей темой: «надо потрудиться, чтобы что-то получить»; «затратить усилия, чтобы чего-то добиться». В английском 8% пословиц с таким значением, в русском — 15%. Эта идея хорошо известна любому социуму во все эпохи, она присутствует и в Библии — «В поте лица твоего будешь есть хлеб».

No convenience without its inconvenience.

В русских пословицах также преобладают с аллегорической пословичной метафорой.

Не приложив труда, не разведёшь скота.

Не отрубишь дубка, не насадя пупка.

Не от росы урожай, а от поту.

Восприятие труда как непосильной тяжести, бремени свойственно не только русскому, но и всем славянским народам, восприятие работы как тяжёлой деятельности, связанной с чем-то прискорбным и неприятным, имеет очень глубокие корни в русском менталитете. Английское слово «labour» восходит к латинскому «labor», означавшему «exertion, trouble, suffering, perh. orig. burden under which one staggers». Слово «work» имеет соответствие в готском: «waurkjan» — «feel pain». Таким образом, можно заключить, что связь работы и тяжести, бремени свойственна общечеловеческому менталитету и изначально представлена в древних картинах мира. Но если в русской пословичной картине мира эта связь находит яркое проявление, то в английской она ослаблена, её значимость существенно уменьшается.

Следует заметить, что в английском очень мало пословиц о необходимости сочетать труд с отдыхом или о вреде труда, отсутствуют представленные в русском пословицы, выражающие скептическое отношение к труду,

поэтому есть основания предполагать, что английская поговорка «Mix work with leasure and you will never go mad» заимствована из русского. Действительно, в русском пословичном корпусе есть поговорка *Мешай дело с бездельем, с ума не сойдёшь*. Это даёт основание сказать, что данная английская поговорка отражает не исконный, хотя и приемлемый для английского народа «взгляд на вещи».

Ещё отличительной чертой русских пословиц является то, что целью трудовых усилий в них очень часто выступает еда, важной является тема «работа дает еду».

На полатях лежать — ломтя не видать.

Что потрудимся, то и поедим.

Английская поговорка «If you won't work, you shan't eat» совпадает по значению и внутренней форме с приведённым русским изречением.

Большие группы обоих языках образованы пословицами с общей темой «какая работа — таков и результат», «по труду и результат».

Что посеешь, то и пожнёшь.

В английских пословицах декларируется принцип вознаграждения по труду.

A man reaps what he sows.

Только в одной пословице высказывается сомнение, что хорошая работа всегда вознаграждается по заслугам:

Good workmen are seldom rich.

В русском языке рассматриваемая группа делится на две примерно равные части: пословицы, утверждающие, что работа вознаграждается по справедливости, и пословицы, повествующие о том, что награды за труд ждать не приходится.

Указанные особенности пословичных картин мира, выявленные на основе анализа языковых фактов, могут быть объяснены социально-историческими условиями развития двух народов. Как отмечают Л. В. Данилова и В. П. Данилов, при сохранении значительных масс крестьянства в составе населения оно влияет на менталитет всего общества и его культурно-исторический облик, а крестьянство безраздельно господствовало в России ещё в начале XX в., тем более в предшествующие столетия, когда возникла основная масса пословиц. Поэтому неудивительно, что именно крестьянский менталитет оказался преобладающим в пословичной картине мира на тему «труд». Англия прошла иной путь развития, английская индустриальная революция произошла в XVII в., а крестьянство было свободным.

Сложные природно-климатические условия основной территории России, громадные трудовые затраты на сельскохозяйственные работы воспитывали у крестьян не только трудолюбие, стремление работать не покладая рук, но и некий скепсис к собственным усилиям, порождавший небрежность в работе, благодушное отношение к лени. Этому способствовало и крепостное право, отчуждавшее у крестьянина результаты его труда, и общинное уравнительное землепользование. Именно эти условия жизни нашли отражение в пословицах.

Сопоставительный анализ английских и русских пословиц о деньгах

Деньги играют важную роль в жизни общества, мало кого оставляя равнодушными. Они то низвергают человека в бездну страстей, то побуждают его совершать благородные поступки, сталкивают государства и народы или группы людей внутри государств и народов. Отношение общества к деньгам отражается в разнообразных проявлениях культуры, а следовательно, в языке, в частности в пословицах. Особенностью пословиц о деньгах является присутствие в них, за редким исключением, наименований денежных знаков.

В английском языке центр темы «Money» образуют пословицы, прославляющие всепобеждающую силу денег.

Money is the only monarch.

Money is power.

If money go before, all ways lie open.

Вторую по величине группу составляют пословицы о созидательной, побуждающей к действию силе денег.

Money makes the man (merchant, marriage, mastery...).

Money makes the old wife trot (the mare to go, the pot boil...).

В английской пословице концепт «money» выступает в качестве господина или слуги человеку, в русских, наоборот, человек представлен как возможный господин или слуга деньгам. Также в русском языке достаточно большой пласт пословиц, где сопоставление денег с другими концептами производится не в пользу денег и даже сказано, что деньги — это источник несчастья.

Деньги суть жизнью войны.

Не в деньгах счастье.

Деньги могут много, а правда всё.

Деньги наживное дело.

Деньги искус любят.

В ряде русских пословиц обнаруживаются метафоры, не отмеченные в английском материале. Так, в нескольких пословицах реализована концептуальная метафора «деньги летят».

Деньги — крылья.

Деньги — пух, только дунь на них, и нет.

В другой пословице быстрая трата денег соотносится с лошадиной прытью:

На деньгу оброти не накинешь.

Главное место среди рассмотренных групп занимают пословицы, в которых наименования денежных знаков сопровождаются различными препозитивными определениями: свои, чужие, трудовые, праведные, отцовские.

Легко на чужие деньги ехать.

Чужие деньги считать — не разбогатеешь.

Казённая копеечка на воде не тонет, на огне не горит.

Принадлежность денег или способ их получения оказываются важными дифференциальными признаками концепта «деньги», значимый для русского народа. В пословицах представлены такие темы как: «деньги бывают

трудолюбивые», «деньги бывают чужие», «деньги бывают отцовские», «деньги бывают крестьянские».

Смысловая противопоставленность и эмотивность также позволяют говорить о большем национальном своеобразии русских пословиц. Эти качества можно рассматривать как их отличительные характеристики, тогда как для английских пословиц выделить подобные характеристики не представляется возможным.

Сопоставительный анализ пословиц о домашних животных

Важность животного мира для человека, тесная связь его с этим миром, тот факт, что человек издавна проводил аналогии между собой и животными, находит последовательное отражение в языке. Метафора «человек-животное» принадлежит к основным концептуальным метафорам и носит универсальный характер. Разумеется, конкретные реализации в том или ином языке различаются по выбору животных и ассоциативным комплексам, связанным с этими животными. Данная метафора присутствует во многих английских и русских пословицах, в частности в пословицах с концептами домашних животных. Пословицы с упоминанием такого значимого и необходимого для человека домашнего животного, как лошадь, достаточно широко представлены как в английском, так и в русском языке. В большинстве пословиц имеют переносное значение и повествуют о мире людей, а не животных:

It is too late to shut stable door, after the horse has been stolen.

Быстрая лошадь быстрее станет.

Знание о том, что слишком поздно принимать какие — то меры, когда неприятность уже произошла, и о том, что излишняя поспешность нежелательна, имеет непосредственное отношение к человеку, а ситуация, описанная во внутренней форме и включающая концепт лошади, является лишь частным конкретным проявлением этого обобщённого знания.

Для пословичного прототипа кошки в обоих языках отмечена когнитивная тема «кошка вредна».

The cat shuts its eyes while it steals cream.

Чует кошка, чьё мясо съела.

При этом в русских пословицах указывается на необходимость положить конец проказам кошки и кота, в английском языке данная тема не прослеживается.

Полно кошке таскать из чашки.

В обоих языках рассматриваемый прототип «противопоставлен» концепту мышей

When the cat's away, the mice will play.

Let the cat wink and let the mouse run.

Кошке игрушки, а мышке слёзки.

Мышке с кошкой внаклад играть.

На уровне концепта характеристики английской и русской кошки весьма разнообразны и в основном не совпадают.

Английская кошка живуча:

A cat has nine lives.

Чрезмерно плодовита:

The cat hath lost count.

Не ладит с собакой:

The cat and dog may kiss, yet are none the better friends.

Русская пословичная кошка живёт в избе:

Мужик да собака на дворе, а баба да кошка в избе.

Умывается к приходу гостей:

Давно кошка умывалась, а гостей нет.

Не ладит с себе подобными:

Заключение

В проведённом исследовании рассмотрены некоторые характеристики пословичной картины мира в сопоставительном плане.

На уровне значения пословиц отражается значение стереотипов поведения человека в обществе, норм морали, житейских истин и типичных житейских ситуаций. Пословицы закрепляют знания о конкретных ситуациях, проявления общечеловеческих истин, связанных с бытом, повседневной жизнью, с непосредственно наблюдаемым человеком миром.

Проведённый анализ показывает значительное сходство пословичного представления о мире у английского и русского народов. Так, в пословичных фрагментах «Work, labour/ Работа, труд» определяющими являются компоненты: «надо трудиться, чтобы что-то получить», «работа даёт еду», «каков труд, такова и награда», «работник оценивается по труду», «лень ведёт к нищете и голоду». Такое сходство обусловлено совпадением социально-исторических условий жизни народов, общими закономерностями развития человеческого бытия, дающими единый опыт, единое значение «правил жизни».

В пословичных фрагментах «Money / Деньги» также отмечается совпадение. В пословицах о странах, городах и их жителях основное сходство обнаруживается на категориальном уровне деления на своих и чужих, свою страну и чужие страны, где четко прослеживается мнение, что «своя страна лучше чужих стран», «люди чужой национальности».

Значительным сходством обладают также и пословичные концепты о животных.

В сопоставляемых фрагментах пословичных картин мира также выявляются качественные различия, связанные с проявлением специфически национального «взгляда на вещи». Так, например, в русском фрагменте «Работа, труд» целый ряд пословиц выражает очень скептическое отношение к целесообразности труда, что объясняется социально-историческими причинами. В русских пословицах отражён в первую очередь менталитет крестьянина, что объясняется длительным преобладанием крестьянства в социальной структуре России. Поэтому по сравнению с английскими, в русских пословицах представлено гораздо больше ситуаций сельского труда, сель-

ских реалий. В английских пословицах присутствует не только мировидение крестьянина, но и других социальных слоёв. Так, в английской пословичной «карте мира» отражён взгляд путешественника-моряка, взгляд человека с достатком, едущего верхом на лошади, а не только работающего на ней, взгляд образованного человека.

Полученные результаты основаны на анализе ограниченного, однако весьма показательного пословичного

материала. Проведённое исследование позволило сначала определить «границы» пословичной картины мира, а затем, внутри установленных границ, описать наиболее значимый для человека фрагмент пословичной картины мира, связанный с трудовой деятельностью, с деньгами — одной из основных целей труда, с домашними животными, играющими немаловажную роль в повседневной жизни.

Литература:

1. Даль, В. И. Пословицы русского народа. — М.: Издательство Эксмо, Изд-во ННН, 2003.
2. М. И. Дубровин Английские и русские пословицы и поговорки, Москва: Просвещение, 1993 год;
3. Зимин, В. И. Пословицы и поговорки русского народа. Объяснительный словарь / В. И. Зимин, А. С. Спирин — М.: Сюита, — 1996. — 544 с.
4. Иванова, Е. В. Пословичные картины мира 2002\СПб
5. Модестов, В. С. Английские пословицы и поговорки 2009\М.: Русский язык — Медиа
6. Кунин, А. В. Курс фразеологии английского языка. — М.: Высшая школа, 1986.
7. Мокиенко, В. М. В глубь поговорки: рассказы о происхождении крылатых слов и образных выражений; М.: Паритет, 1999. — 224 с.
8. Румянцева, И. М. Русские и английские пословицы и поговорки 2008\М.: Филоматис
9. Снегирев, И. М. Русские в своих пословицах. Рассуждения и исследования об отечественных пословицах и поговорках: в 4 кн. / И. М. Снегирев. — М.
10. Чусь, Н. Г. Пословица недаром молвится: более 5000 русских, украинских, английских и французских пословиц Издательство: Книжный дом ЛИБРОКОМ 256с; 2013 г.
11. Английские пословицы и поговорки и их русские соответствия 2000.
12. <http://www.lexico.ru/list/english-proverb/>
13. <http://ext.spb.ru/2011-03-29-09-03-14/122-raznoe/6356-2014-11-08-11-37-08.html>
14. <http://vestnik-rzi.ru/2014/12/2616>
15. <http://www.ruthenia.ru/folklore/zaharova1.htm>

Японская легенда о рыбаке Урасима-Таро: фольклорные и литературные версии

Садокова Анастасия Рюриковна, доктор филологических наук, профессор
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва)

В богатом фольклорном наследии японского народа особое место занимают так называемые «великие сказки» — *оомукаси-банаси*. Это набор самых известных и любимых всеми фольклорных текстов, причем не обязательно собственно сказок в жанровом понимании. К «великим сказкам» японцы относят, например, эпизоды из классической японской мифологии, которые, став произведениями фольклора, в жанровом отношении могут представлять собой как легенды, и предания, так и былички. У каждой из таких «великих сказок», а их насчитывается порядка 20–30, своя особая судьба в фольклоре и народной культуре Японии. Однако наиболее древним среди «великих сказок» считается легенда о рыбаке Урасима-Таро, которому довелось попасть в Подводное царство.

Здесь следует отметить, что одной из характерных особенностей фольклора японцев является огромное количество произведений, непосредственно связанных с сим-

воликой моря, а также с представлениями о Подводном царстве, где обитает Бог Дракон — повелитель морской стихии. Дракон почитался как податель влаги вообще, и потому исстари был в представлении японцев Богом воды в широком смысле. Считалось, что на морском дне у него роскошный дворец с множеством слуг. По фольклорным текстам известно также, что у Дракона есть дочь, которая появляется на земле в облике черепахи. В зависимости от текста она именуется Ото-химэ или Камэ-химэ

Именно в Подводном царстве можно получить, как считали японцы, особое «рыбачье счастье», будь то умение повелевать приливами и отливами, тайфунами или косяками рыб. Параллельно с этим у японцев сложилась и система почитания Бога Дракона, которого просили испослать богатый улов и молили о безопасности в море.

Считалось также, что на морском дне находятся несметные богатства, которые Дракон при желании может

даровать человеку. Как отмечает японская исследовательница легенд о Боге Драконе Мацунами Хисако, «особое значение придавалось дну водоемов, так как именно оттуда можно было получить богатство и сокровища» [4, с. 889].

В японской фольклористике сложилось даже такое понятие как «подарки от Бога воды» (*мидзу-но камин-но окуримоно*). Эти подарки, как правило, являются формой благодарности герою за совершенный им добрый поступок. Сюжеты таких историй не отличаются особым многообразием. Герой с добрым сердцем, спасает какого-либо водного (морского) обитателя — краба, улитку, черепаху или рыбу. Спустя время к нему является посланник Бога воды и приглашает в гости к Повелителю, чтобы герой получил благодарность сполна.

В качестве дара оказываются самые разные предметы и явления. Например, герой получает возможность узнавать время тайфунов или пути косяков рыб, у бездетных родителей рождаются дети, к глухим возвращается способность слышать. В качестве подарка может выступать колотушка счастья, дарующая золотые монеты, и вообще разные золотые предметы, приносящие затем новые и новые богатства. Понятно, что данный мотив широко распространен и у других народов мира и известен как Д 812.7 «Получение даров от Дракона-Повелителя», а также Д 812.7.1 «Получение даров от хозяина реки». Близок к ним и мотив F 420.5.1.7.2. «Получение даров от Духа воды» [1].

Однако не все дары, полученные в Подводном царстве, давали исключительно блага. Среди произведений японского повествовательного фольклора встречается немало таких, финал которых трагичен и связан с гибелью героев. Это истории о том, как среди прочих даров герой получает шкатулку или ящик, который, вернувшись на землю, нельзя открывать. Но запрет нарушается. Поднявшись с морского дна, герой обнаруживает, что время на земле текло слишком быстро, прошли века, и он теперь пребывает один среди чужих людей. Опечаленный, он открывает шкатулку, оттуда поднимается струйка дыма, а герой в один миг стареет или умирает. Именно так в общих чертах и завершается самый распространенный вариант известной японской легенды о рыбаке по имени Урасима-Таро.

Надо сказать, что у этой истории поистине удивительная судьба. Будучи, вероятно, одной из первых японских легенд о Подводном царстве и Дворце Дракона, она имела огромную популярность на протяжении веков. Известно множество ее фольклорных вариантов, а также литературных версий, помещенных в памятниках японской средневековой литературы.

Наиболее древний вариант легенды, зафиксированный в литературном памятнике, считается версия, изложенная в известной поэтической антологии VIII в. «Манъёсю» («Собрание мириад листьев», № 1740, кн. IX). Там она помещена под названием «Песня, воспевающая Урасима из Мидзуноэ» и имеет самую распространенную концовку — герой погибает, нарушив запрет дочери морского царя не открывать шкатулку.

В этой антологии песня об Урасима-Таро сложена в форме так называемой «длинной песни» — *нагаута* и подробно перелагает известную легенду. Интересно, что под следующим номером 1741 в антологии помещена так называемая *каэси-ута* («ответная песня»), содержащая оценку неизвестного нам автора событий древней легенды:

В бессмертном мире он
Мог жить за веком век,
Но вот по воле сердца своего
Он сам пошел на лезвие меча,
Как безрассуден этот человек!
(пер. А. Е. Глускиной) [3, с. 99].

Однако не во всех фольклорных и литературных версиях легенды финал был трагическим. Позднее, в том числе и под влиянием буддизма, незатейливый сюжет этой истории дал повод поговорить о долголетьи, вечности и бессмертии. Образы героев легенды об Урасима-Таро постепенно соединились с традиционными символами дальневосточного долголетия — журавлем и черепахой.

Так, в одном из вариантов легенды герой получает не одну, а три шкатулки. В одной из них потом обнаруживаются журавлиные перья, во второй — струйка дыма, а в третьей — зеркальце, в котором герой видит себя седовласым старцем. После того, как Урасима-Таро открыл две последние шкатулки, журавлиные перья прилипли к его спине и он стал белым журавлем. Далее повествуется о том, что дочь морского царя Ото-химэ вышла на землю и превратилась в черепаху. «Говорят, тогда и появился танец журавля и черепахи», — заканчивается эта версия легенды [7, с. 4–7].

Здесь следует пояснить, что журавль и черепаха в культуре народов Дальнего Востока издавна считались символами процветания, долголетия и семейного счастья, а также воспринимались как единство мужского и женского начал. В Японии они часто изображались на предметах, связанных со свадебным ритуалом, на детских вещах, имеющих благопожелательную символику. Танец журавля и черепахи — неременный компонент многих ритуальных действий и обрядов календарного и жизненного цикла, бытующих в Японии и в наши дни. Исполнение танца имело благоприятную символику, связанную с процветанием, богатством и долголетием.

Благополучный финал легенды проник и в литературные записи, например, в жанр *отоги-дзоси* — жанр коротких анонимных рассказов XIV–XVI веков. В известном литературном рассказе этого жанра Урасима-Таро тоже не умирает, а превращается в журавля с мифической горы вечной молодости Хорай и вместе со своей супругой — Морской черепахой, которая выходит к нему из моря, селится на горе, став навсегда становятся олицетворением дальневосточного долголетия [6, с. 134–141].

Не исключено, что именно такое «новое прочтение» идеи старинной легенды привело к тому к обожествлению героя. С течением времени Урасима-Таро стал почитаться как божество синтоистского пантеона — бога-покрови-

теля семейного, супружеского счастья и одновременно бога долголетия.

И сегодня божественному духу Урасима-Таро поклоняются в синтоистском храме Ура-дзиндзя в префектуре Киото. Этот храм широко известен и под своим «народным» названием — Урасима-дзиндзя, содержащим имя героя известной легенды. В подтверждение правдивости истории в храме говорят, что у них до сих пор хранятся дары, полученные бедным рыбаком от Морского повелителя и его дочери, в том числе и та самая шкатулка, украшенная перламутром, в которой хранилась струйка дыма — символ молодости. Кроме того, среди сокровищ храма числятся свитки-*эмаки*, созданные в эпоху Муромати (XIV в.) и представляющие собой иллюстрированный рассказ об Урасима-Таро. Правда, в некоторых деталях картины противоречат устным источникам. Так, например, на них изображено, что Урасима-Таро отправился в Подводное царство не на спине большой черепахи, а на лодке. И был он не бедным рыбаком, а знатным юношей. Кроме того, все во дворце Морского Повелителя — и убранство, и пейзажи, и даже одежды дочери Дракона и ее прислужниц было выполнено в четко выраженном китайском стиле [2, с. 267].

Однако даже эта некоторая «китаизированность» образа Урасима-Таро не помешала ему оставаться истинно национальным фольклорным героем. Легенды о нем бытовали практически во всех районах Японии, приобретая нередко местный колорит. Многие местные легенды четко указывали, что именно в этих местах Урасима-Таро родился или, что именно здесь, вернувшись на землю, открыл заветную шкатулку. Однако, несмотря на стремление разных районов Японии приобщиться к образу Урасима-Таро, принято считать, что его жизнь протекала в месте расположения современной префектуры Канагава, поблизости от знаменитых гор Хаконэ, необыкновенного по своей красоте природного парка.

В окрестностях Хаконэ бережно берегут память об Урасима-Таро и не сомневаются, что события древней легенды происходили именно здесь. Более того, с течением времени древнее повествование приобрело здесь ярко выраженные черты топонимического предания. В Хаконэ рассказывают, что, когда Урасима-Таро узнал, что на земле за время его отсутствия прошло триста лет, открыл шкатулку и увидел легкую струйку дыма, он в сердцах бросил крышку шкатулки в сторону северных гор, а саму шкатулку — в сторону южных. С тех пор, как гласит предание, на севере Хаконэ возвышается гора Футагояма, а на юге — гора Бункояма.

Название «Футагояма» построено на игре слов. Оно записывается двумя иероглифами со значением «близнецы» и «гора». Это вполне соответствует реальному облику горы, вершина которой раздвоена и как бы разделена пополам. Однако фонетически в названии четко слышится слово *фута*, что имеет значение «крышка» и ассоциируется со шкатулкой Урасима-Таро. Название горы Бункояма буквально означает «Гора книгохранилищ» (в со-

временном японском языке слово *бунко* имеет значение «библиотека», «книгохранилище»), но, безусловно, понимается как «Гора сокровищ», поскольку исстари рукописи и книги почитались как самое большое богатство. Понятие «сокровище», пусть даже не связанное с книгами, также ассоциируется с образом Урасима-Таро, получившего сокровища от Морского Повелителя.

Интересным представляется и тот факт, что воспринимаемый как синтоистское божество Урасима-Таро оказался тесно связан и с буддизмом. Так, особой связью с героем известной легенды до сих пор гордится и главный город префектуры Канагавы — Йокогама. Там даже два холма, носящие имя Урасима-Таро («Урасима Таро-гаока» и «Урасима Таро-цука»), которые еще в XIX в. относились к числу наиболее посещаемых местных достопримечательностей. Город Йокогама считается обладателем и бесценной реликвии. Как гласит местное буддийски окрашенное предание, покидая Морское царство, Урасима-Таро получил от дочери Дракона много разных подарков, в том числе и статую буддийской богини милосердия Каннон, которая до конца XIX в. находилась в буддийском храме Кампукудзюдзи, а затем была перенесена в находившийся неподалеку храм Кэйундзи, где и хранится до сих пор. Эта статуя известна как Урасима Каннон [2, с. 267].

Как видно, широко известный в мировом фольклоре сюжет о посещении человеком Подводного царства в Японии приобрел статус не только самого известного повествования, но и стал восприниматься как этиологический рассказ, объясняющий появление традиционных явлений культуры. Более того, с течением времени в сюжете стали явно просматриваться буддийские мотивы, а герой при этом получил статус синтоистского божества, что дает основание говорить о синто-буддийском синкретизме в интерпретации фольклорного образа Урасима-Таро.

Интересно, что его образ продолжает быть актуальным и сегодня. Еще в древней поэтической антологии «Манъёсю» неизвестный автор пытался осмыслить события, случившиеся с бедным рыбаком. В своей песне он сожалел, что человек так безрассуден: он мог бы безбедно жить в бессмертии, но выбрал гибель в земной жизни.

Новую интерпретацию известных событий дала в своем романе известная современная японская писательница Оба Минако (1930–2007), автор большого числа романов, рассказов, пьес, критических эссе и поэтических произведений.

Одним из самых известных ее романов считается роман «Урасимасо» («Трава Урасима», 1977) [5]. Это своего рода роман-аллегория, название которого, как понятно, сразу возвращает читателя к широко известной легенде о рыбаке Урасима Таро. Писательница делает акцент на том, что бедный рыбак, вернувшись на землю, не нашел никого из родных и близких. Примерно такие же чувства испытывает героиня романа по имени Юкиэ. После своего долгого пребывания на Аляске, она возвращается в Японию и обнаруживает там совершенно незнакомое и чуждое ей

окружение, хотя она-то, в отличие от Урасима-Таро, оказывается среди родных и близких ей людей. Через впечатления Юкиэ писательница показывает сложные отношения внутри семьи, где все сплелось в тугой клубок любви и ненависти. При этом автор в разных ситуациях рассказывает жизненные истории всех членов семьи и перед читателем предстает широкая картина жизни Японии на протяжении нескольких десятилетий.

Появление романа, в названии которого присутствует имя Урасима-Таро, и блестящая попытка автора по-новому интерпретировать идею старинной легенды, поместив ее в совершенно иные жанровые и жизненные условия, лишний раз свидетельствует о необычайной жизнестойкости этого сюжета в японской культуре. Очевидно, что даже спустя века, этот сюжет остается не только известным и любимым, но и чрезвычайно востребованным.

Литература:

1. Aarne, A. Tompson S. The Types of the Folk-Tale. — Helsinki, 1928.
2. Кавагути Кэндзи. Нихон-но камисами дзитэн ёми токи (Энциклопедия японских синтоистских божеств: чтение, толкование). — Токио, 2001. — 292 с.
3. Манъёсю («Собрание мириад листьев»). Пер. с яп., предисл., коммент. А.Е. Глускиной. В 3 т. Т. 2. — М., 1971. — 714 с.
4. Нихон мукаси-банаси дзитэн (Энциклопедия японских народных сказок). Сост. Инада Кодзи, Оосима Татэхико и др. — Токио, 1977. — 985 с.
5. Оба Минако. Урасимасо (Трава урасима). — Токио, 2000. — 364 с.
6. Гэндзи-обезьяна. Японские рассказы XIV—XVI веков. Отоги-дзоси. Пер с яп. М.В. Торопыгиной. С.-П., 1994. — 268 с.
7. Японские народные сказки. В 2-х т. Т. 1 / Пер. с яп. и сост. В. Марковой; Примеч. В. Марковой, А. Садовой. — М., Книжный клуб Книговек, 2015. — 352 с.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Usage of simile in the novel «Doctor in the House» by Richard Gordon

Gafurova Dilfuza Jabborovna, English teacher
Navoi state pedagogical institute (Uzbekistan)

Richard Gordon's novel «Doctor in the House» is fascinating. Not long ago I read this novel and it is about the life of medical students. The author described the process of preparation to exams and process of examination itself in full details. The author depicts the characters very vividly and skillfully.

Analyzing this novel I noticed that writer used more and more stylistic devices there. Stylistic devices help reader to imagine the real scene of the events. Simile is one of the productive device of stylistics. Sometimes for a special reason one of the features of the thing is made the most essential, it is elevated to greatest importance. Simile is such stylistic device. [1, p. 113]

The intensification of some feature of the concept in question is realized in a device called **simile**. The **simile** is a stylistic device expressing a likeness between different objects. The formal elements of the **simile** are the following conjunctions and adverbs: *as, like, as like, such as, as if, seem* etc. [2, p. 167]

In my article I decided to analyze the simile only with the element of *like*. The **simile** is based on the comparison of objects belonging to different spheres. In this novel we can see this version of simile. Eg.:

They lay in the slots of their metal trays, fitting in with each other **like** the pieces of a Chinese puzzle. [3, p. 2]

In this example writer compared tray to the pieces of a Chinese puzzle.

It is important not to confuse ordinary comparison and **simile** as a stylistic device which represent two diverse processes. Comparison implies estimation of two objects which belong to one class of objects with the purpose of establishing the sameness or difference. Comparison takes into consideration all the properties of the two objects. [1, p. 114]

E. g.: And mind you get in the first fifteen **like** your father did.» is ordinary comparison. «Boy» and «father» belong to the same class of objects — human beings. [3, p. 3]

The nature of **simile** is to compare two (or several) objects which belong to different class of objects.

Different features may be compared in **simile**: the state, actions, manners. [1, p. 115]

E. g.:

a) The staff at St. Swithin's had come to outnumber the patients by four to one and now seemed to be expanding nat-

urally, **like** a water-lily covering a small pond. (the state) [3, p. 7]

b) If the candidate loses his nerve in front of this terrible displeasure he is finished: confusion breeds confusion and he will come to the end of his interrogation struggling **like** a cow in a bog. (mannar) [3, p. 132]

c) He produced the appendix from the wound **like** a bird pulling a worm from the ground, and laid it and the attached intestine on a little square of gauze. (action) [3, p. 53]

A **simile** consists of three components:

1) What is compared (the subject of a **simile**);

2) With what the comparison is made (the object of the **simile**);

3) The basis of the comparison.

I pushed open the theatre door and stepped inside reverently, like a tourist entering a cathedral. [3, p. 49]

I. Subj. basis obj.

Similes enrich English phraseology: **like** a cherry on a dish of ice-cream, **like** a hungry tiger, **like** a bird pulling a worm from the ground, **like** a dog picking up a scent, **like** a playful **kitten**, etc. [2, p. 169]

The **simile** must not be confused with a metaphor, though they are both based on a likeness between objects:

The Dean fell into his armchair **like** a knocked-out boxer. [3, p. 125]

The author of the book colourfully describes all sides of students' life. He compares the day of taking examination to «judgment day».

E. g.: a) To a medical student the final examinations are something **like** death: an unpleasant inevitability to be faced sooner or later, one's state after which is determined by the care spent in preparing for the event. [3, p. 126]

b). Examinations touch off his fighting spirit; they are a straight contest between himself and the examiners, conducted on well-established rules for both, and he goes at them **like** a prize-fighter. [3, p. 127]

Besides the original **similes** created by writers there are a great number of so-called traditional **similes** in the language, which must be regarded as phraseological units. The image suggested by such **similes** is usually trite.

In these traditional **similes** the names of animals, plants, natural phenomena are frequently used.

E. g.:

a) My heart, which had been soaring **like a swallow**, took a sharp dive to earth. [3, p. 141]

b) The queue shifted up the wooden seat as each patient was called inside by the stern-faced nurse at the door: the movement was slow and spasmodic, **like** the stirrings of a sleepy **snake**. [3, p. 105]

c) The snowflakes fell upon me eagerly, **like** a crowd of **mosquitoes**, leaping for my face, the back of my neck, and my ankles. [3, p. 78]

d) «Upstairs, mate,» she said and scuttled away into the darkness **like a rat**. [3, p. 80]

e) After it's been as quiet as this for a bit they start popping out **like rabbits** from their warrens. [3, p. 80]

f) «Take your dirty little hand away!» said Sir Lancelot savagely, flicking it off the surface of the abdomen **like a fly**. [3, p. 60]

g) All I could see of him was a single brown, bushy strip that separated the top of his mask and the edge of his cap, through which there glared two unfriendly eyes **like** a hungry **tiger** inspecting a native through the undergrowth. [3, p. 50]

h) The name had a pleasing dignity about it and suggested the student really did something useful in the hospital instead, as it was always impressed on him by the nurses and houseman, of getting in everyone's way **like a playful kitten**. [3, p. 47]

i) Snatches of song floated into my brain **like weed** on a sluggish sea. [3, p. 29]

j) They flitted from one group of students to another **like bees** in a herbaceous border, pollinating each pair with knowledge. [3, p. 25]

k) A few more hobbled about on their sticks, tossed helplessly in the strong cross-currents of hospital activity; one or two fortunate ones had found quiet alcoves and stayed there, **like trout** backing under the bank of a rocky stream. [3, p. 7]

Traditional **similes** are often employed by writers in the direct speech of characters, thus individualizing their speech; and are seldom represented in the author's narrative.

In the author's narrative traditional **similes** are most often used to stress the highest degree of quality:

«One doesn't fail exams,» said Grimsdyke firmly. «One comes down, one muffs, one is ploughed, plucked, or pipped. These infer a misfortune that is not one's own fault. To speak of failing is bad taste. It's the same idea as talking about passing away and going above instead of plain dying.» [3, p. 143]

In this description the author shows the real significance of exams. That day can be something strange for examinees.

References:

1. Musayev Khudrat. English stylistics. Tashkent. 2003
2. Galperin I.R. Stylistics. M., Higher School, 1977
3. Richard Gordon. DOCTOR IN THE HOUSE.

E. g.:

a) The room had suddenly come to a frightening, unexpected silence and stillness, **like an unexploded bomb**. [3, p. 145]

b) I crashed through the door **like a hot wind**. [3, p. 146]

c) I was shown to a tiny waiting-room furnished with hard chairs, a wooden table, and windows that wouldn't open, **like the condemned cell**. [3, p. 146]

These combinations have ceased to be genuine **similes** and have become cliches in which the second component has become merely an intensifier.

E. g.: I had cut down my work preparing for the test by refusing to study at all topics that had been asked in the past few papers, in the belief that examiners, **like lightning**, never strike twice in the same place. [3, p. 37]

The **simile** usually serves as a means to clearer meaning. By comparing the object the writer makes his description clearer and more picturesque.

E. g.: He felt sweat on his brow and his mouth went dry; he saw his chances of passing fading **like a spent match**. He gave a desperate heave. [3, p. 142]

Besides making a narrative more concrete and definite, the **simile** helps the author to reveal certain feelings of his own as well.

E. g.: Circulating busily between them were a dozen or so nurses, examiners in white coats, and unhappy students dangling their stethoscopes behind them **like the tails of whipped puppies**. [3, p. 6]

The stylistic function of **simile** is

1) imaginative characterization of a phenomenon:

E. g: He was a tall, bony, red-faced man with a bald head round which a ring of white fluffy hair hung **like clouds** at a mountain top. [3, p. 47]

2) to produce a humorous effect by its unexpectedness.

Eg.:

a) I felt **like** an actor who had forgotten his lines and finds the prompter has gone out for a drink. [3, p. 82]

b) I felt **like** a man going out to start an old car on a cold morning. [3, p. 72]

c) She remained passive, **like a cow** with its mind on other things. [3, p. 72]

Writing this novel the author showed us the atmosphere sometimes people have to be in using colorful stylistic devices. Richard Gordon gives us a way of understanding such things in people's life.

When I finished to read this novel it was interesting for me to know about similes used in it. I looked through this novel and found 81 situations where similes are used. All these devices serve to support reader to feel real conditions and feelings of characters in this book.

Тема женской любви в книгах А. М. Ремизова

Жернова Наталья Сергеевна, аспирант
Вологодский государственный университет

В статье рассматривается тема женской любви в художественном опыте А. М. Ремизова. На примере повестей «Часы» и «Плачущая канава», романов «Пруд» и «В розовом блеске» делается вывод, что героини Ремизова монотипны, схожи между собой. Их любовь проявляется по-разному, направленная на мужчину или ребенка, Бога или революцию, она чаще несчастна и жертвенна.

Ключевые слова: героиня, тема любви, жертвенность, рубеж XIX–XX вв., А. М. Ремизов

Любовь — возвышенное, прекрасное чувство, которое люди воспевали с древнейших времен. Она может быть разной: платонической, страстной, нежной, неразделенной, жестокой. По мнению В. Переведенцева, «отношения между мужчиной и женщиной, родителями и детьми — извечные важнейшие темы литературы и искусства. Любовь — главная, фундаментальная составляющая человеческого счастья» [4, с. 226].

В литературе Серебряного века любовь чаще лишена эротики, это путь к духовности, моральному и нравственному совершенствованию, путь к творчеству и единению с самим собой. Так, личностное начало женских персонажей Алексея Ремизова чаще всего проявляется в любви (к мужчине, ребенку, революции, людям, Богу), которая осознается ими как главнейшая ценность бытия, а способность бороться за нее служит мерилем их жизненной силы, готовности к самопожертвованию и всепрощению.

Женская любовь лишена эротики, она направлена на каждого, мужская же любовь-страсть раскрывается Ремизовым в форме бунта, это попытка порыва к свободе назло predetermined судьбе [13, с. 68].

Переломная эпоха рубежа XIX–XX веков внесла свой вклад в изображение женщины, черт ее характера, ее положения в обществе, особенностей женской любви. Женский характер в произведениях Ремизова приобретает философскую функцию — образ женщины вписан в социальную проблематику, в гендерную борьбу и часто в этой борьбе побеждает.

Ремизов наделяет женщину-жену-мать трагической судьбой, в котором поворотным моментом становится событие насилия. Практически все героини А. М. Ремизова характеризуются падением, болезненностью, которая часто приводит к смерти. У читателя возникает ощущение некой пра-вины перед женщиной, которая находится в условиях жизни, абсолютно несовместимых с ее мечтами, устремлениями и желаниями [2, с. 415]. Ее не утешает ни материнство, ни любовь мужа. Героини Ремизова монотипны, их объединяет клеймо мученичества, жертвенности.

В романе «Пруд» (1905) Варенька, мать главного героя Николая, в образе которой легко угадывается мать писателя, прожившая в застылой среде стяжательской родни безрадостную жизнь, несчастлива, кажется, она никого не способна любить, дети для нее — проклятье. Роман

этот — о сострадании к отдельному человеку, автор пытается узнать, посилен ли для женской души груз мести — за обманутые надежды и преданную любовь. Материнство не спасает Варю и не составляет смысла жизни [11, с. 59]. Для нее дети — «крест-виселица», тогда как ее мать Ефросинья, тоже мучающаяся и страдающая, «покорилась и несла свой крест безропотно ради своего первенца» [8, с. 39].

Этот же неподъемный крест мук несет и другая героиня — Христина из повести «Часы» (1908), чье имя может быть соотнесено с именем Спасителя. В центре произведения — история Христины и Нелидова, где мотивы любви и сострадания необычным образом совмещаются с цепью мотивов смерти и конца.

Главная женская фигура повести олицетворяет вечные ценности покорной любви и смирения (параллель с пушкинской Татьяной). Ее с маленькой дочкой бросает муж, новая любовь, в которой героиня искала поддержки, также оборачивается крахом. Важен сон Христины про поезд и девочек в белых платьях. Они символизируют непонятое чувство. Героиня не понимает сначала, что любит Нелидова, а поняв, пытается прорваться через детей, но не успевает. Ушедший состав символизирует невозможность счастливой любви. В то же время сон этот может быть трактован как вещий — в конце повествования Христина ищет Нелидова на вокзале, где он погибает под поездом. Е. Горный говорит о любви главных героев: «В раздумьях Нелидова метафизика любви выражена рядом афоризмов: «любить и не хотеть так овладеть любимым человеком невозможно. А овладеть так человеком и уничтожить его — одно и то же»; «если полюбишь, а тебя не полюбят, ты погибнешь»» [1, с. 203]. Но не любить невозможно: в голосе ветра Нелидову слышится «одно и то же слово, одно непреложное решение, одна воля: любите!» [9, с. 62]. Е. Горный делает вывод, что ситуация неразрешима, любовь фатальна, но и взаимная, и безответная любовь неизбежно приводит к смерти одного из любящих [1, с. 204]. Любовь в повести либо оборачивается смертью, либо осуществляется в уродливых, искаженных формах.

К. Секе считает, «в «Часах» благодаря символике женского принципа, высвечивающего одну из сюжетных линий, в значительной мере смягчается тяжелая атмосфера этого апокалиптического повествования» [10, с. 46].

Все персонажи повести не удовлетворены жизнью и страдают, чаще всего из-за любви.

«Часы» сам автор называл «вологодской повестью», начата она в Вологде, писалась о Вологде (Собор и Соборная площадь как центр жизни, деревянные тротуары). Здесь, в ссылке, Алексей Михайлович познакомился со своей будущей женой, которую любил и уважал всю жизнь, которой посвятил большую часть своих книг, которая стала прототипом многих его героинь. Для Ремизова Серафима Павловна была другом, женой, матерью: «Она меня учила моей любимой русской словесности. <...> Она предостерегала меня и, как мать, выговаривала. <...> Она хотела, хоть десять шкур содрать, а сделать из меня человека <...> Она показала мне веру человека. <...> Она показала весь свет и цвет своей души. <...> Она все для меня делала: берегла во мне мое. <...> И всю жизнь я служил ей, как матери» [6, с. 649–650].

При жизни Серафимы Павловны Ремизов написал книгу о ее детстве «В поле блакитном» (1922), книгу «Оля» (1927), в которой рассказывал о жизни Довгелло до ссылки. На французском переводе книги «В поле блакитном», вышедшем в 1927 году, Ремизов написал: «Если бы не произошла встреча с тобой, если бы не было мне счастливой доли — этой книги не было бы» [3, с. 179].

Оля — олицетворение идеальной, возвышенной любви, в ней нет никакого кокетства. В. А. Туниманов считает, что в Оле нет «инфернальных изгибов», по терминологии Достоевского, тянущих человека в пропасть [12, с. 30].

Оля — сказочная царевна, приближение к которой грозит смертью, как отмечает О. Раевская-Хьюз [5, с. 11]. Рядом с ней умирают и сходят с ума девушки и юноши. В книге «Сквозь огонь скорбей» эти случаи — часть мифа о жизни Серафимы. В ней Ремизов раскрывает мифологическое значение этих событий [5, с. 11].

«И все, кто подходил к Оле, обжигались о ее пламя посвященной. И чем ближе подходили, тем раскаленнее становился огонь, и не жгло, а палило. Судьба их была предрешена: смертный приговор» [7]. Женихи Оли погибают от «пламени посвященной», то есть давшей обет безбрачия, и в то же время в отказе от брака до встречи с героем Оля выполняет роль сказочной царевны, отказывающей женихам и ожидающей своего суженого [5, с. 12]. Черкасов, безответно влюбленный в Олю, терпит ее раздражение и неприятие, в конце концов сходит с ума: «Оля не говорила — а что-то в ней, как ножом — слова ее — нож».

Он видел: лицо ее окаменело, зубы стиснуты — вот ударит! <...>

Он видел это непохожее жестокое лицо — и глядел прямо в неумолимые глаза ей, покорно готовый — или боль и ласка одно?» [6, с. 410].

«Революция — выше всего», для Оли «революция — выше семьи, революция — долг» [6; 449]. Даже когда в любви ей признается молодой человек Фрид, «а из его печальных глаз светилась неизменная любовь» [6, с. 599],

она отказывает ему не потому, что у него трое детей, жена, а из-за того, что они не сходятся в политических взглядах: «Я — с.-р., Вы — с.-д. Мы вместе быть не можем» [6, с. 444].

Оля обвиняет себя и в смерти сумасшедшего, безответно влюбленного Черкасова, и в смерти Заруцкого: «И для Заруцкого и для Оводова Оля — все. Это были ее два рыцаря. <...> Заруцкий отравился, он не Оводов, не земляной, а воздушный и все чувства его больнее. <...> Смерть Заруцкого потрясла душу: Оля обвиняла себя, как однажды в смерти Черкасова: застрелился» [6, с. 635]. Не выдержав чувства вины, Оля решает покончить жизнь самоубийством и пьет таблетки. Это переломный момент — смерть Оли и рождение Серафимы.

Перелом произошел и в жизни Маши, главной героини повести «Плачущая канава» (1914–1918), — она старается забыть прошлое: «За ее легкий замужний год любовь ее была оскорблена и сердце ее искало другой любви» [9, с. 340].

Ее муж с говорящей фамилией Пылинин — ищет легких успехов, бездарный, бесталаный, но умеющий очаровать всех в обществе. Ремизов называет его молью, уверенной в своем всемогуществе. Герой умеет пустить пыль в глаза, он свой в любой компании, ему нет дела до доверчивости Маши и ее тяжелой души: «И эта легкость, какой наполнено было все его существо, камнем легла на ее душу» [9, с. 346]. Совсем другой — доктор Задорский — доброжелательный, незлобивый, ласковый. И Маша на время меняется, пропадает весь груз, крест тяжких мук: она наряжается, светится изнутри, собирает стол, покупает все самое вкусное. «Но все это для него, весь стол, — ведь щедрее любви ничего нет!» [9, с. 365]

Им предрешено Судьбой быть рядом, но Судьбой же предрешено и страдать. «Любовь Маши была суженой: она полюбила — потому что не могла не полюбить».

А Задорский? У него что?

А полюбил он ее также по судьбе: — не мог не полюбить» [9, с. 382].

Снова появляется мотив несения креста, муки, которую приносит любовь героине: «Откуда же такая мука — ее тяжчайший крест?

Она поняла: «любит он ее не для нее, а только для себя».

А такую любовь — ею полмира живет! — она не могла принять».

И надорванная душа ее распалась. И крест ее любви придавил ее» [9, с. 419–420].

Любовь в повести приносит только страдание и муку: «Полюбили друг друга и разошлись: она со своей мукой неутолимой — он с любовью неутоленной» [9, с. 385]. Отсюда и название повести «Плачущая канава», которое восходит к апокрифу «Хождение Богородицы по мукам», к изображению последнего, самого тяжелого адского мучения. Плачущая канава — ров плача. Ремизов показывает героев с мятущейся душой, им нет успокоения, над ними тяготеет Судьба быть несчастными.

Героини Ремизова монотипны, схожи жертвенностью, мученичеством, любят свою семью, детей, мужей, любят Родину, правду. Но любовь чаще приносит им только

страдания «Вот она какая любовь — любовь — все-красушая, всесветящая! Любовь — беспросветная!» [9, с. 419].

Литература:

1. Горный, Е. Заметки о поэтике Ремизова: «Часы» // В честь 70-летия профессора Ю.М. Лотмана. — Тарту, 1992. — с. 192–209.
2. Карпов, И.П. Авторология русской литературы (И.А. Бунин, Л.Н. Андреев, А.М. Ремизов): монография. — Йошкар-Ола, 2003.
3. Кодрянская, Н. Алексей Ремизов. — Париж, 1959.
4. Переведенцев, В. Личная жизнь на сцене и в жизни // Современная драматургия. — 1987. — № 3. — с. 226–237.
5. Раевская-Хьюз, О. Образ С.П. Ремизовой-Довгелло в творчестве А.М. Ремизова (к постановке проблемы) // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. — СПб, 1994.
6. Ремизов, А.М. В розовом блеске. — М., 1990.
7. Ремизов, А. Доля. Окончание [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.emigrantika.ru/bib/304-bookv>
8. Ремизов, А.М. Собр. соч. — Т. 1. Пруд. — М., 2000.
9. Ремизов, А.М. Собр. соч. — Т. 4. Плачужная канава. — М., 2001.
10. Сёке, К. Судьба без судьбы. Проблемы поэтики Алексея Ремизова. — Budapest, 2006.
11. Слобин Грета Н. Проза Ремизова, 1900–1921. — СПб, 1997. — с. 7–76.
12. Туниманов, В.А. Тропа Ремизова к Лескову // Русская литература. — 1998. — № 3. — с. 18–32.
13. Тырышкина, Е.В. «Крестовые сестры» А.М. Ремизова: концепция и поэтика. — Новосибирск, 1997.

Система персонажей в романе французской писательницы Анны Гавальда «Я ее любил. Я его любила»

Лесова-Юзефович Надежда Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент;
Головко Р.О.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (г. Симферополь)

Яркой представительницей современной французской прозы является Анна Гавальда. Ее художественные произведения характеризуются стилевым и жанровым своеобразием, глубоким психологизмом и мастерством изображения персонажного мира.

По мнению Н.Д. Тмарченко, «система персонажей — это художественно целенаправленная соотнесенность всех «ведущих» героев и всех так называемых «второстепенных» действующих лиц в литературном произведении. Через систему персонажей выражается единое авторское представление о человеке в его взаимоотношениях с природой, обществом и историей, а также о типах человека...» [4, с. 80].

«Персонажи, в своей совокупности составляющие систему, — это, как видно, сторона литературно-художественного произведения, наиболее тесными узами связанная с содержанием. И при уяснении идеи эпического или драматического произведения важно понять, прежде всего, функцию системы персонажей — ее значение и смысл. Именно с этого естественно начинать рассмотрение новеллы или романа, комедии или трагедии» [1, с. 161].

Данные определения в полной мере позволяют понять принципы построения системы персонажей в романе Анны Гавальда «Я ее любил. Я его любила».

В центре небольшого по объему романа — две истории любви. В оригинальном названии произведения использована форма длительного прошедшего времени, не ограниченного временными рамками (*Imparfait*), а специфика лица во французском языке не позволила переводчику передать заглавие одной фразой, так как лишь из контекста можно понять, кто является носителем чувства. Для автора важно было подчеркнуть уже в названии произведения временную протяженность любви: глагол «*l'aimais*» указывает на то, что состояние еще длится.

В центре внимания автора — два персонажа: шестидесятипятилетний Пьер Диппель и его невестка Хлоя. Сначала кажется, что главная героиня именно Хлоя, молодая женщина, покинутая мужем: именно от её лица ведется повествование, читателю приоткрываются ее мысли и чувства, ее страдания оказываются как бы на переднем плане. Однако, как отмечалось, «книга Гавальды подобна айсбергу: есть еще одна глубинная история — жизнь

свёкра героини Пьера Диппеля, который постепенно занимает место главного повествователя» [3, с. 139]. Автор концентрирует внимание на судьбе Пьера, о нем мы узнаем больше, чем о его невестке.

Гавальда анализирует состояние двух героев, один из которых был покинут, а другой хотел уйти из семьи, но остался. То есть, они изначально противники, люди, оказавшиеся по разные стороны в споре об отношениях мужчины и женщины.

Слова «любил», «любила» являются лейтмотивом романа, все разговоры героев так или иначе касаются темы взаимоотношения полов, а автор выстраивает систему персонажей таким образом, чтобы выявить разнообразные проявления любовных чувств.

Роман представлен в форме диалогов пожилого мужчины и молодой невестки и их воспоминаний, которые из мелких деталей-пазлов составляют общую картину жизни, где любое из принятых решений неприемлемо для другого. Такая манера повествования, свойственная автору и в других произведениях, способствует передаче психологического напряжения и состояния души главных героев в сложные моменты их жизни.

Чередование точек зрения персонажей вносит своеобразие в композиционное построение романа. Гавальда использует прием неожиданной ретроспективы, перемежая разные временные пласты, объединенные темой любви и утраты.

Писательница противопоставляет позиции Хлои и Пьера: у него есть вера в силу любви, а она еще слишком обижена, чтобы объективно оценивать ситуацию, пока не готова думать о будущем.

Хлоя — решительная и сильная женщина. Она увозит детей после расставания с мужем и старается, переосмыслив произошедшее, жить дальше. «Давай, надо выплакаться раз и навсегда. Вылить все слезы, выжать, как губку, мое большое печальное тело и перевернуть страницу. Думать о другом. Идти вперед мелкими шажками и все начать сначала. Жизнь продолжается. Вспомни о дочерях. Ты не имеешь права так распускаться. Встряхнись» [2, с. 9].

Анализируя свое положение, она временами приходит в отчаяние «Какие же все мы дураки! Надо же быть столь наивными, чтобы хоть на секунду поверить, будто мы держим под контролем свою жизнь» [2, с. 31].

Хлоя часто обращается к воспоминаниям, хотя и не позволяет им поглотить себя. Однако порой отдельные фрагменты воспоминаний, связанные с ее мужем Адрианом, ввергают ее в смятение, вызывая острое чувство потери и жалость к себе: ««Я жалела. Я жалела об очень многом. Об очень многом» [2, с. 60].

Персонаж Пьера, свекра Хлои, приехавшего поддерживать ее, как Хлоя однажды поддержала его в семейной ссоре, вначале кажущийся второстепенным, по ходу действия выходит на первый план. Именно жизненные перипетии и выводы, сделанные им в результате драматических коллизий, становятся основным посылом автора, обращенным к читателю.

Анализируя собственную жизнь, Пьер рассказывает Хлое о своих слабых сторонах. И сама Хлоя помогает ему в этом, указывая на его недостатки: «...никого не любите. Никогда не расслабляетесь. Все время в напряжении и словно бы не здесь. Не с нами. Вы не принимаете участия ни в разговорах, ни в шалостях, ни в наших скромных увеселениях. Потому что вам не знакомы нежные чувства, вы вечно молчите, и ваше молчание смахивает на презрение» [2, с. 44]. Пьер считает себя проигравшим: «Я отказал себе во всех правах. Остались одни обязанности. И вот кем я стал — старым дураком. Старым дураком в глазах того самого человека, а их немного, к которому я испытываю уважение. Я проиграл» [2, с. 62].

По мнению Пьера, он стал несчастен из-за неправильного выбора в прошлом, выбором между долгом, семьей и любовью, свободой, поскольку когда-то он оказался в положении супруга Хлои — своего сына Адриана, стоящего перед таким же выбором.

Пьер — носитель идеи о том, что не нужно бояться бороться за свое счастье, за любовь, чтобы в будущем не испытывать сожаление за свой страх. Идея, выразителем которой в романе является Пьер, достаточно проста: при всей сложности жизни, человек должен позволять себе быть счастливым и бороться за любовь, что требует определенной смелости.

Образ, казалось бы эпизодический, однако определяющий все последующие события, помогающий понять Пьера, — Матильда Курбе, его ускользающая возлюбленная. Сначала герой рассказывает Хлое о разрыве с ней, а лишь потом повествует об их романе, но читатель уже предупрежден: отношения закончились. И все же в романе есть внесюжетный, однако характеризующий чувства во всей их глубине элемент — единственное письмо, которое Матильда написала Пьеру в начале их пятилетнего романа: «Я все обдумала и поняла, что это лучший выход из положения — я буду делать как ты, жить своей жизнью и любить тебя — но издалека. Я не хочу ждать твоих звонков, не хочу запрещать себе влюбляться...» [2, с. 127]. Героиня остро переживает неопределенность своих отношений с любимым мужчиной и пытается защищаться таким своеобразным способом.

Анна Гавальда дает нам понять: Хлоя, которая должна осуждать любовницу, с волнением и трепетом воспринимает рассказ свёкра и забывает о собственных обидах.

В концепции романа важна история секретарши Пьера Франсуазы, которая противостояла тяжелой болезни, так как помнила о своем возлюбленном: «Он слишком во мне нуждается» [2, с. 124]. Это еще одна линия любви, но любви глубокой, взаимной, всепоглощающей, в противовес разрушенным чувствам главной героини. Но Гавальда обрывает эту историю: читатель так и не узнает, удалось ли Франсуазе победить недуг.

Сын Пьера и муж Хлои Адриан появляется на страницах романа не сразу, его образ возникает в мыслях и воспоминаниях Хлои и Пьера. Этот персонаж служит как бы фоном, определяющим душевные терзания Хлои, но

являющимся, однако, важным элементом в построении интриги романа.

По мнению Пьера, Адриан — глубоко несчастный человек, и отец как никто другой понимает чувства сына, ведь он сам был в его ситуации — ситуации выбора, и, в отличие от своего отца, у Адриана хватило смелости уйти к той женщине, которую он по-настоящему любит, то, что много лет назад не смог сделать Пьер, выбрав семью, пожертвовав чувством, которое так и не смог забыть. Адриан словно реализует в собственной жизни то, на что не решился его отец.

Образ Поля, одного из второстепенных персонажей, рано умершего брата Пьера, и история его любви также важны для уяснения основной идеи романа. В его случае это история романтической любви, объект которой идеализирован, оторван от жизни. Автор описывает Поля как мечтателя, интеллектуала с прекрасным чувством юмора. «Он был умный и забавный, внимательный к окружа-

ющим и всегда веселый. Он рисовал. Он знал, как поют все птицы на свете. Любил пошутить, но всегда беззлобно. Он был очаровательный парень. Все его обожали» [2, с. 19].

Отправившись добровольцем в Индокитай, он пишет своей обожаемой девушке романтические письма, которые она едва ли понимает, поскольку все ее внимание отдано сыну мясника, которому его отец позволяет брать свою машину. Вернувшись с войны больным, Поль умирает от туберкулеза.

Таким образом, в центре романа не только центральные образы Хлои и Пьера, автор с помощью широкого представления персонажей дает панораму разных взглядов на любовь, перед читателями предстает несколько историй о любви и предательстве, изменах и расставании, поэтому название произведения может восприниматься как признание любого из персонажей: Пьера, Хлои, Адриана, Матильды, Франсуазы, Поля, каждый из которых делает свой выбор.

Литература:

1. Введение в литературоведение. / Отв. ред. Г.Н. Пospelов. М.: Высш. шк., 1976. — 283 с.
2. Гавальда, А. Я ее любил/Я его любила. Роман / Пер. с фр. — М.: ИД «Флюид», 2008. — 192 с.
3. Лесова, Н.С., Короткова М.О. Современные тенденции развития французской литературы XXI века [Электронный ресурс] / Н.С. Лесова, М.О. Короткова // Культура народов Причерноморья. — 2012. — № 226. — с. 137–140. — Режим доступа: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/56040/43-Lesova.pdf?sequence>.
4. Тмарченко, Н.Д. Литературоведческие термины. Материалы к словарю. Коломна, 1999. 282 с..
5. Шевякова, Э.Н. Современная французская проза рубежа веков: модификация романной формы [Текст]: автореф. дис. на соиск. учен. степ. докт. филол. наук (10.01.03): [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/sovremennaya-frantsuzskaya-proza-rubezha-vekov>.
6. Шервашидзе, В.В. Западноевропейская литература XX века: учебное пособие: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://sv-scena.ru/Zapadnoevropejskaya-literatura-KHKH-veka-uchebnoe-posobie.Index.html>.

Образ-символ розы в ранней лирике А.А. Ахматовой

Лисина Елизавета Геннадьевна, студент

Тобольский педагогический институт имени Д.И. Менделеева (филиал) Тюменского государственного университета

Символ розы довольно многозначен и сложен в лирике поэтессы, к тому же, он является достаточно мало изученным. Материалом для нашего анализа послужила ранняя лирика А. Ахматовой, всего было найдено 14 стихотворений с использованием символа Розы, эти произведения входят в сборники «Вечер», «Четки», «Белая стая».

Роза — любовь. Впервые розы упоминаются в 1910 г. в цикле «Обман», в первой и четвертой частях этого произведения. В начале первой говорится о весенних розах:

*Весенним солнцем это утро пьяно,
И на террасе запах роз слышней...
О, сердце любит сладостно и слепо!*
А в конце четвертой — об осенних:

*Легкий осенний снежок
Лег на крокетной площадке...
Свечи в гостиной зажгут,
Днем их мерцанье нежнее,
Целый букет принесут
Роз из оранжереи.
(«Обман», 1910)*

Розы здесь — обрамление лирического сюжета — слепая влюбленность юной девушки и последующее разочарование — сразу же позволяет сделать вывод, что роза в мире лирической героини — Цветок, традиционно символизирующий Любовь.

Три года спустя, в её стихотворении мы опять находим розы — они уже явный атрибут любовного свидания:

*Прости меня, мальчик веселый,
Что я принесла тебе смерть —
За розы с площадки круглой,
За глупые письма твои,
За то, что, дерзкий и смуглый,
Мутно бледнел от любви*
(«Высокие своды костела...», 1913)

Оба произведения сближает не только упоминание роз, но и своеобразное сходство сюжета, претерпевающего *ролевою инверсию*. Лирические герои как бы меняются местами. Если в цикле «Обман» говорится о юной девушке, которая «слепо» влюбляется, затем жестоко страдает от разочарования, пишет письмо и почти умирает, то в произведении «Высокие своды костела...» таким «обманщиком» выступает сама лирическая героиня, и пишет письма и умирает «мальчик».

Превращение розы из обрамляющего в один из основных символов любви дополнительно наделяет этот образ еще и «смертельной» символикой [1, с. 152].

Впервые небесное и вселенское назначение розы обозначается в 1912 г. Лирическая героиня негативно надеется сама превратиться в райскую розу и получить в этом виде новое бытие «в садах Отца»:

*Господи! я нерадивая,
Твоя скупая раба.
Ни розою, ни былинкою
Не буду в садах Отца*
(«Дал Ты мне молодость трудную...», 1912).

В этом произведении роза растёт в саду дивного райского сада; уже в 1912 году символ розы впервые приобретает бессмертие, так как напрямую связан с высоким небесным назначением. Связь с райским садом относит нас к поздней лирике Ахматовой, а точнее к «Летнему саду» [1, с. 153].

На основе этих стихотворений можно определить, что Ахматова отводит розе небесное и вселенское свое назначение: «*Румяной розе и лучу, / И мне — один удел*» («Песенка», 1916) [2, с. 8].

В некоторых стихотворениях роза не несёт большой смысловой нагрузки. Она в них является обрамлением, завершающим штрихом в картине светлой и счастливой жизни лирической героини:

*О, зимние таинственные дни,
И милый труд, и легкая усталость,
И розы в умывальном кувшине!*
(«Покинув рощи родины священной...», 1915)

Литература:

1. Корона, В. В. Поэзия Анны Ахматовой: поэтика автовариаций (отрывок из книги) // Известия Уральского государственного университета. — 2001. — № 21. — с. 151–159.
2. Лысов, А. Г. Заключение небывшего цикла. Стихотворение «Последняя роза»: соборный образ творчества Анны Ахматовой / Сибирские огни. Критика. Литературоведение. — 2008. — № 1. — с. 8–13.
3. Серова, М. В. «Цветы» в поэтическом мире Анны Ахматовой // <http://www.akhmatova.org/articles/serova.htm>. URL: (дата обращения: 30.11.2016).

*От роз струится запах сладкий,
Трещит лампадка, чуть горя*
(«Протертый коврик под иконой...», 1912)

Однако, в последнем детали интерьера (протертый коврик, икона, лампадка) — знаки религиозно-аскетического стиля жизни героини. В то же время портретные детали, жесты (зацелованные пальцы, запах табака в косах) и сами розы, от которых «струится запах сладкий» концентрируют в себе мирское, «грешное» начало, «хранят воспоминание» о любовных свиданиях. Роза здесь включается в один из предметных рядов, которые сталкиваются в образном пространстве и показывают расщепленность и неоднозначность характера героини.

Роза-солнце. В 1914 году были написаны два связанных между собой стихотворения: «Я пришла к поэту в гости...», «Как ты можешь смотреть на Неву...». Малиновый цвет — это цвет «костра», напоминающего растущую в снегу розу:

*И малиновые костры,
Словно розы, в снегу растут*
(«Как ты можешь смотреть на Неву...», 1914)

«Малиновое солнце» больше похоже на цветок, чем на источник тепла и света:

*Тихо в комнате просторной,
А за окнами мороз.
И малиновое солнце
Над лохматым сизым дымом...*
(«Я пришла к поэту в гости...», 1914)

Можно сказать, что встречу поэтов освещает «огонь небесной любви», символом которой служит сияющий за окном «небесный цветок» — солнце — роза.

В самом начале своего творческого пути Героиня делает свой судьбоносный выбор, он связывается ею с верностью «цветку» [3], так как её поэзия была взаимозаменяема символу розы:

*Но лишь предвечных роз простая красота,...
Осталась и теперь единственным наследством,
Как звуки Моцарта, как ночи чернота.*
(«Я не люблю цветы — они напоминают...», 1910-е годы)

Таким образом, символика образа розы в раннем творчестве Ахматовой достаточно традиционна, символ розы является вещным, но уже в 1910-х годах появляются такие значения символов, которые найдут своё развитие только в поздней лирике Анны Андреевны.

Образ нигилиста в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети» и в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» (опыт сопоставления)

Никонов Семен Семенович, студент

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова

В статье предпринимается попытка сравнительного анализа двух героев русской литературы второй половины XIX века, представляющих тип нигилиста, Евгения Базарова и Родиона Раскольникова, на фоне идейных и общественных проблем середины века. В результате исследования мы приходим к выводу, что сходство героев выражается в том, что они оба скептики, бунтари, стремящиеся переделать мир. Оба оказываются создателями теорий, которые не выдерживают испытания жизнью. Однако Достоевский, делает акцент на возможности духовного возрождения героя через покаяние, искупление вины страданием и обращением к Богу. Тургенев же подчеркивает хрупкость, ничтожество человека перед вечными законами Природы, трагизм его бытия.

Ключевые слова: Тургенев, Достоевский, поэтика, герой-нигилист, проблема «отцов и детей», проблема «человек и общество», мировоззрение, философская проблематика, теория Раскольников

XIX век ознаменован прорывом в русской общественной мысли, когда творили величайшие писатели-новаторы, стремящиеся достичь идеала, открыть миру передовые философии, стили и направления в культуре. Замечательные писатели-классики И. С. Тургенев и Ф. М. Достоевский оказали огромное влияние на мировоззрение русского общества и на мировую литературу. Эпоха 1860-х гг., когда вышли в свет романы «Отцы и дети» (1862) и «Преступление и наказание» (1866) до сих пор вызывает интерес у исследователей, не теряет своей актуальности. В обоих произведениях отражена эпоха конца 1850-х — начала 1860-х гг., показаны проблемы, которые волновали людей той поры, изображены герои-нигилисты, появившиеся тогда. В то же время авторы поставили перед своими читателя очень важные универсальные проблемы, актуальные и по сей день: проблему связи поколений и опасности разрыва между отцами и детьми, проблему сильной личности в ее взаимосвязи с обществом, проблему «теория и живая жизнь». В 1861 году началась реформа, которая упразднила крепостное право в Российской империи, но народ не был полностью удовлетворен ей, кроме того в обществе распространились социалистические идеи, и продолжилась неутрачивающая полемика между западничеством и славянофильством. Это было время надежд и разочарований, время хаоса мыслей и идей, время выбора. В такой противоречивой обстановке и родились такие герои, как Евгений Базаров и Родион Раскольников, принадлежащие к типу нигилистов.

В западной философии термин «нигилизм» ввёл немецкий писатель и философ Фридрих Генри Якоби. Понятие использовалось многими философами. В русской общественной мысли слово «нигилизм» впервые было употреблено Н. И. Надеждиным в статье «Сонмище нигилистов» (1829). В 1858 году вышла книга казанского профессора В. В. Берви «Психологический сравнительный взгляд на начало и конец жизни». В его работе слово «нигилизм» употребляется как синоним скептицизма. Критик

и публицист рубежа 1850-х и 1860-х годов Н. А. Добролюбов, осмеяв книжку В. В. Берви, подхватил это слово, но оно не стало популярным до тех пор, пока И. С. Тургенев в романе «Отцы и дети» не назвал «нигилистом» своего героя — Базарова, отрицавшего взгляды «отцов». Огромное впечатление, произведённое романом «Отцы и дети», сделало крылатым термин «нигилист».

Таким образом, во второй половине XIX века нигилистами в Российской империи стали называть молодых людей, которые хотели изменить существовавший в стране государственный и общественный строй, отрицали религию, проповедовали материализм и атеизм, а также не признавали господствовавшие нормы морали.

Великие представители интеллигенции 1860-х не могли обойти вниманием таких ярких персонажей, как Базаров и Раскольников, и посвятили им значительное количество критических работ. Мы выделим, г. Писарева и г. Страхова. Д. И. Писарев в статье «Базаров» отмечает эстетическую значимость и актуальность романа Тургенева: «Новый роман Тургенева дает нам все то, чем мы привыкли наслаждаться в его произведениях. Художественная отделка безукоризненно хороша... А явления эти очень близки к нам, так близки, что все наше молодое поколение своими стремлениями и идеями может узнать себя в действующих лицах этого романа» [2, с. 125]. Оценивая роман «Преступление и наказание», тот же Писарев как бы оправдывает героя Достоевского, говоря, что «корень его болезни таится не в мозгу, а в кармане» [2, с. 263]. Между тем г. Страхов отнёсся более скрупулёзно к личности Раскольникова и смог постичь глубину этого характера. Критик утверждает, что он национальный герой, находит в его идее и поступке русскую черту и русский дух. В Базарове он акцентирует его способность к действию, утверждает, что в нем бьётся «могучая сила жизни» [3, с. 337], ему не чужды глубокие и возвышенные чувства. По мнению критика, Базаров оказывается выше и благороднее всех героев в романе. Но любовь, жизнь, при-

рода — выше Базарова. Базаров — это титан, составивший против своей матери-земли; как ни велика его сила, она только свидетельствует о величии силы, его породившей и питающей, но не равняется с матерью силою. Базаров всё-таки побеждён самой идеей этой жизни. Неоднозначность и, может быть, противоречивость мнений критиков подчеркивает сложность и многогранность исследуемых нами образов Базарова и Раскольникова.

В творчестве Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого на смену развернутым характеристикам внешности пришли портреты, отмечающие какую-то одну, но очень важную в смысловом отношении деталь. Например, Тургеневу достаточно упомянуть об «обнаженной красной руке» Базарова, и читатель сразу понимает, что перед ним человек, не боящийся никакого труда. «Длинный балахон с кистями», «висячие бакенбарды песочного цвета» — все эти детали показывают, что даже во внешнем облике героя содержится плохо скрываемый вызов обществу. Демократической внешности Базарова противопоставлен изысканный портрет Павла Петровича: «... Лицо его, желчное, но без морщин, необыкновенно правильное и чистое, словно выведенное тонким и легким резцом, являло следы красоты замечательной; особенно хороши были светлые, черные, продолговатые глаза...» [4, с. 45]. Не случайно обращает внимание Тургенев на руку Кирсанова, красивую, ухоженную, «с длинными розовыми ногтями» [4, с. 148]. Портретные детали, отмеченные в облике Базарова и Павла Петровича, не оставляют у читателя сомнений, что между двумя представителями различных сторон русской жизни неизбежно столкновение.

Огромное значение внешности героя придавал Достоевский. Раскрывая внутренний мир своих персонажей, писатель стремился показать столкновение противоборствующих сил, непрестанную борьбу между сознанием и подсознанием, намерением и осуществлением этого намерения. Стремясь к глубокой психологической мотивировке персонажа, Достоевский подчиняет этой задаче и портретную характеристику. Так, в романе «Преступление и наказание» писатель дважды прибегает к описанию внешности своих героев. На первых страницах книги он как бы мельком говорит о Раскольнике: «Кстати, он был замечательно хорош собою, с прекрасными темными глазами, темно-рус, ростом выше среднего, тонок и строен» [1, с. 36]. Позднее о герое сказано так: «... Раскольников... был очень бледен, рассеян и угрюм. Снаружи он походил как бы на раненого человека или вытерпивающего какую-нибудь сильную физическую боль: брови его были сдвинуты, губы сжаты, взгляд воспаленный» [1, с. 302]. Герой Достоевского по природе своей был привлекателен. Но совершенное им убийство жестоко ранило душу, что и проявилось во втором портрете. Портреты были бы неполными, если бы писатель не обращал внимания на взгляд героев. Глаза выражают ту нравственную катастрофу, которую переживает Раскольников. «Прекрасные темные глаза» Раскольникова в первом портрете сменя-

ются «воспаленным взглядом» во втором. В портретных характеристиках и Базарова, и Раскольникова акцентируется их выделенность из окружающего социума, пренебрежение общественным мнением.

Оба автора ставят перед нами загадку, пытаются обратить наши взоры на внутренний мир их героев, они подталкивают к размышлениям и к разгадке тайн души человеческой. В мировоззрении героев Тургенева и Достоевского можно обнаружить сходные черты. Героев сближает то, что они оба нигилисты, бунтари, только бунт у каждого из них свой: у первого — революционный, у второго — личностный

Базаров признает только то, что можно освидетельствовать одним из пяти чувств. Все остальные человеческие чувства он сводит к деятельности нервной системы; вследствие этого наслаждение красотой природы, музыкой, живописью, поэзией, любовью женщины не кажутся ему высшими наслаждениями и компонентами образованного, воспитанного человека. Базаров хорошо знает и изучает естественные науки, с их помощью он выбил из головы «предрассудки», но в то же время он остался человеком крайне необразованным: он не потрудился прочувствовать и произнес приговор незнакомым ему человеческим ценностям. Тургенев показывает, что Базаров — демократ, разночинец, человек труда, чужд аристократическому этикету и условностям. Его сила в том, что он представитель нового времени. Аристократы, наподобие Павла Петровича, отжили свое, нужны были новые люди и новые идеи. Евгений Базаров на протяжении всего романа и является носителем этой новой идеи. Идея Базарова — непризнание авторитетов и принципов существующего строя и религии, духовных и материальных ценностей. Как и несколько позже Раскольников, Базаров первым предпринимает деление людей на две категории: «богов» и «олухов», относя самого себя, конечно, к «богам». Базаров выдвигает идею сильной личности, полностью свободной, самостоятельно управляющей своей жизнью.

Раскольников же делит людей на «высший разряд» и «низший разряд», на обыкновенных и необыкновенных, на материал и собственно людей, способных сказать в обществе новое слово, воплотить в жизнь какую-то новую идею. Сущность теории Раскольникова — признание права сверхлюдей на преступление во имя некоей цели, а, следовательно, отрицание нравственных принципов.

Наблюдая за городом и обществом, герой видит, как богатые угнетают бедных, что жизнь последних полна страданий. Доведенный до крайней степени отчаяния, Раскольников выдвигает страшную идею, согласно которой любой сильный духом человек при достижении благородной цели имеет право устранить все препятствия на своем пути каким угодно способом, в том числе грабежом и убийством. Он пишет статью, в которой поясняет свою теорию, по которой всех людей можно подразделить на две группы: на «обыкновенных» людей и «...людей, имеющих дар или талант сказать в среде свое новое слово» [1, с.

132]. И эти «особые» люди могут не жить по общим законам, они имеют право совершать преступления ради выполнения своей благой цели, ради «разрушения настоящего во имя лучшего». Он верит, что великая личность неподсудна и не подвержена даже суду совести.

Сходство Базарова и Раскольникова видится в том, что авторы подвергают своих героев испытанию, но только их судьбы и исход этих испытаний разные.

В первом случае, Базарову, в виде жизненной проверки встречается любовь, любовь к Анне Сергеевне Одинцовой. Она меняет Евгения. Раньше не верующий в чувства нигилист начинает верить в любовь. Испытание было провалено и Тургенев убивает Базарова, человека, который не мог бы жить в мире, где чувства и нежность так ценны. Тургенев опередил свое время, показав Базарова, но Базаров нет, ибо он был нужен России, не как нигилист, а как человек передовых идей, который мог бы вести народ.

В случае с Раскольниковым испытанием выступает преступление, страшное, но нужное Раскольникову как

проверка теории. Герой испытал разноречивые чувства: угрызение совести, крах своей теории и перемену мировоззрения, которые поставили его на путь правильный, в итоге он отрекся от идеи и готов в финале романа к началу новой жизни, к началу новой истории.

В результате исследования мы приходим к выводу, что сходство героев выражается в том, что они оба скептики, испытывающие недовольство мироустройством и желание переделать мир, стремление к бунту; оба выбиваются из своего окружения, противопоставлены ему, оба оказываются создателями теорий, которые не выдерживают испытания жизнью, терпят крах. Однако Достоевский, в романах которого важнейшее место занимает религиозно-нравственная проблематика, оставляет своему герою возможность воскреснуть, через покаяние, искупление вины страданием и обращением к Богу. В романе же Тургенева на примере образа главного героя Базарова, писатель показывает хрупкость, ничтожество человека перед вечными законами Природы, трагизм его бытия.

Литература:

1. Достоевский, Ф. М. Преступление наказание [Текст]: / Ф. М. Достоевский. — Москва: Дрофа, 2008. — 451 с.
2. Писарев, Д. И. Русская литературная критика XIX века [Текст]: / Д. И. Писарев. — Москва: Эксмо, 2007. — 316 с.
3. Страхов, Н. Н. Русская литературная критика XIX века [Текст]: / Н. Н. Страхов. — Москва: Эксмо, 2007. — 539 с.
4. Тургенев, И. С. Записки охотника. Отцы и дети: роман [Текст]: / И. С. Тургенев. — Москва: Дрофа, 2008. — 207 с.

ОБЩЕЕ И ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Сравнительно-сопоставительный метод при одновременном обучении нескольким иностранным языкам

Винникова Ольга Михайловна, ассистент

Московский государственный университет путей сообщения императора Николая II

В статье рассматриваются возможности изучения сразу нескольких иностранных языков одной языковой группы с помощью сравнительно-сопоставительного метода. Акцентируется внимание на взаимном влиянии изучаемых языков.

Ключевые слова: сопоставительный метод, положительный перенос, билингвальный подход, интерференция, принцип сознательности

В современном быстро меняющемся мире не для кого не секрет, что мобильность и умение быстро получать новую информацию и использовать ее на профессиональном уровне — ключевые качества для специалиста в любой сфере деятельности. В этой связи возрастает потребность владения несколькими иностранными языками, как минимум, на уровне понимания. В свою очередь такая необходимость выдвигает иные требования к процессу обучения иностранным языкам и к его преподавателям.

Сегодня все больше внимания уделяется возможностям изучения большого количества иностранных языков одновременно. Для этого необходимо выработать единую систему, позволяющую быстро и эффективно овладевать всеми необходимыми языковыми навыками.

Разработки системы интенсивного обучения иностранному языку привели к идее создания механизма, позволяющего одновременно изучать несколько иностранных языков таким образом, чтоб параллельность их освоения облегчала процесс обучения.

Вопрос о взаимном влиянии различных языков рассматривался многими авторами в течении долгих лет. Их труды легли в основу сопоставительного анализа. Первоначально, предполагалось, что знание родного языка может оказывать воздействие на овладение иностранным. Позже ученые пришли к выводу, что большее влияние новый язык испытывает со стороны первого иностранного, в связи с идентичностью приемов, использованных для его освоения.

А. В. Щепилова считает, что есть несколько уровней восприятия информации: глубинные структуры (наклонение, время) строятся под влиянием родного языка, явления «поверхностного» слоя (порядок слов, управление глаголов) — часто под воздействием ранее изученного иностранного. Родной язык очень важен при программировании высказываний, а первый иностранный — при реализации. [1, с. 53–58]

И. Л. Бим определяет сложность постижения определенного языкового явления в зависимости от нахождения аналогов в родном и ранее изученном иностранном. Так, по ее предположению, опорой положительного переноса могут служить родной, первый иностранный или оба сразу. При этом легче всего человек схватывает те элементы, аналоги которым существуют и в родном и в первом иностранном языках, напротив, совсем не будет опоры, если ни в одном из знакомых языков нет схожих явлений. [2, с. 8]

Наличие взаимовлияния между языками предопределяет возможности поисков путей одновременного обучения нескольким языкам, к которому ученые также подошли по-разному.

Л. В. Молчанова в качестве системы обучения предлагает самый кардинальный «билингвальный» подход, предполагающий создание условий переключения с одного языка на другой. При этом анализируя степень, до которой личность обучаемого должна стать билингвальной, она предполагает возможность достижения не только рецептивного (понимание) и репродуктивного (повторение), но и продуктивного (построение самостоятельного высказывания) уровня. [3, с. 185–193] Стоит отметить, что осуществление такого метода возможно только в условиях языкового высшего учебного заведения, в котором студенты обладают высоким уровнем способностей к языку, с высокой заинтересованностью в высочайшем уровне подготовки.

Менее требовательным является классический сопоставительный подход. Он предполагает поиск аналогий в лексико-грамматических конструкциях различных языков с целью осуществления положительного переноса и интенсификации процесса обучения.

Главный метод данного подхода — опора на положительный опыт владения родным и первым иностранным

языками, их сравнение и поиск схожих элементов. Метод базируется на дидактических принципах и в первую очередь принципе сознательности. Это находит проявление в том, что все изучаемые языковые явления объясняются учащимся, прежде чем развиваются умения и навыки пользования ими.

Специфика сравнительного сопоставления в том, что правила пользования грамматическими и другими явлениями сообщаются только тогда, когда для их иллюстрации имеется достаточно примеров. Поэтому в процессе преподавания возможны и такие случаи, когда отдельные грамматические явления сначала воспринимаются как формы слова и лишь затем обобщаются в правила.

Например, при обучении испанскому языку при первом французском можно сначала предложить студентам самостоятельно провести аналогии между парами слов: *nuit-poche*, *huit-och*, *lait-leche*, *fait-hecho*. А лишь потом пояснить, что все эти слова имеют латинское происхождение, при этом первоначальное сочетание «-ct-» перешло во французское «-it-» и испанское «-ch-».

В зависимости от уровня подготовленности, интересов и способностей обучаемых, можно применять разные стратегии: просить найти аналогии, просить образовать схожие слова по модели, предложить найти свои примеры. Однако при этом стоит опираться на ряд общих для любого случая положений:

- 1) опора на сознательный метод;
- 2) четкий контроль преподавателя на всех уровнях, чтоб исключить возможности неправильного переноса;
- 3) учет специфики обучаемых и их уровня подготовки;
- 4) учет специфики родного, первого и второго иностранных языков.

В основе метода лежит понимание обучаемым общих закономерностей построения языковых конструкций, поэтому сначала среди грамматических правил для объяснения отбираются те, которые распространяются на большее количество конструкций и аналогии которыми существуют в уже изученном языке. Основная цель объяснения при этом — ускорение процесса обучения. Правила служат лишь опорой для проведения самостоятельных аналогий. Таким образом, при обучении испанскому после французского уже на начальном этапе можно рассказать, что в изучаемом языке с помощью «-ción» можно образовать практически любое слово, аналогичное французскому, оканчивающемуся на «-tion» (*producción* — от *production*, *formación* — от *formation* и др.).

Немаловажным является и использование объясненного материала в устной и письменной речи. Приоритет при этом получают те элементы языка, которые необходимо задействовать при чтении и говорении в конкретной ситуации. Например, при обучении студентов технических специальностей практически на первом занятии стоит разучить счет, без которого будет непонятным большинство технических текстов. Тем более, что в самих числах легко проследить аналогии: *un* — *uno*, *deux* — *dos*,

trois — *tres*, *quatre* — *cuatro*, *cinq* — *cinco*, *six* — *seis*, *sept* — *siete*, *huit* — *ocho*, *neuf* — *nueve*, *dix* — *diez*, *onze* — *once*, *douze* — *doce*, *treize* — *trece*, *quatorze* — *catorce*, *quinze* — *quince*, *dix-sept* — *iecisiete*, *dix-huit* — *dieciocho*, *dix-neuf* — *diecinueve*, *vingt* — *veinte*, *trente* — *treinta*. Объяснение этого правила обоюдо удобно: знание счета позволит понять большое количество текстов; каждый раз, когда студенты будут сталкиваться с числами в тексте, они будут тренироваться в их понимании.

Кроме того, стоит учитывать возможности такого процесса, как интерференция, замена системы правил изучаемого языка другой, построенной под воздействием системы правил родного или ранее изученного иностранного языка (1, стр. 41). Этот процесс происходит на всех уровнях языка: фонетическом, лексическом, морфологическом, синтаксическом. При графическом сходстве слова испанского и французского языков очень разнятся в произношении, поэтому при сопоставительном методе обучение чтению, письму, восприятию на слух и устной речи идет в тесной взаимосвязи. Читая, учащийся проговаривает слова устно, и, наоборот, в процессе говорения студент сохраняет в памяти образ слова, необходимый для дальнейшего узнавания при чтении.

Особенности использования сопоставительного метода в преподавании зависят также от специфики самих языков (изучаемого и изученного). Так, если постигаемые иностранные языки относятся к одной языковой группе (английский и немецкий — германская группа), то между ними будет обнаруживаться больше общих элементов. Так, испанский и французский языки обнаруживают сходства в формах местоимений и предлогов, структуре предложений, спряжении глаголов.

В настоящее время ведется активная разработка проектов по быстрому обучению пониманию устной и письменной речи носителей близкородственных языков. С первого занятия перед обучаемыми ставится задача отбора в тексте знакомых элементов на базе родства языков. Такой метод получил название «семи сит». [4] Первое сито служит для поиска интернационализмов (слов общего происхождения с одним и тем же смыслом), второе — для отбора общегрупповых понятий, третье — для нахождения фонетических соответствий, четвертое — для сопоставления графем, пятое — для идентификации синтаксических конструкций, шестое — для выявления грамматических явлений, последнее — для анализа состава слова.

Накопив рецептивный навыки, учащийся, по мнению авторов, готов к быстрому приобретению продуктивных умений. В отличие от традиционного сопоставительного метода «семи сит» вырабатывает только навыки понимания языков из той же группы. Так, авторы проекта *Eugosom* приводят такие текстовые отрывки текстов [4]:

FR: *La vache a des cornes sur la tête et quand elle ne dort pas, elle est tout le temps en train de manger de l'herbe et des fleurs des prés, elle les prend avec la langue et elle les rompt avec les dents.*

ESP: La vaca tiene cuernos en la cabeza y cuando ella no duerme ella está todo el tiempo comiendo la hierba y las flores de los prados que toma con la lengua y rompe con los dientes.

РУС: У коровы рога на голове, и, когда она не спит, она все время ест траву и цветы лугов, которые берет языком и разкрашивает зубами.

Даже русскоязычному студенту видны аналогии: la vache — la vaca, cornes — cuernos, quand — cuando, ne dort pas — no duerme, elle — ella, l'herbe — la hierba, fleurs — flores, des prés — de los prados, la langue — la lengua, rompt — rompe, les dents — los dientes. Носители же испытывают огромное удовлетворение, расшифро-

вывая текст на незнакомом языке, что мотивирует их изучать тот или иной язык.

Помимо лексических соответствий можно отметить морфологические и синтаксические совпадения. Например, в испанском как и во французском языке множественное число существительного образуется с помощью окончания «-s.» В обоих языках есть определенные и неопределенные артикли. Сходные синтаксические конструкции с глаголом-связкой: Mario est étudiant. — Mario es estudiante.

В настоящий момент в нашей стране ведутся разработки программ обучения сразу нескольким иностранным языкам. Сравнительно-сопоставительный метод может существенно ускорить процесс такого обучения.

Литература:

1. Щепилова, А.В. Теория и методика обучения французскому языку как второму иностранному. Учебное пособие — М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2005. — 245 с.
2. Бим, И.Л. Концепция обучения второму иностранному языку (немецкому на базе английского) Учебное пособие. — Обнинск: Титул, 2001. — 48 с.
3. Молчанова, Л.В. Коммуникативные универсалии как средство обучения многоязычию студентов языковых вузов (на примере английского и японского языков) // Российский научный журнал — 2009 — № 3 — с. 185–193
4. Хорст, Г. Клейн ЕвроКомРом — семь сит: чтение и понимание всех романских языков сразу / Г. Клейн Хорст, Тильберт Д. Штегманн
5. <http://www.eurocomprehension.eu/rom/indexrom.htm> (дата обращения 21.10.2016 г.)

Структурно-семантические особенности свободных и паремичных сочетаний с пространственной характеристикой дальности в русском и испанском языках

Галич Алина Сергеевна, студент
Санкт-Петербургский государственный университет

Темой нашего исследования является рассмотрение семантической структуры паремичных единиц, описывающих позицию объекта в пространстве на материале двух неблизкородственных языков — испанского и русского, через призму национальных языковых картин мира данных этнических общностей. Исходным моментом при выборе соответствующего направления послужило обращение к статье М.В. Денисенко «Семантическая структура свободных и паремичных сочетаний, выражающих позицию объекта в пространстве относительно параметра далеко». Как показывает анализ переводческой практики, лексические репрезентанты пространственной субкатегории дальность, обладающие комплементарным набором экспрессивно-оценочных коннотаций, создают дополнительные трудности при отборе соответствующих им эквивалентов в языке, принадлежащем к другой языковой группе.

В последнее время в науке о языке происходит переориентация лингвистических принципов исследования языковой системы в сторону антропоцентрической пара-

дигмы. Разработка новых стратегий для овладения концептуальной стороной языка тесно связана с выделением понятия «языковой картины мира» как системы взглядов и представлений индивидуумов, обусловленных национально-культурными особенностями освоения реалий окружающей действительности. Установление наличия непосредственных связей между языком и механизмами интерпретации тех или иных жизненных явлений представляет нам возможность рассматривать паремичные единицы языка с позиции содержательного и лингвокультурологического аспекта.

Многие лингвисты, в частности, Владимир Григорьевич Гак, отмечают, что пространство является основополагающей формой бытия, гносеологической категорией, которая находит отражение во всех национальных языках и одной из первых осмысливается и дифференцируется человеком. По его словам, сознание всех народов тяготеет к восприятию мира сквозь пространственные категории, но русскому менталитету это свойственно в особенности. Пространственные метафоры выполняют очень важную

роль в восприятии картины мира, они отражают понятия морали, судьбы, социальной структуры, количественные и качественные характеристики и др. [1, с. 127]. Пространство обладает такими свойствами как многомерность и широкомасштабность, но в разных языковых культурах универсальные черты этой категории сплетаются с национально-специфическими представлениями, которые формируют коллективную этническую пространственную картину мира. Н.Н. Болдырев утверждает, что «восприятие любого события, его концептуализация, и представление в языке во многом определяется пространственной характеристикой данного события» и что «при этом значительна роль самого автора высказывания (говорящего), поскольку именно он ограничивает событие и выделяет те или иные пространственные ориентиры — ориентиры в пространстве деятеля или в пространстве наблюдателя» [2, с. 212]. То есть, при рассмотрении тех или иных лексических сочетаний, используемых человеком для ориентации в пространстве, нужно учитывать тот факт, что пространство организуется вокруг человека, им же и моделируется, а значит, оно имеет антропоцентрическую направленность и в большинстве случаев относительно.

Однако существуют и абсолютные оценки пространства с точки зрения преодолённости/непреодолимости какого-либо пространства и способов достижения заданного локализованного пункта, которые анализирует Е.С. Яковлева. Она связывает их с понятием **«окрестность говорящего»** — «это та область пространства, его окружающего, которая расположена по горизонтали от него, приблизительно на одном с ним уровне, и при этом, как правило, совпадает с поверхностью земли (традиционной сферой «естественного» освоения пространства)» [3, с. 30]. Так воспринимал мир древний человек, для которого были недоступны ни транспортные средства, ни оптические приборы, поэтому он концептуализировал лишь те части пространства, которые непосредственно мог оценить и измерить в той или иной степени. Н.Л. Шамне и М.В. Макарова в своей статье говорят о том, что носители русского языка представляют мир как «состоящее из нескольких концентрических слоев Целое», замыкающееся вокруг человека и его домашнего очага. В первый и второй слои заключены понятия, близкие русским не только на физическом, но и на духовном уровне: Дом, Родина Страна, Государство — что приравнивается к «своей земле» и признается чрезвычайно важным, поскольку именно благодаря этим концептам у этноса формируется национальное самосознание и менталитет. Остальные пласты пространства расцениваются как «чужая земля», т. к. это обычно труднодостижимые, малоизученные или незнакомые территории, иногда даже владения потусторонних сил и сущностей, недоступных восприятию органов чувств. По отношению к таким отдалённым слоям, потенциально небезопасным, у носителей языка формируется враждебность, недоброжелательность, вследствие чего пространственное моделирование этих зон носит ярко выраженную отрицательную окрашенность [4]. Так, мы

можем привести следующие примеры паремичных сочетаний в русском языке, в которых упоминается образ нечистого духа, а именно **черта**, одного из самых известных персонажей в мировом фольклоре: «*у черта на куличках*», «*у черта на рогах*»/ «*к черту на кулички*», «*к черту на рога*», «*черт-те где*», «*к черту в турки*» и т. д. Как известно, черти предпочитают обитать в самых неприглядных уголках планеты — болотах, омутах, в лесной глуши, там, где редко встретишь живую душу. Подобные места в северных диалектах русского языка именовались «кулижками», поэтому, пока форма «кулижки» не была вытеснена со временем формой «кулички», выражение имело буквальный смысл. Впоследствии кулички стали ассоциироваться с Пасхой и обозначать пасхальные пироги, а само выражение приобрело смысл каламбура, поскольку никому в здравом уме не придет в голову отправляться на религиозный праздник к самому лукавому. В настоящее время оксюморонность сочетания этих двух понятий носителями языка не ощущается, так как слово «кулички» практически исчезло из нашего обихода, но значение остается очевидным, ввиду того, что за образом нечистой силы в сознании русского народа закрепились представления о могущественном зле и смертельной опасности. Для усиления экспрессивности высказывания в русском языке сформировались сочетания с так называемыми «родственниками» беса: «*к чертовой матери*», «*к чертовой бабушке*». Представители старшего поколения демонов (как и у людей, они мудрее и опытнее) превосходят своих потомков по силе и колдовским способностям, поэтому они заключают в себе гораздо более серьезную угрозу для жизни и ни за что не отпустят попавшего к ним горемыку.

Что касается испанских паремичных сочетаний, как отмечает *Ана Серрадилья Кастаньо*, «Испания, с другой стороны, страна католической традиции, и это прослеживается в колоссальном количестве выражений, возникающих на религиозной основе» [5, с. 661]. Она также высказывает мнение о том, что подобная распространенность сочетаний этой тематики встречается лишь в немногих языках, помимо испанского. Самый яркий пример устойчивого сочетания, связанного с христианством и отражающего концепт «далеко, на отшибе», — «*Donde Cristo/Jesús dio las tres voces*» (букв. «*Где Христос/Иисус три раза прокричал*»). Некоторые исследователи, в частности Нестор Лухан, полагают, что у данного выражения имеется продолжение и в законченном виде оно звучит так: «*Donde Cristo/Jesús dio las tres voces y nadie las oyó*». В таком случае, происхождение этого сочетания — аллюзия на троекратную молитву Иисуса в Гефсиманском саду в ночь перед распятием (Моление о Чаше). Однако существует и другая версия возникновения фразеологизма, согласно которой он отсылает нас к описанному в Новом Завете сорокадневному посту Христа в пустыне, где его три раза пытался искушать Дьявол, но все эти три раза Иисус стойко переносил все искушения. Ироничное переосмысление религиозных текстов проявляется в паре-

мичной единице «*Donde Cristo perdió el gorro*», которая также обозначает очень далекое и неопределенное, можно даже сказать, несуществующее место, в связи с тем, что о факте утраты какой-либо вещи Христом нет ни одного упоминания в Евангелии. Это сочетание имеет великое множество вариантов, например, «*el gorro*» можно легко заменить на «*el mechero*», «*el zapato*», «*las alpargatas*», «*los clavos*», «*las sandalias*», «*las pistolas*» и т. д., что объясняется анекдотическим характером выражения. Национальным своеобразием обладает вариация «*Donde Colón perdió el gorro*». В Латинской Америке более распространено паремичное сочетание «*Donde el diablo perdió el poncho*», описывающее такие бытовые реалии латиноамериканского мира, как традиционная национальная одежда. Этот оборот берет свое начало со времен Конкисты и используется в речи для описания удаленных и изолированных территорий.

В словарях в качестве функционально-смысловых эквивалентов вышеуказанным испанским лексико-фразеологическим выражениям приводятся такие русские паремии, как «не ближний (близкий) свет», «Бог знает где (куда)», «куда Макар телят не гонял», «на кудыкину гору», «куда ворон костей не занесёт/заносил/не таскал». Рассмотрим каждое из них в отдельности. Имя Макар носит обобщающий характер и встречается во многих пословицах и поговорках, ассоциирующихся с нищим, несчастным человеком, например, «Не рука Макару коров доить», «На бедного Макара все шишки валятся», «В доме у Макара кошка, комар да мошка» и др. Означая чрезвычайно далекие, глухие места, выражение до революции употреблялось с ироничным намеком на политическую ссылку. Паремичное сочетание «на кудыкину гору» происходит от слова «кудыка» — человек, который любопытствует о том, куда охотник направил свой путь. Суеверные взгляды русского народа накладывали категорическое табу на постановку подобных вопросов, считалось, что они способны принести неудачу, расстроить планы. Поэтому, если такая ситуация все же возникала, охотники отшучивались, отвечали завуалированно: «На кудыкину гору (на кудыкин остров, на кудыкино поле)». Интересно, что в Орехово-Зуевском районе Московской области располагаются по соседству населенные пункты с названиями «Гора» и «Кудыкино», что отмечается в справочных материалах, но доподлинно неизвестно, связан ли этот факт напрямую с возникновением данного оборота. Что касается последнего в данном ряду примера, то его символичный компонент «ворон» также придает отрицательную коннотацию всему фразеологизму, являясь преимущественно предвестником неудачи, посредником между миром живых и мертвых, символом греха, согласно исследованиям образцов фольклорного искусства разных народов мира. Экспрессивность сочетания заключается в том, что для ворона с теоретической точки зрения не представляет ни малейшей трудности переместиться на порядочное расстояние и преодолеть практически любые географические преграды, но, вероятно, существуют такие

гиблые, непроходимые места, куда даже птица попасть не способна, куда даже ворон не отважится залететь.

Одним из важных компонентов языковой картины мира являются числительные — абстрактные части речи. В. А. Маслова отмечает, что «числа — это элементы особого кода, с помощью которого описывается мир», а также обращает внимание на то, что «древние народы придавали цифрам сакральную силу, приписывали им скрытый смысл и магическую возможность влияния на все окружающее, потому как считалось, что числа использовались богами для управления миром» [6, с. 94]. Этим объясняется такая высокая частота употребления чисел в паремичных и свободных сочетаниях, которую мы можем проиллюстрировать следующими примерами: «*estar en el quinto pino*»/ «*en la quinta leche*» (*piñeta*), «*el quinto infierno*», «*de cien (mil) leguas*»; «в тридевяти царстве» («в тридесятом государстве»), «за тридевять земель», «за семью морями», «семь дней на собаках», «за семь верст киселя хлебать» и др. Число «семь» является одним из основополагающих числовых параметров вселенной, его признают совершенным, священным во многих религиях и культурах. Оно выражает идеи Вселенной в таких концептах, как семь цветов радуги, семь нот, семь цветов спектра, семь планет и т. д. В христианской религии это число также играет большую роль (семь смертных грехов, семь дней создания мира, семь недель поста). Согласно В. Н. Лавриненко, в русских пословицах «семерка» «ассоциируется не с конкретным числовым выражением, а с понятием множественности» [7]. Таким образом, паремия «семь дней на собаках ехать» свидетельствует о том, что необходимо потратить огромное количество энергии, сил и времени, чтобы добраться до указанного пункта. Паремичное сочетание «за семь верст киселя хлебать» означает напрасную трату времени на далекое путешествие, так как кисель был не диковинкой в тот исторический период, когда сформировалось это выражение. Верста — старинная мера расстояния, составляющая приблизительно один километр (1066,8 метра). Существует также фразеологизм «за версту», например, в сочетании «видно за версту» подразумевается, что какое-либо явление заметно на значительном расстоянии. В испанском лексико-фразеологическом фонде данное устойчивое сочетание выражается другой мерой длины — лига (4,83 км): «*de cien (mil) leguas*», «*desde una media legua*».

В русском фольклоре очень популярны паремичные сочетания «за тридевять земель», «в тридевяти царстве», «в тридесятом государстве» в качестве присловия, где воссоздается мифический образ далеких, недостижимых для обычного человека земель. Древняя Русь делилась на несколько территорий, каждая из которых находилась под управлением своего правителя. Такие территории обозначались «землями». Следовательно, происхождение паремии «за тридевять земель» объясняется тем, что сказочному герою предстояло преодолеть множество отдельных государств, пересечь

большое количество границ, порой сталкиваясь с непреодолимыми без помощи магической силы преградами. А необычное сочетание двух чисел («три» и «девять», «три» и «десять») следует из исторических особенностей счета: в старину использовали счет по тройкам, то есть тридцать приравнивается к двадцати семи, а тридцать — к тридцати. В испанском языке, как мы видим, в передаче пространственных отношений чаще участвуют числительные «пять», «пятый» — cinco, quinto. К примеру, сочетание «*el quinto infierno*» с предполагаемой отсылкой к описанию Ада Данте и его вариации «*en los quintos infernos*», «*en los quintos apurados*» (Ю. Ам.) в переводе на русский язык отображаются посредством фразеологизма «*медвежий угол*» — отдаленное, глухое, малонаселенное место, захолустье. Разница между испанскими и русскими примерами состоит в том, что иностранные устойчивые сочетания могут характеризовать дистанцию не только по горизонтальной оси координат, но и по вертикальной (глубинность).

Особый интерес, с нашей точки зрения, представляет этимология паремичного сочетания «*estar en el quinto pino*». На сегодняшний момент известны две различные версии. По одной из них, история происхождения данной паремии связана с именем короля Филиппа V, который распорядился посадить пять сосен на одной из центральных магистралей Мадрида, начинающейся с Бульвара Прадо (Paseo del Prado) и заканчивающейся в месте, где в настоящий момент находится станция метро Nuevos Ministerios. Именно в этом конечном пункте, практически за пределами города, располагалась последняя, пятая сосна. Деревья служили жителям Мадрида ориентирами для обозначения своего местонахождения или для назначения места встреч. У пятой сосны предпочитали устраивать свидания и уединяться возлюбленные, чтобы им не помешали любопытные взгляды, к тому же в те времена считалось недопустимым и неприличным открыто выражать свои чувства на публике. Вторая версия указывает на то, что кастильская паремия была заимствована из каталанского языка, а именно, из выражения «*a la quinta forca*», относящееся к установке на барселонских дорогах виселиц (hogcas) для устрашения чужеземцев. Одно из таких сооружений располагалось в Ла-Тринидад (современный район Ла-Меридиана), что воспринималось как самая дальняя точка, как символ дали. Предполагается, что казни устраивались на «естественных» виселицах, и сосны могли быть вполне подходящих для этого процесса объектом. Кроме того, в разговорной речи носители языка используют грубо-просторечное выражение «*estar en el quinto coño*». В целом, поразительное разнообразие фразеологических выражений со стилистически сниженной лексикой является характерной особенностью испанской языковой системы. По словам М. Гарсии, «en

nuestro idioma, un buen tacho es como un puñetazo en la mesa: consigue reafirmar y dar empaque a una expresión que sí, es mucho más educada, pero infinitamente menos contundente» [8]¹. Таким образом, использование табуированных лексем придает паремичным сочетаниям большую экспрессивность, своеобразную «пикантность». В связи с этим мы бы хотели привести примеры распространенных латиноамериканских свободных и устойчивых сочетаний, сочетающих в себе специфическую лексику чилийского, колумбийского, аргентинского и других вариантов испанского языка: «*En la loma del orto (Ape.), la chucha de la loma, a la chucha, el culo del mundo, a la cresta*» [9]. Лексема «*orto*», по свидетельству носителей языка, употребляется в значении «culo», но в еще более сниженной интерпретации. «*Chucha*» — многозначное слово, словарь Королевской академии испанского языка приводит значения «*perro*» (hembra del perro) и «*vulva*», также оно встречается в речи как синоним эмоционального восклицания «*¡diantre!*». «*Cresta*» как отдельно взятое слово обозначает гребень волны, гребешок петуха, вершину, пик какого-либо предмета. Но в сочетании с глаголами с семантикой движения (andar, ir) приобретают нецензурный оттенок, становятся ругательствами и отправляют лицо, по отношению к которому произносится данное сочетание, во владения Сатаны (бесконечно далеко). Менее известные, но не менее оригинальные фразеологические единицы с национально-культурной маркированностью приводит в своем блоге А. Аснар: «*estar en las chimbambas, estar en las quimbambas*» [10]. «*Chimbambas*» и «*quimbambas*» — это географические пространства, не отмеченные ни на одной карте, но в разговорной речи обозначающие воображаемые и отдаленные места. Тожественным значением обладает паремичное сочетание «*estar en Babia*», однако в этом случае территориальный компонент — реально существующий регион (comarca) в провинции Леон. Короли Леона в былые времена основали в этом месте свою резиденцию и отправлялись туда отдохнуть от своих обязанностей и забот, а их подданным велели сообщать всем просителям, что находятся в Бабии. В Латинской Америке это выражение часто употребляется по отношению к человеку, погружившемуся в свои мысли или витающему в облаках. Помимо указанных ранее примеров следует также отметить ряд паремичных и свободных сочетаний в русском языке, структура которых совпадает с аналогичными испанскими лексико-фразеологическими единицами: «*на краю земли /света*», «*на край земли/света*» — «*en el extremo del mundo*», «*en el confín del mundo*», «*al otro confín del mundo*», «*al fin del mundo*»; «*на почти-тельное расстояние*» — «*a considerable (a respetable, a respetuosa) distancia*».

Приведенный выше анализ дает достаточные основания утверждать, что, хотя вербализация пространства

¹ Для нашего языка крепкое словцо словно удар кулаком по столу: упрочивает и придает завершенность выражению, которое, разумеется, больше соответствует культурным нормам, но при этом является несказанно менее сокрушительным, разящим (прим. — перевод наш).

рассматриваемыми нами этносами происходит посредством сходного набора языковых единиц, подбор равных по смыслу и синтаксической структуре эквивалентов представляется весьма проблематичным. Трудность заключается в том, что в пословицах, поговорках и фразеологизмах отражается национально-специфический опыт разных культур, «неповторимые образцы национальной логики и национальной мирооценки» [11, с. 258]. Важно учитывать этот факт при сопоставлении паремий двух неблизкородственных языков, чтобы не потерять свойственную им индивидуальную экспрессивность и образность. Подводя итоги исследования, мы хотели бы обратить внимание на то, что образы, метафоры и сравнения, формирующие пословицы и поговорки в русском и испанском языках в целом имеют общие черты, так как многие паремичные сочетания тесно связаны с христианской концепцией мира и человека, с мифологическими представлениями, берущими начало из глубины веков, о небесах и о преисподней, как крайних точках вертикальной оппозиции пространства. Тем не менее, мы наблюдаем различия в способах номинации пространственной категории даже на материале одного языка (испанского). Так, в латиноамериканских вариантах испанского языка прослеживается тенденция к употреблению лексемы

«diablo», в то время как в пиренейском варианте значение удаленного или несуществующего пространства в большей степени передается через образ Иисуса Христа посредством осмысления Священных текстов. Будучи неизменным антагонистом Бога, выразителем темных сил и недобрых намерений, дьявол (черт) занимает достойную нишу во фразеологическом составе всех рассмотренных нами языков и по праву признается универсальным элементом обценной лексики русского языка и чаще всего фигурирует при переводе иностранных ненормативных выражений. Отмечаемые многими исследователями трудности интерпретации бранных слов связаны с большей степенью табуированности сниженной лексики в русском языке по сравнению с превалирующим большинством европейских языков. Материал, полученный нами в результате исследования, акцентирует внимание на проблеме подбора эквивалентов при переводе фразеологических единиц разносистемных языков, и, на наш взгляд, дальнейший анализ представленных паремичных и свободных сочетаний в лингвистическом изучении перевода позволит более полно и детализировано описать лингвокультурные особенности репрезентации категории пространства в выделенных неблизкородственных языках.

Литература:

1. Гак, В. Г. Пространство вне пространства [Текст] / В. Г. Гак // Логический анализ языка. Языки пространств / под ред. Н. Д. Арутюновой, И. Б. Левониной. — М., 2000. — с. 127–134.
2. Болдырев, Н. Н. Отражение пространства деятеля и пространства наблюдателя в высказывании / Н. Н. Болдырев // Логический анализ языка. Языки пространств. — М.: Языки русской культуры, 2000. — с. 212–216.
3. Яковлева, Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). — М.: Издательство «Гнозис», 1994. — 344 с.
4. Шамне, Н. Л., Макарова М. В. Лингвокультурные характеристики языковых средств выражения субкатегорий близость / дальность в русском и немецком языках. — Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкозн. 2012. № 1 (15) — с. 114–119.
5. Castaño, A. S. La enseñanza de frases hechas: un método para integrar la cultura en el aula — ASELE. Actas XI (2000) — с. 657–664 Centro Virtual Cervantes.
6. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика. Минск: ТетраСистемс, 2005—256 с.
7. Лавриненко, В. Н. Отражение национальной языковой картины мира в количественных фразеологизмах. // В. Н. Лавриненко. [http://www. ui. pglu. ru/lib/publications/University_Reading/2009/VI/uch_2009_VI_00036. pdf](http://www.ui.pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2009/VI/uch_2009_VI_00036.pdf)
8. García, M. El origen de los dichos: El quinto pino. //Yorokobu. — 2014 <http://www.yorokobu.es/EL-QUINTO-PINO/>
9. Diccionario de chileno actual. 2013.: <http://chileno.esacademic.com/>
10. Aznar, A. L. ¡Qué lejos! 2012: <http://ulcco.blogspot.ru/2012/04/que-lejos.html>
11. Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. — М.: ЧеРо, 2003—349 с.

К вопросу о культурно-детерминированных коннотациях фитонимов в паремиологии новогреческого языка

Зубкова Надежда Сергеевна, студент

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (г. Симферополь)

Данная статья посвящена широкому спектру паремий с компонентом-фитонимом в новогреческом языке, несущему в себе коннотативный заряд и обладающему большим аксиологическим потенциалом.

Ключевые слова: паремия, фитоним, языковая картина мира, коннотация

Обращаясь к проблеме изучения фитонимов в языковой картине мира греков стоит подчеркнуть, что область их изучения еще не успела приобрести массовый и системный характер. Безусловно, следует заметить, что фитонимы нередко становятся объектом лингвистических исследований как в рамках диссертационных работ, так и в контексте научных статей и докладов. Однако, чаще всего, фитонимы рассматриваются как объект компаративного анализа. В ходе нашего исследования мы будем опираться не столько на дивергенцию значений фитонимов в рамках нескольких языков, сколько на коннотативные семы паремий, в состав которых входит компонент фитоним.

Анализируя круг проблем, которые будут затронуты в рамках данной статьи, следует дать четкое определение понятиям «фитоним» и «паремия». «Под паремиями в настоящем исследовании понимаются вторичные языковые знаки — замкнутые устойчивые фразы (пословицы и поговорки), являющиеся маркерами ситуаций или отношений между реалиями. Они привлекают говорящих своей семантической ёмкостью и способностью к употреблению в различных речевых ситуациях и с разными речевыми целями». [Атамуродова, 945]. Еще одно определение, которое, на наш взгляд, дает лаконичную характеристику данному термину дал Костин А. В: «Паремии отражают наиболее существенные этнические знания о мире, типизированные в традиционных сравнениях и метафорах, содержат систему народных оценок окружающей действительности» [Костин, 78].

Фитонимы же представляют собой «единицы народной ботанической номенклатуры и противопоставлены фитотерминам — научным обозначениям растений» [Алешина, 34–35]. Фитонимы включают в себя большой пласт информации, находящийся, по мнению У. Кришке, на стыке трех наук — философии, лингвистики, и, собственно, ботаники, и включают в себя различные номинации цветов, грибов, деревьев, фруктов и овощей.

Рассматривая роль фитонимов в языковой картине мира греческого этноса, считаем важным обратить внимание на то, что фитонимы довольно часто упоминаются в греческой мифологии. К примеру, ткацкий челнок богини Афины Паллады был соткан из ветвей бука, материалом для кораблей Париса послужила ель, гесперида Эгла превратилась в иву, а Лернейская гидра жила под древним платаном.

Отметим для себя, что абсолютно обособленный пласт в греческой фитонимии представляет виноградарство и паремии, в состав которых входит концепт «виноград». Данная сепаратность обуславливается невероятной значимостью виноделия в контексте всей греческой культуры, начиная с культа бога Вакха и заканчивая современной составляющей гастрономической культуры рассматриваемого региона.

Фитонимы плотно укоренились и в фольклоре современной Греции. В качестве иллюстрации данного утверждения необходимо упомянуть о «Празднике Абрикосов» (Γιορτή του Καϊσιού), который ежегодно проходит на полуострове Халкидики. Празднование сопровождается массовыми гуляниями и угощением всех гостей мероприятия местными винами, ликерами и выпечкой с абрикосовой начинкой.

В контексте современных культурных и лингвокультурных реалий важно рассмотреть паремии с компонентом — фитонимом, разделив их на несколько групп. В первую группу будут входить речевые клише, которые дают антропоморфное коннотативное значение. Вторая группа будет включать в себя непосредственно фразеологизмы и идиомы, которые затрагивают различные сферы жизни греков.

Внутренний мир личности и его психологические особенности представлены в следующих паремиях с компонентом:

- 1) Η καστανά (плод каштана) — Δεν χαρίζω καστανά (быть строгим, взыскательным).
- 2) Το λουλουδάκι (цветочек) — распутник, развратник.
- 3) Το καρπούζι (арбуз) — Ο καρπούζοκέφαλος (пустая голова).
- 4) Внешний облик человека можно охарактеризовать при помощи следующих паремий:
- 5) Η φράππα (грейпфрут) — краснощекая девушка.
- 6) Το κυπαρίσσι (кипарис) — стройный, статный.
- 7) Το κρίνο (лилия) — Ο κρινοδάκτυλος (с белоснежными пальцами).

Вторая группа устойчивых выражений представлена гораздо обширнее:

- 1) Αχλάδα (груша) — Πίσω έχει η αχλάδα την ουρά (сколько веревочке ни виться, а кончику быть).
- 2) Βερίκοκκον (абрикос) — Θα τα μάθω τι έτσι βερίκοκκον (я ему покажу, где раки зимуют).
- 3) Το καρίδι (орех) — Κουφιά καρύδα (болтовня, вздор).

4) Αυτό είναι σκληρό καρύδι (это очень трудная задача).
Αυτό το καρύδι δεν είναι για τα δόντια σου (этот орех тебе не по зубам).

Θα του στρίψω το καρύδι (я тебе шею сверну).

Η καστανά (плод каштана) — Βγάζω τα καστανά από τη φωτιά (таскать каштаны из огня).

5) Το λεμόνι (лимон) — Τον πήραν με τις λεμονόκουπες (его встретили недоброжелательно).

Τον πέταξαν σαν στιμμένη λεμονόκουπα (его выбросили как выжатый лимон).

6) Το μήλο (яблоко) — Το μήλο κάτω από τη μιλιά θα πέσει (яблоко от яблони недалеко падает).

Το μήλο της έριδος (яблоко раздора).

Το μήλο του Αδάμ (адамово яблоко).

7) Το σύκο (инжир) — Λέω τα σύκα σύκα και τη σκάφη σκάφη (называть вещи своими именами).

8) Η δάφνη (лавр) — Δρέπω δάφνες (пожинать лавры).

Κοιμούμαι επί των δάφνων (почить на лаврах).

9) Το κυπαρίσσι (кипарис) — Τον πήγανε στα κυπαρίσσια (его похоронили).

10) Το αγγούρι (огурец) — Τα βρήκε αγγούρια (он столкнулся с трудностью).

Αυτή η δουλειά είναι αγγούρι (это дело трудное).

11) Το καλοκόθι (тыква) — Καλοκόθα με τη ριγάνη (чепуха, небылица).

12) Η ριγάνη (душица) — Βάλε του ριγάνη (ничего не поделаешь).

13) Το λάχανο (капуста) — Σπουδαία τα λάχανα (эка важность).

Εγώ δεν τρώω λάχανα (меня не обманешь).

14) Το πιπέρι (перец) — Οποιος έχει πολύ πιπέρι βάζει στα λάχανα (он не знает, куда деньги девать).

Таким образом, мы приходим к заключению, что в наши дни взаимосвязь человека и природы особенно важна в рамках рассмотрения ее сквозь призму лингвокультуры отдельно взятого этноса. Предложенные в рамках данной статьи варианты классификации паремий с компонентом-фитонимом в новогреческом языке могут послужить основой для дальнейших исследований.

Λитература:

1. Алешина, Е. К. Исследование наименований растений и национальная языковая картина мира: к постановке проблемы / Е. К. Алешина // Вестник НГУ. Серия: История, филология. — 2009. — Том 8, выпуск 2: Филология. — с. 34–37.
2. Атамуродова, Ф. Т. Сопоставительный анализ фитонимов, присутствующих в английской и русской паремиологии // Молодой ученый. — 2015. — № 3. — с. 945–947.
3. Костин, А. В. Национально-культурная специфика русских пословиц с компонентом «вода» // Национально-культурный и когнитивный аспекты изучения единиц языковой номинации. Материалы международной научно-практической конференции 22–24 марта 2012 г.: Кострома, 2012. — с. 78.
4. Хориков, И. П. Новогреческо-русский словарь / И. П. Хориков, М. Г. Малеев. — Москва: Культура и традиции, 1993. — 853 с.

Учёт интерференции гласных при обучении итальянцев русскому произношению

Ковтун Юлия Александровна, магистрант
Санкт-Петербургский государственный университет

Розова Ольга Георгиевна, кандидат филологических наук, доцент
Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург)

Данная статья посвящена анализу фонетической интерференции гласных звуков в русской речи носителей итальянского языка начального этапа обучения. В работе сравниваются вокалические системы русского и итальянского языков. На основании сравнения приводятся прогнозируемые нарушения в русской речи носителей итальянского языка. Описывается фонетический эксперимент и его результаты.

Ключевые слова: артикуляция гласных звуков, вокалическая система, гласные, интерференция, итальянский язык, корректировка, русский язык, фонетическая интерференция

Артикуляционный аппарат с детства привыкает к произношению, свойственному фонетической системе родного языка человека. Естественно, что в процессе овладения навыками произношения иностранного языка

у учащегося возникают фонетические нарушения, связанные с различиями двух языковых систем, вступающих в контакт. Такие фонетические нарушения обусловлены явлением интерференции. По определению Н. А. Люби-

мовой, явление фонетической интерференции является сложным, поскольку представляет собой «психофизиологический механизм взаимодействия в сознании индивида двух, а иногда и более языковых систем, действие которого проявляется в индивидуальной речевой практике в условиях становления двуязычия и может давать как отрицательный, так и положительный результат при овладении вторичной языковой системой». [7, с. 9] Установив сходства и различия фонологических систем двух языков, можно попытаться спрогнозировать места проявления как положительной интерференции, так и отрицательной, то есть определить возможные ошибки в речи учащихся.

В данной работе нами были рассмотрены и проанализированы особенности реализации русских гласных /i/, /e/, /a/, /o/, /u/, /ы/ в речи носителей итальянского языка начального этапа обучения. Сопоставительный анализ систем гласных фонем русского и итальянского языков позволил выявить следующие артикуляционно-акустические сходства гласных:

1. И итальянские и русские гласные фонемы противопоставлены по ряду, подъёму языка и участию губ при их образовании.

2. Пять гласных фонем в обоих языках имеют артикуляторно-акустическое сходство основных аллофонов: в итальянском и в русском присутствуют гласные переднего ряда /i/, /e/, гласные заднего ряда /u/, /o/ и гласная среднего ряда — /a/.

Также сопоставление фонологических систем русского и итальянского языков позволило выявить и следующие различия гласных:

1. В итальянском языке присутствуют фонемы /ε/, /ɔ/, аналогов которым не существует в русском.

2. В русском языке есть фонема /ы/, аналога для которой нет в итальянском.

3. В итальянском языке есть возможность противопоставления гласных среднего подъёма по степени открытости — закрытости: /e/ — /ε/, /o/ — /ɔ/.

4. При одинаковом подъёме языка в русском языке существует оппозиция по ряду (передний — непередний) для пары /i/ — /ы/.

5. В русском языке есть оппозиция гласных по признаку лабиализованный — нелабиализованный (огубленный — неогубленный) для пары /ы/ — /u/.

6. Оппозиция гласных по признаку подъёма языка представлена в русском языке для двух пар: /i/ — /e/, /u/ — /o/, а в итальянском языке она присутствует для четырёх пар: /i/ — /e/, /e/ — /ε/, /u/ — /o/, /o/ — /ɔ/.

7. Система итальянских гласных включает в себя дифтонги и трифтонги, которых нет в русском языке: [ia], [ie], [ai], [ui], [eu], [io], [iu], [oi], [uo], [ei], [aio], [aia], [aiu], [uoi], [iei].

На основании сопоставительного анализа вокалических систем русского и итальянского языков были определены прогнозируемые нарушения носителей итальянского языка в русской речи:

1. В итальянском языке отсутствует фонема /ы/, как и фонемная оппозиция /i/ — /ы/, поэтому в русском произношении итальянцев следует ожидать замену /ы/ на /i/.

2. В итальянском языке в ударной позиции произносится звук переднего ряда среднего открытого подъёма /i/, который в безударной позиции заменяется на звук переднего ряда среднего закрытого подъёма /e/. В русском языке в безударном слоге звук /e/ обычно заменяется на звук /i/, поэтому в русской речи итальянцев в безударном положении вместо ожидаемого /i/ может звучать /e/.

3. В итальянском языке в ударной позиции произносится звук переднего ряда среднего открытого подъёма /ɔ/, который в безударной позиции заменяется на звук переднего ряда среднего закрытого подъёма /o/. В русском языке в безударном слоге звук /o/ обычно заменяется на звук /a/, поэтому в русской речи итальянцев в безударном положении вместо ожидаемого /a/ может звучать /o/.

4. В русском языке соответствующая итальянской фонеме /a/ имеет более разнообразные фонетические реализации. В первом предударном слоге, а также в абсолютном начале и конце слова — [Λ], во втором, третьем предударных и в заударных слогах — [ъ]. В итальянском произношении эти варианты фонемы /a/ сохраняться не будут.

5. В связи с тем, что в итальянском языке нет явлений палатализации согласных и аккомодации гласных, в русском произношении итальянцев следует ожидать замену палатализованного согласного рядом с гласным на сочетание типа «j + гласный».

6. В отличие от системы русских гласных, в системе итальянских гласных присутствуют дифтонги и трифтонги, поэтому два или три рядом расположенных русских гласных звука в итальянском произношении могут звучать как дифтонг и трифтонг соответственно.

Таким образом, отрицательная интерференция родного языка должна обнаружиться в замене итальянскими студентами /ы/ на /i/, в замене позиционных аллофонов русских гласных /e/, /o/, /a/ на их основные аллофоны, которые соответствуют гласным фонемам итальянского языка, в замене палатализованного согласного в сочетании с гласным на сочетание типа «j + гласный», а также в возможном появлении в русской речи итальянцев нехарактерных для русского языка дифтонгов и трифтонгов.

Для проверки предполагаемых областей интерференции, вызванных взаимодействием языковых систем русского и итальянского языков, был проведён констатирующий эксперимент. В нём участвовало шесть носителей итальянского языка, владеющих русским языком на базовом и I сертификационном уровнях. Испытуемым было предложено прочитать слова русские слова, включённые в лексический минимум для I сертификационного уровня. Всего испытуемым было предложено для чтения 40 слов, в которых гласные /i/, /e/, /a/, /o/, /u/, /ы/ находились в следующих позициях гласных: ударная; безударная в абсолютном начале слова; первый предударный слог; второй

предударный слог; заударный закрытый слог; безударная в абсолютном конце слова; рядом с палатализованными согласными; рядом с другими гласными.

После обработки данных констатирующего эксперимента были выявлены ошибки:

1. Замена фонемы /ы/ на /i/, например: *мышь* — /m'ɨʃ/;
2. Отсутствие редукции /e/, например: *лесной* — /le-snoj/;
3. Отсутствие редукции /o/, например: *солить* — /sol'it'it'it/;
4. Отсутствие редукции /a/, например: *зарплата* — /zarplata/;
5. Замена палатализованного согласного рядом с гласным на сочетание типа «j + гласный», например: *привет* — /p'riv'jet/.

Как показали результаты эксперимента, прогноз интерференции гласных подтвердился частично. Участники эксперимента испытывали трудности с артикуляцией русских гласных /i/, /e/, /a/, /o/, /u/, /ы/, однако ожидаемого появления дифтонгов и трифтонгов на месте рядом расположенных русских гласных звуков выявлено не было.

Данные, полученные в результате анализа эксперимента, показали также, что итальянцы сделали ошибки, которые не прогнозировались. В некоторых случаях в ударной позиции произошла замена /i/ на /e/, например: *картина* — /kart'ena/. Можно сделать предположение, что подобные ошибки возникли в результате плохого знания произносительной нормы или из-за невнимательности и того, что участники эксперимента читали данные слова без подготовки. Таким образом, область интерференции, вызванная взаимодействием русского и итальянского языков, оказалась шире, чем предполагалось.

Литература:

1. Бондарко, Л. В., Вербицкая Л. А., Гордина М. В. Основы общей фонетики: Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений — 4 изд, испр. / Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, М. В. Гордина — СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2004—352 с.
2. Вайнрайх, У. Языковые контакты. / У. Вайнрайх — Киев: Вища шк., 1979. — 263 с.
3. Виноградов, В. А. Интерференция: Лингвистический энциклопедический словарь. / В. А. Виноградов — М.: сов. энциклопедия, 1990. — 685 с.
4. Касаткин, А. А. Учеб. задания по фонетике итальянского языка для студ. I-го курса итальянского отделения. / А. А. Касаткин — Л.: РИО ЛГУ, 1898. — 18 с.
5. Касаткин, Л. Л. Современный русский язык. Фонетика: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования — 3-е изд., испр./ Л. Л. Касаткин — М.: Издательский центр «Академия», 2014. — 272 с.
6. Любимова, Н. А. Лингвистические основы обучения артикуляции русских звуков. Постановка и коррекция. / Н. А. Любимова — М.: Русский язык. Курсы, 2011. — 240 с.
7. Любимова, Н. А. Психолингвистический аспект формирования звуковой системы неродного языка в условиях обучения // Фонетический аспект общения на неродном языке: коллективная монография. / Н. А. Любимова — СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2006. — 6—25 с.
8. Матусевич, М. И. Современный русский язык. Фонетика. Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по специальности «Рус. яз. и литература». / М. И. Матусевич — М.: Просвещение, 1976. — 288 с.
9. Розенцвейг, В. Ю. Языковые контакты. Лингвистическая проблематика. / В. Ю. Розенцвейг — Л.: Наука, 1972. — 80 с.
10. Розова, О. Г. Практическая фонетика русского языка: Учебное пособие для иностранных студентов. / О. Г. Розова — СПб, 2008. — 56 с.
11. Сущёва, Т. Сопоставительная фонетика как основа прогнозирования типичных ошибок (на примере русской речи итальянцев). / Т. Сущёва — Триест, Slavica tergestina 3, 1995. — 18 с.
12. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность. / Л. В. Щерба — Л.: Наука, 1974. — 424 с.
13. Canepari, L., Introduzione alla fonetica. / L. Canepari — Torino: Einaudi, 1979. — 318 с.
14. Leoni, F. A., Maturi P. Manuale di fonetica. / F. A. Leoni, P. Maturi — Roma: Carocci editore, 2004. — 396 с.
15. Saltarelli, M., A phonology of Italian in a Generative Grammar. / M. Saltarelli — The Hague-Paris, 1970. — 348 с.

Дебаты как метод изучения английского языка

Курбонова Мунаввар Санакул кизи, студент

Узбекский государственный университет мировых языков (г. Ташкент, Узбекистан)

В современном обществе люди критически взвешивают проблемы, формируют свое мнение и выражают свои идеи посредством диалога и дискуссий. Публичные выступления, дебаты, критическое мышление играют важную роль в классе, где преподаватели работают, чтобы подготовить студентов в соответствии с их будущими потребностями в языке. Современные требования привели к необходимости интеграции изучаемого языка в учебную программу. В ответ на эту потребность, обучение на основе контента нашло свой путь во многие настройки высшего образования.

Содержимое на основе инструкций интегрирует язык и содержание в классе. Есть несколько подходов к инструкции на основе содержания, демонстрируя континуум между языком и фокусом контента.

Согласно Хармеру [1, с. 386], есть три важные характеристики программы занятий на основе содержания. Ядро курса основывается на содержании, курс включает в себя аутентичный текст, кроме того он адаптирован к потребностям конкретной группы студентов. Эта адаптация делает занятия на основе содержания полезными в контексте изучения языка. Содержимое на основе инструкций сочетает в себе материалы для изучения языка, содержание и цели стратегии для оказания помощи учащемуся в достижении своих целей. Задачи, решаемые в ходе занятия в классе, основаны на контенте учебных программ и используются для реализации этих целей ежедневно. Преподаватели готовят каждое занятие в соответствии с целями своего класса. Эти цели могут варьироваться от изучения словарного запаса по конкретной теме до широкого концептуального содержания. Во многих классах CBI, одной из целей часто является развитие критического мышления. Хотя более конкретные цели по-прежнему важны, многие преподаватели стремятся обучить своих студентов навыкам, которые они могут взять с собой для будущих установок. Помимо преподавания изолированных навыков в языковом классе, мы хотим воспитать учащихся, способных самостоятельно управлять языком.

Дополнительные мероприятия с публичными выступлениями могут быть использованы в качестве строительных блоков для обсуждения, и, следовательно, включены в обсуждение. Критическое мышление развивается на протяжении всего процесса обсуждения. Прежде всего необходимо описать то, что мы подразумеваем, говоря о дискуссионных мероприятиях общественного пользования. Ораторское искусство включает в себя любую задачу, где участник обращается к аудитории в устной форме. Оно может включать в себя: информативные и убедительные выступления, презентации, панельные пу-

бличные интервью и дискуссии. Дебаты представляют собой интерактивную публичную речевую деятельность, что, как правило, требует более высокого уровня организации, чем другие задачи речи. Дебаты могут проводиться с участием двух или более студентов, и варьируются от случайных до высоко структурированных. В этой статье основное внимание будет уделено задачам дебатов в контексте языковых занятий. Дополнительные мероприятия с публичными выступлениями с включением ролевых игр (фиктивные испытания, модель ООН) выходят за рамки данной работы. Дебаты основаны на использовании аутентичного языка и общения с аудиторией. Включение этих мероприятий в образовательный процесс позволяет достигнуть поставленных целей и в области изучения языка. Ниже приведен неполный перечень задач по изучению языка, достигаемых посредством дискуссионных мероприятий.

Цели основные языковые:

- Студенты увеличивают академический словарный запас;
- Студенты улучшают навыки академического письма;
- Студенты улучшают навыки аудирования, учатся делать заметки;
- Студенты учатся бегло просматривать соответствующую информацию и выделять самое главное;
- Студенты читают статьи по темам, представляющим интерес для углубленного изучения;
- Студенты нарабатывают навыки критического мышления;
- Студенты усваивают большое количество аутентичного материала;
- Обучение студентов языку приобретает дополнительный смысл и контекстуализуется;
- Студенты улучшают навыки общения и публичных выступлений [2, с. 279].

Дебаты могут охватывать все или некоторые из этих целей, в зависимости от характера поставленной задачи. Кроме того, эти мероприятия, естественно, поддерживают содержание целей обучения, поскольку содержание в центре внимания задачи. Дебаты требуют от студентов освоить содержание и получить концептуальные знания по теме, разложить по полочкам информацию и принять решение о том, что включить в свои выступления. Концептуальные знания развиваются, так как студенты решают, какая информация является наиболее важной, и как эта информация соотносится с их фоновыми знаниями. Есть несколько преимуществ использования дебатов в языковой школе. Здесь мы выделяем только некоторые из самых примечательных.

Дебаты способствуют развитию навыков критического мышления, а также конкретных навыков и стратегии языка. При подготовке к дискуссии, студенты просят разработать перспективу, исследовать существующие по теме точки зрения и теории, анализировать аргументы, оценивать достоверность или смещение источника, и различие между актуальной и неактуальной информацией. Студентам предлагается глубоко проработать вопрос и оценить возможные решения проблемы, сравнить варианты, сделать логические выводы, выявить противоречия, а также изучить последствия. Полученные в течение всего процесса навыки позволяют студентам подходить к материалу с критической точки зрения, и эти навыки могут быть перенесены на новые материалы и контексты.

Дебаты усиливают все четыре языковых навыка. Студенты принимают участие и как слушатели, но кроме того развивают навыки чтения и письма, учатся делать заметки в ходе подготовки к дискуссии. Во время поиска информации студенты должны обработать и выделить главное в большом количестве источников, а также глубоко изучить основные материалы, чтобы подготовиться к дебатам. Практика письма выделена, так как студенты делают заметки, причем на стадии подготовки им могут быть заданы полные аргументированные эссе. Во время дебатов студенты осуществляют практику тщательного прослушивания, потому что участники должны делать заметки и реагировать на выступления других. В процессе дебатов большой акцент делается на устную речь, и язык является ключом к тому, чтобы добиться четкой, связанной речи. Отдельные презентации могут быть использованы в качестве строительных блоков для дискуссий, а также внести свой вклад в этой интегрированной практике навыков.

Научно-исследовательские навыки. Дебаты позволяют научить студентов проводить исследования и аргументировать свои тезисы. В моих классах, я обычно использую подготовленный формат дебатов, а это означает, что студенты знают вопрос, что они будут обсуждать его заблаговременно. После того, как тема определена, студенты должны провести обширный поиск материалов с использованием библиотеки и онлайн-инструментов. Затем они должны сделать выжимку, а также выбрать статьи для глубокого изучения. Этот процесс способствует развитию организационных навыков и поощряет студентов различать первичную и вторичную информацию. Они также могут узнать о предвзятости в отчетности, разницу между интересными мелочами и важными фактами. Когда студенты суммируют несколько источников информации вместе, они должны синтезировать свои выводы в сплоченных аргументах с логической поддержкой. Кроме того, новую информацию необходимо интегрировать с имеющимися знаниями, чтобы разработать четкие и последовательные аргументы.

Автономное и совместное обучение. Такие мероприятия как дебаты способствуют автономному обучению,

требуя от студентов умения проводить самостоятельные исследования. Студенты получают свободу для изучения темы и поиска аргументов, которые являются значимыми для них и берут на себя более активную роль в их собственном обучении. Это помогает повысить мотивацию и интерес студентов к учебе, воспитывает в учащихся чувство ответственности.

Дебаты также укрепляют сотрудничество, так как зачастую студенты работают в парах или командами для обмена идеями, что придает динамичности среде обучения. Исследования концепт-ориентированного обучения чтению показали, что социальное сотрудничество возрастает посредством обмена идеями и фоновыми знаниями [3. с. 58.]. Взятые вместе, возможности для автономного и совместного обучения в процессе дискуссии предлагают лучшее из обоих вариантов, что дает ответственным студентам, способным к самостоятельному обучению, возможность воспользоваться преимуществами богатого информационного обмена.

Положительная оценка и улучшение обучения. Для студентов дебаты - это идеальный способ продемонстрировать свои знания, у них есть возможность продемонстрировать, чему они научились, а не сосредоточиться на недостатках. Эта форма оценки толкает студентов синтезировать знания из различных источников, а также взять на себя роль преподавателя; они выбирают фокус и объясняют свою позицию остальной части класса. Было обнаружено, что такого рода деятельность соответствует более высокому уровню понимания и концептуального понимания. Студенты учатся лучше в связи с необходимостью объяснить информацию третьим лицам. Кроме того, планирование дискуссий и подготовка к вопросам от своих сверстников приводят к более глубокой обработке и более полному пониманию содержания. Было высказано предположение, что задачи, включающие планирование, приводят к более содержательному и свободному использованию языка. Дебаты являются также методом оценки производительности [4].

Подготовка. Дебаты требуют планирования и участия, но стоят усилий. Данный тип мероприятий обеспечивает расширенный ввод, вывод значимого и обратной связи. Они также учат навыкам критического мышления, разрабатывать и оценивать аргументы, сравнивать и сопоставлять идеи, поддерживать те или иные позиции, выявлять противоречия, синтезировать информацию из нескольких источников, реагировать на противоположные точки зрения. В процессе подготовки, студенты практикуют чтение, делают заметки, строят письменные аргументы. Подготовка к дебатам, сбор информации и развитие идей требуют широкого сотрудничества между товарищами по команде. При подготовке к дискуссии и во время участия в ней вопрос рассматривается с противоположных точек зрения и помогает создавать «позитивную напряженность». Это происходит, когда студентам рекомендуется подходить к темам критически и интегрировать новую информацию и перспективы в их базу знаний. Студенты

узнают, что есть больше, чем один из способов приближения или рассмотрения проблемы. Если вы решите интегрировать базовые публичные выступления или дебаты в свой учебный план, ваши студенты, безусловно, пожнут

плоды расширения критического мышления, улучшения языковых навыков. Студенты получают уверенность в процессе разговорной речи и научатся выражать свои мысли ясно и красиво.

Литература:

1. Хармера Джереми. Практика преподавания английского языка. — Longman. 2000. — с. 386.
2. Ур П. Курс обучения языку: Теория и практика. — Кембридж, Cambridge University Press. 1996. — с. 279.
3. Тэннен Д. Довод культура: Переход от дискуссий к диалогу. — Нью-Йорк, Random House. 1998. — с. 58. http://www.pbs.org/now/classroom/debate_rubric.pdf

Арабский пласт терминов физики в татарском языке

Мусина Гульнара Флюновна, кандидат филологических наук, доцент
Казанский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации

Займствования из арабского языка занимали основную часть терминов физики в татарском языке в период до Октябрьской революции. Вхождение их в татарский язык связано с проникновением в Волжскую Булгарию ислама, а вместе с ним арабской письменности и культуры.

Как известно, в древний период Волжская Булгария поддерживала активные контакты со странами Востока. После официального принятия ислама Булгария стала единственной мусульманской страной на севере [4, с. 50].

Вхождение ислама в Волжскую Булгарию способствовало расцвету науки, образования и литературы. Изучение Корана стимулировало массовое приобщение населения к грамоте. Еще в начале X в. в болгарских городах и селах при мечетях были школы, где обучали основам религиозных знаний, арабской письменности, которая постепенно вытесняла более древнюю руническую [4, с. 53].

Еще до 20-х гг. XX в. арабские заимствования составляли основную часть всех терминов физики в татарском языке. Они находили свое отражение в научных трудах, словарях и учебниках. Например, в научных трудах К. Насыри преобладали арабские заимствования, понятные и распространенные среди народа. Термины арабского происхождения составляли основную часть всех терминов и в первых учебниках по физике, изданных в начале XX в., однако параллельно с арабским термином в учебнике приводились и их интернациональные варианты.

В период до Октябрьской революции в татарском языке употреблялись такие арабские термины физики, как *علم اشيا* *гыйльме эшья* — физика, *مساحة* *мәсахә* (аралык) — пространство, *حجم* *хәжем* (күләм) — объем, *ثقل* *сакийләт* (авырлык) — тяжесть, *وزن* *вәзеннәр* (үлчәмнәр) — меры, *حرارة* *хәрарәт* (жылылык) — теплота и т. п.

Некоторые арабские термины физики, которые были усвоены татарским языком, оставались в употреблении и в послеоктябрьский период. В настоящее время в татарском языке существует немало терминов физики, заимствованных из арабского языка и усвоенных татарским языком. Например, *دولقن* *дулкын* — волна, *درجہ* *дәрәжә* — степень, *وقت* *вакыт* — время, *میزگ* *мизгел* — мгновение, *ماده* *матдә* — вещество, *جسم* *жисем* — тело, *تجربه* *тәҗрибә* — опыт, *مسئله* *мәсьәлә* — задача, *مقدار* *микъдар* — количество, *قانون* *канун* — закон, *قيمت* *кыйммәт* — значение, *معلومات* *мәғълүмат* — информация и т. п.

Для сравнения количества арабских терминов физики в татарском языке в дооктябрьский, послеоктябрьский и перестроечный период мы проанализировали татарские школьные учебники по физике с начала XX века и до наших дней. На основе анализа нами была составлена таблица 1.

Как видно из таблицы, наибольшее количество арабских терминов физики приходится на дооктябрьский период — 16%. В послеоктябрьский период, в связи с проникновением в татарский язык большого количества русских и европейских терминов физики, количество арабских заимствований постепенно начало уменьшаться, однако в настоящий момент в татарском языке находятся в употреблении те арабские термины, которые были усвоены языком, и они составляют 4% от общего количества заимствованных терминов физики.

Термины физики, заимствованные из арабского языка, можно разделить на следующие лексико-семантические группы:

1. Названия явлений физики: *ماده* *матдә* — вещество, *جسم* *жисем* — тело, *قانون* *канун* — закон,

Таблица 1

Автор, название и год издания учебника	Словарный состав арабских терминов в (%)
1. Г. Гыйсмәти «Гыйлем әшья. Яки тарих табигый». Казан, 1909. 100 б.	16%
2. Г. Шинаси «Хикмәте табигыя дәрәслеге: Механика, сы-еклыклар, газлар». Уфа, 1929. 132 б.	8,1%
3. А. В. Перышкин, Г. И. Фалеев, В. В. Крауклис «Физика: Жидееллык һәм урта мәктәпнең бнчы классы өчен дәреслек». Казан, 1949. 139 б.	4,8%
4. Б. Б. Буховцев, Ю. Л. Климонтович, Г. Я. Мякишев «Физика: Урта мәктәпнең 9 классы өчен дәреслек». Казан, 1983. 287 б.	3,5%
5. А. В. Перышкин «Физика: Урта мәктәп 7 нче сыйныф өчен дәреслек». Казан, 1994. 181 б.	3%
6. В. Г. Гайфуллин, Р. Ә. Исламшин «Физика: татар урта гомуми белем бирү мәктәбенең 7 нче сыйныфы өчен дәреслек». Казан, 2006. 152 б.	4%

әҗүвә — көч, ميزان (авырлык) — вес, كتلة — масса, ضياء — нур, حرارات хәрарәт (жылылык) — теплота, قوتى زهرىي куәте зәһрәбаия (электр көче) — электрическая сила, كهربى куәтле зарбә (көчәнеш) — напряжение, منفى мәнфи (корылма) — заряд, عنصر гонсыр — элемент и т. п.;

2. Названия химических веществ: حيوة живө (терекөмеш) — ртуть, صرفان сирфан (кургаш) — свинец, مولدالفحم мүлдәлфихим — углерод, ذهب зәһәб (алтын) — золото, فضة физза (көмеш) — серебро, كبريت кибрит (күкерт) — сера, حامض хамиз — кислота, نحاس нөхас (бакыр) — медь, ملح милех (тоз) — соль, معدن мәдән — металл, توتية тутыя — цинк, حديد хадид (тимер) — железо и т. п.;

3. Названия естественных наук: علم اشياء гыйльме әшья — физика, حكمة طبيعية табигыя — физика, علمى عملي гамәли механики — практическая механика и т. п.;

4. Названия приборов, устройств, приспособлений: التالهت (жиһаз) — прибор, قنطار қынтаар (үлчәү) — весы, پروانه — пропеллер, مقياس الحرارة — градусник и т. п.;

5. Названия физических величин: درجه — степень, مساله мәсәлә — задача, تجربه тәҗрибә — опыт, مقدار миқдар — количество, قيمت қыймәт — значение, كبر — зурлык и т. п.;

6. Названия природных явлений: دولقن дулкын — волна, هوا һава — воздух, كون көвен — космос и т. п.

По своей структуре арабские термины физики делятся на простые и составные.

К простым терминам относятся слова, состоящие из одного корня. Например, توتية тутыя — цинк, حديد хадид (тимер) — железо, ذهب зәһәб (алтын) — золото, جسم جسем — тело, ماده مادдә — вещество, كبريت кибрит (күкерт) — сера, كون көвен — космос, حامض хамиз — кислота, كتلة — масса, قوتى (көч) — сила и т. п.

К составным терминам относятся слова, состоящие из двух знаменательных частей, подчиненных друг другу. Они делятся на 2 структурные модели:

1. Существительное + существительное: علم اشياء гыйльме әшья — физика, علم كيمياء гыйльме кимия — химия, حكمة طبيعية табигыя — физика, قوتى زهرىي куәте зәһрәбаия (электр көче) — электрическая сила, حامض كبريت хамиз кибрит (күкерт чесе) — серная кислота, حامض قاربو хамиз карбун — ислород и т. п.;

2. Прилагательное + существительное: علمى عملي гамәли механики — практическая механика, جسم مركب جسем мәрәккәб (каты جسем) — сложное тело, جسم بسيط جسем бәсыйтә (гади جسем) — простое тело, كبريتى منفى كبريتى مرفى кәһрабаи мәнфи (тискәре корылма) — трицательный заряд, كبريتى وضع كبريتى وازغى кәһрабаи вәзгы (уңай орылма) — положительный заряд, قوتى كهربى куәтле арбә (көчәнеш) — напряжение и т. п.

Таким образом, арабские заимствования составляли основную часть всех терминов физики в татарском языке дооктябрьский период. Вхождению их в татарский язык способствовали такие факторы, как принятие ислама, рабской культуры и письменности, обучение на рабском языке.

Литература:

1. Акуленко, В. В. Научно-техническая революция и проблема интернациональной терминологии // Научно-техническая революция и функционирование языков мира. — М.: Наука, 1977. — с. 73—84.
2. Даутов, Г. Ю., Галимов Д. Г., Вагыйзова З. М. Русча-татарча физика терминнары сүзлеге. Татарча-русча физика терминнары сүзлеге. — Казан: Таң-Заря, 1996. — 200 б.
3. Ефремов, Л. П. Сущность лексического заимствования и основные признаки освоения заимствованных слов. — Алма-Ата, 1958. — 288 с.
4. История Татарстана: Учеб. пособ. для основной школы. — Казань: ТаРИХ, 2001. — 544 с.
5. Курбатов, Х. История татарского литературного языка (XIII — перв. четв. XX в.). — Казань: Фикер, 2003. — 653 с.
6. Лотте, Д. С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и термиоэлементов. — Москва: Наука, 1982. — с. 98.
7. Мәхмүтов, М. И., Хәмзин К. З., Сәйфуллин Г. Ш. Гарәпчә-татарча-русча алынмалар сүзлеге (Татар әдәбиятында кулланылган гарәп һәм фарсы сүзләре). 2 томда. — Казан: «Иман» нәшр., 1993. — 856 б.

Параллели между естественными языками и языками программирования

Овчарова Марина Васильевна, учитель английского языка;
Хаустова Светлана Александровна, учитель информатики
МАОУ «Средняя политехническая школа № 33» г. Старый Оскол

В настоящее время крайне насущны вопросы обучения как естественным языкам, так и языкам программирования.

Издавна параллельно существуют такие дисциплины, как информатика и лингвистика. У каждой из них свое поле деятельности, своя история, свои достижения и насущные задачи. На первый взгляд, они весьма слабо связаны друг с другом. Действительно, лингвистика изучает человеческие языки — как существующие, так и вышедшие из употребления (или мертвые). Лингвистика в большей мере является гуманитарной наукой, чем точной. Информатика (или, как теперь принято говорить, computer science) — скорее область математики. Она изучает алгоритмы и вычисления, а также все, что связано с этими понятиями. Иногда даже ее называют *вычислительная математика*. Если лингвистика как наука существует с древних времен, то и информатика как академическая дисциплина появилась только в конце 50-х гг. XX века. Прикладное использование информатики при решении лингвистических задач достаточно широко распространено, особенно при обработке данных. Существует даже компьютерная лингвистика, которая своей целью ставит использование математических моделей при описании естественных языков. Но нет, к примеру, «лингвистической информатики». Однако в развитие информатики большой вклад внесли именно лингвисты. [1]

Информация становится понятной, если она выражена языком, на котором говорят те, кому предназначена информация.

В процессе развития человеческого общества люди работали большое число языков.

Язык — это знаковая система, используемая для целей коммуникации и познания. Основой большинства языков является *алфавит* — набор символов, из которых можно составлять слова и фразы данного языка.

Язык характеризуется:

- набором используемых знаков;
- правилами образования из этих знаков таких языковых конструкций, как «слова», «фразы» и «тексты» (в широком толковании этих понятий);
- набором синтаксических, семантических и прагматических правил использования этих языковых конструкций.

Все языки можно разделить на естественные и искусственные.

Естественными называются «обычные», «разговорные» языки, которые складываются стихийно и в течение долгого времени. История каждого такого языка неотделима от истории народа, владеющего им. Естественный язык, предназначенный, прежде всего, для повседневного общения, имеет целый ряд своеобразных черт:

- почти все слова имеют не одно, а несколько значений;
- часто встречаются слова с неточным и неясным содержанием;
- значения отдельных слов и выражений зависят не только от них самих, но и от их окружения (контекста);
- распространены синонимы (разное звучание — одинаковый смысл) и омонимы (одинаковое звучание — разный смысл);
- одни и те же предметы могут иметь несколько названий;

— есть слова, не обозначающие никаких предметов;
— многие соглашения относительно употребления слов не формулируются явно, а только предполагаются и для каждого правила есть исключения и т. д.

Основными **функциями** естественного языка являются:

- коммуникативная (функция общения);
- когнитивная (познавательная функция);
- эмоциональная (функция формирования личности);
- директивная (функция воздействия).

Все языки можно разделить на естественные и искусственные.

Естественными называются «обычные», «разговорные» языки, которые складываются стихийно и в течение долгого времени. История каждого такого языка неотделима от истории народа, владеющего им.

Искусственные языки создаются людьми для специальных целей либо для определенных групп людей: язык математики, морской семафор, язык программирования. Характерной особенностью искусственных языков является однозначная определенность их словаря, правил образования выражений и правил придания им значений.

Любой язык, и естественный и искусственный, обладает набором определенных правил. Они могут быть явно и строго сформулированными (формализованными), а могут допускать различные варианты их использования. [2]

Формализованный (формальный) язык — язык, характеризующийся точными правилами построения выражений и их понимания. Он строится в соответствии с четкими правилами, обеспечивая непротиворечивое, точное и компактное отображение свойств и отношений изучаемой предметной области (моделируемых объектов).

В отличие от естественных языков формальным языкам присущи четко сформулированные правила семантической интерпретации и синтаксического преобразования используемых знаков, а также то, что смысл и значение знаков не изменяется в зависимости от каких-либо прагматических обстоятельств (например, от контекста).

Формальные языки широко применяются в науке и технике. В процессе научного исследования и практической деятельности формальные языки обычно используются в тесной взаимосвязи с естественным языком, поскольку последний обладает гораздо большими выразительными возможностями. В то же время формальный язык является средством более точного представления знаний, чем естественный язык, а следовательно, средством более точного и объективного обмена информацией между людьми.

Формальные языки часто конструируются на базе языка математики. Веком бурного развития различных формальных языков можно считать XX век.

С точки зрения информатики, среди формальных языков наиболее значительную роль играют формальный

язык логики (язык алгебры логики) и **языки программирования**.

Языков программирования и их диалектов (разновидностей) насчитывается несколько тысяч.

По некоторым данным, в мире насчитывается около 7000 естественных живых языков и одновременно около 8500 языков программирования. Конечно, эти цифры достаточно приблизительны. Несмотря на большие различия, естественные языки имеют некоторые общие черты. Они называются *универсалиями*. Различают филологические, грамматические и некоторые другие универсалии.

Как невозможно изучить иностранный язык, не изучив фразеологизмы, так невозможно изучить и язык программирования, не узнав часто употребляемые идиомы. И вот что интересно. Как в разных естественных языках встречается много идиом с близким смыслом, так и в разных языках программирования встречаются одни и те же конструкции (быть может, с разным синтаксисом, но с близким содержанием). [3]

Теперь попробуем рассмотреть соотношение лингвистики и информатики на примере автоматической обработки текста. Обработать текст можно по-разному. Ограничимся системами машинного перевода с одного языка на другой. Такие системы используют весь арсенал собственно лингвистических средств.

Исходный текст проходит ряд этапов обработки: первичный анализ (графематический анализ, морфологический анализ, фрагментация текста), затем лексический, синтаксический, семантический анализ (локальный и глобальный), после этого идет межъязыковой переход, и в обратном порядке этапы синтеза: семантический, синтаксический, лексический, морфологический.

При этом может происходить возврат на предыдущий этап, например, при обнаружении синтаксической неоднозначности, она может разрешиться на этапе семантического анализа. При всех усилиях, затрачиваемых на создание таких систем, их работа оставляет желать лучшего. Какую же параллель можно увидеть в информатике? Конечно же, машинный перевод с одного языка программирования на другой. [6]

Прежде всего, это перевод на машинный язык. Такой переводчик так и называется — транслятор. Однако обратный перевод с машинного на язык программирования очень затруднен. Фактически он работает только для языков самого низкого уровня — ассемблеров. Поэтому он и называется дизассемблер. Но и в этом случае зачастую перевод далек от совершенства. Хотя команды ассемблера однозначно переводятся в машинные команды, но возникает проблема разграничения области данных и области инструкций, т. е. проблема контекста.

И хотя в этом случае контекста всего два, но все равно автоматический перевод становится практически невозможным.

Еще сложнее картина возникает при попытке перевода на язык более высокого уровня. Задача становится

настолько сложной, что такие переводчики даже не создаются — цель не оправдывает средств. [5]

Отсюда видно, насколько сложная задача стоит в случае перевода с одного естественного языка на другой.

Таким образом, мы увидели насколько существует глубокая связь между двумя такими непохожими отраслями знаний.

Литература:

1. Гамма, Э., Хелм Р., Джонсон Р., Влссидес Дж. Приемы объектно-ориентированного проектирования. Паттерны проектирования = Design Patterns: Elements of Reusable Object-Oriented Software. — СПб.: Питер, 2007. — 366 с.
2. Гивенталь, И. А. Как удивиться и возмутиться по-английски. — М.: Флинта: Наука, 2008. — 247 с.
3. Гринберг Дж. Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов // Новое в лингвистике. — Вып. V. — М., 1970. — с. 70–79.
4. Леонтьева, Н. Н. Автоматическое понимание текстов. Системы, модели, ресурсы. — М.: Академия, 2006. — 303 с.
5. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. — М.: Языки русской культуры, 1997. — 824 с.
6. Уолл, Л., Кристиансен Т., Орвант Дж. Программирование на Perl. — М.: Символ-Плюс, 2006. — 1150 с.
7. Chomsky, N. A. Syntactic Structures. — The Hague — Paris: Mouton, 1957. — 117с

Мотивация студентов к общению на уроке

Пулатова Шарифа Собиржановна, старший преподаватель
Узбекский государственный университет мировых языков (г. Ташкент, Узбекистан)

Когда студенты изучают иностранный язык, они очень часто накапливают много знаний (грамматические правила, словарный запас), но при этом они не могут реально использовать этот язык для общения, когда это необходимо. Таннер утверждает, что имеются некоторые трудности в переходе от пассивного знания к активному использованию [1. с. 57–59.]. Без опыта в использовании языка, учащиеся могут нервничать при разговоре. Чаще всего они опасаются, что могут показаться глупыми перед другими, беспокоятся о том, что могут совершить ошибку, пытаются избежать комментариев и поправок учителя и так далее. Некоторым студентам нужно довольно много времени для того, чтобы выразить свои мысли, что приводит к длительным неловким паузам.

Один из лучших способов помочь учащимся активизировать свои знания, это поместить их в «безопасные» ситуации в классе, вдохновлять их и поощрять старания говорить на иностранном языке. Учителя должны попытаться создать такие виды деятельности, в которых учащиеся чувствуют себя менее обеспокоенными, не ощущают давления.

Тем не менее, учитель не единственный человек, от которого зависит успех студентов. Есть также мотивационные факторы, передающиеся от студента к студенту, влияющие на прогресс разговорного языка. Хармон утверждает, что есть факторы внешней и внутренней мо-

тивации. Он утверждает, что отношение студентов к разговору на изучаемом языке могут влиять различные факторы извне. Например, люди в ближайшем окружении, предыдущий опыт общения на иностранном языке или возможности трудоустройства, предлагаемые после освоения иностранного языка [2. с. 386.]. Все это представляет собой факторы внешней мотивации. Хотя внешняя мотивация является в настоящее время движущей силой для большинства студентов, без внутренней мотивации цель, направленная на улучшение умения говорить не может быть достигнута. Успех основывается также на готовности студентов учиться говорить на иностранном языке, методов преподавателя, используемых в преподавании и, прежде всего, его личности. Учитывая это, учителя должны понимать, насколько важную роль они играют, и поощрять студентов учиться говорить на иностранном языке.

Личные характеристики студентов также играют важную роль в определении того, как быстро они научатся языку, и как правильно они будут говорить. Некоторые студенты не боятся делать ошибки, они более разговорчивы, но, как правило, делают много ошибок. У более стеснительных студентов может уйти больше времени на то, чтобы уверенно заговорить, но когда они, наконец, научатся управлять языком, их английский содержит меньше ошибок. Цель обоих типов студентов — правильно и свободно использовать язык.

Для достижения этой цели учителя должны попробовать не нарушать тишину в классе столько, сколько они могут, и заставить студентов говорить, независимо от того, сколько ошибок они делают или как долго у них занимает составление предложения. Для того чтобы студенты не так стеснялись, выступая перед всем классом, им может быть предоставлена возможность работать в группах или в парах.

Существуют различные мотивационные факторы, в зависимости от возраста и уровня студентов. Мотивация детей и подростков не имеет никакого значения для целей данной статьи, потому что, как уже говорилось выше, я имела дело с взрослыми, изучающими английский язык, и факторы их мотивации существенно отличаются от других. Внимание в данной статье сконцентрировано на студентах, которые составляют большинство в моих классах. Их английский на данном этапе не слишком хорош, но ими движет цель достижения более продвинутого уровня языка. Они уже много знают и способны вести разговор о делах, но иногда могут возникнуть некоторые проблемы. Одна из них сопряжена с ощущением, что студентам мешает новый уровень сложности языка, и они не могут справиться с ним. Учителя, обнаружив это, должны сосредоточиться на наращивании знаний студентов, но в то же время заверить их, что они могут говорить на языке достаточно хорошо, чтобы понимать и быть понятыми.

Ур описывает некоторые стратегии для повышения мотивации учащихся говорить на уроке. Главная из них заключается в тщательном выборе темы, чтобы сделать его максимально интересным для студентов. Если выбор учителя неудачен, не должно быть никакой паники или смущения. Возможное решение этой проблемы может заключаться в голосовании студентов за ту тему, в которой они были бы заинтересованы [3, с. 274–281.].

Для успешного и эффективного практического занятия могут быть предложены разнообразные задачи. Также для повышения мотивации учащихся можно использовать визуальные материалы. При этом изображения, скопированные из различных видов учебников и пособий, не поощряют взрослых учащихся говорить больше. Исходя из моего опыта преподавания, взрослые учащиеся предпочитают реалистичные ситуации, имея дело с реальным миром и текущими новостями, касающимися современного мира и общества.

Чтобы соответствовать ожиданиям студентов, преподаватели должны быть обеспечены достаточным количеством аутентичных материалов, таких как газеты и журналы. Задачи по практике разговорного языка могут быть основаны на описании фотографий, угадать место в мире, где произошло действие. Связь между изображением и реальностью делает его еще более привлекательным для студентов, которые выражают свою точку зрения относительно конкретных событий, при этом достигается цель учителя — студенты говорят и общаются друг с другом.

Точность и плавность — термины, характерные для успешного и плодотворного разговора. Точность — умение правильно говорить без серьезных ошибок, при этом корректирование речи учителем представляется целесообразным. Напротив, свободное владение — умение уверенно говорить без неуместных пауз или колебаний, однако при этом нередко серьезные ошибки. В этом случае мгновенное исправление может быть неуместным, и может помешать целям речевой деятельности.

Учителя должны знать, что является их главной целью — точность или беглость речи, и адаптировать соответственно этому свою роль в классе. Если главная цель состоит в том, чтобы заставить студентов говорить, то один из способов достижения этой цели — уменьшение степени активности учителя в работе. Предполагается, что чем меньше учитель говорит, тем больше времени и пространства остается студентам. Если основной целью является точность, учитель должен сосредоточиться на ошибках студентов и тратить время на их исправление.

В настоящее время есть рекламируемая тенденция, направленная на то, чтобы привести студентов к навыкам беглого разговора в повседневных ситуациях. Принимая это во внимание, этот подход наилучшим образом соответствует потребностям современного общества, основанного на быстром обмене информацией. Тем не менее, было бы неразумно квалифицировать точность как менее важный элемент в общении.

При отработке беглости речи, учитель, как ожидается, контролирует класс, и поощряет студентов к разговору с минимальным уровнем своего вмешательства. Это т.н. техника «строительных лесов». Руды говорит, что «это способ, когда компетентный оратор помогает менее компетентному путем поощрения и обеспечения возможных элементов разговора» [4, п. 293.]. На практике это означает поощрять более слабого, кивая, устанавливая зрительный контакт, повторяя последнее слово, чтобы поощрять оратора продолжать, задавая вопросы и т. д. Цель этого поощрения — заставить студента говорить так много, сколько он в состоянии.

Исправлять ошибки следует после завершения занятия по отработке беглости речи.

При этом могут использоваться следующие методы:

- a. написание предложений, используемых в ходе занятия, на доске и обсуждения их со всем классом;
- b. написание на доске ошибочно построенных фраз, использованных в процессе занятия, и поощрение исправления ошибок студентами;
- c. составить и записать текст, который включает в себя некоторые ошибки, подслушанные учителем в ходе занятия, после чего студенты пытаются найти и исправить их;
- d. Выписывать два списка — А и В, каждый из которых содержит десять фраз, прозвучавших в ходе занятия. Некоторые из них являются правильными, неко-

торые же неверны. Студенты работают двумя группами, их задача состоит в том, чтобы решить, какие фразы построены верно, а какие нет, и почему.

В ходе занятий, направленных на отработку точности языка, учитель должен исправлять ошибки студентов, когда это возможно. Во время отработки точности, сту-

денты начинают осознавать свои собственные ошибки в разговоре сразу, потому что учитель не ждет завершения задания. Такой подход с особым упором на грамматику позволяет студентам осознать и исправить свои ошибки, а также не допустить их повторения.

Литература:

8. Тэннен Д. Довод культура: Переход от дискуссий к диалогу. — Нью-Йорк, Random House. 1998. — С. 57–59.
9. Хармера Джереми. Практика преподавания английского языка. — Longman. 2000. — с. 386.
10. Ур П. Курс обучения языку: Теория и практика, — Кембридж, Cambridge University Press. 1996. — С. 274–281.
11. Дебаты Орос Эндрю Л. Давайте: Активное обучение призывает Студент Участие и критического мышления. — Журнал политологии образования, 3: 3. 2007. — с. 293.

Чем вызвана противоположность значений внутри слова?

Романчук Юлия Владимировна, аспирант
Минский государственный лингвистический университет

Отношения тождества и противоречия можно назвать основополагающими в лингвистической науке, ведь, как было отмечено еще Ф. де Соссюром, «весь лингвистический материал зиждется исключительно на тождествах и различиях» [5, с. 141]. Как следствие, в языке возникают противоположные понятия (значения) и вступает в силу закон семантической поляризации.

Значение такого или иного слова в языке может измениться к прямой своей противоположности. Как указывает В. Шерцль, «уже в древнейшие периоды языка неопределенные по своему объективному характеру воззрения и понятия, заключавшие в себе обоюдность и соотносительность, были фиксированы в одном и том же корне, совмещавшем в себе вследствие этого два абсолютно противоположных друг другу значения, хотя они и исходили от одного общего представления» [6, с. 3]. Стоит отметить, что именно профессор В. Шерцль дал название подобному явлению в языке и в конце 19 века ввел в научный оборот термин «энантиосемия», под которым подразумевается «явление, где одно и то же слово вмещает в себя два прямо противоположных друг другу значения» [6, с. 1].

По мнению В. Шерцля, категория энантиосемии объяснена своим существованием сложному комплексу взаимообусловленных и взаимодополняющих образовательных факторов. Но в качестве основной причины энантиосемии он выделяет многозначность древних корней слов: «Чаще всего энантиосемия объясняется тем, что корни и происходящие от них слова в древние эпохи имели общие, весьма обширные и крайне неопределенные значения, из которых впоследствии, при постепенном возникновении многочисленных оттенков и посредством разветвления их на самостоятельные категории, образовались значения, которые при более точном определении их

в языке, нередко, несмотря на принадлежность их к известной, общей им сфере, путем дифференцирования выражали противоположные друг другу понятия» (напр.: *идти / двигаться* *приходить, уходить; нести принести, отнести*) [6, с. 3].

Помимо многозначности корней В. Шерцль выделил следующие причины появления и функционирования энантиосемичных значений в языке:

1. Первоначальная неопределенность корней.

«Слова, образованные в древнейшие эпохи, заключали в себе зародыши многочисленных противоположностей, которые тем больше и тем чаще стали всплывать наружу, чем больше синтетический строй мысли заменялся аналитическим, и чем больше ощущалась потребность в образовании новых слов, соответствующих расширяющимся логическим категориям» [6, с. 7].

Развитие противоположностей из общих сфер понятий, по мнению ученого, следует считать логическим, а не случайным.

2. Наличие в языке разрядов слов, в которых антитезис основан на конкретных причинах:

2.1. «Многие понятия, заключающие в себе какую-то общую идею, путем весьма естественного дифференцирования распадаются на два более конкретных и противоположных друг другу значения, смотря по тому, рассматривают ли их с хорошей или с плохой стороны, в благоприятном или дурном смысле» [6, с. 24].

2.2. В языке часто не различаются категории переходности и непереходности, активный и пассивный залогов.

2.3. «Два понятия, несмотря на составляемые ими противоположности, взаимно дополняют одно другое, означают явления непосредственно следующие одно за другим или как бы неразлучно связанные друг с другом

и вследствие этого часто выражаются через одно и то же слово» [6, с. 29]. Так, В. Шерцль отмечает, что в некоторых языках такие понятия, как солнце и луна, молния и гром, например, выражаются через одно понятие.

2.4. Отсутствие рода в некоторых языках, в которых, к примеру, понятия муж и жена, петух и курица также выражаются через одно слово.

2.5. «Два понятия, состоящие в отношениях причины и следствия и обозначающие следующие одно за другим действия или их результаты, выражаются в ряде языков через одно и то же слово как, например, цвет и плод, рожать и забеременеть» [6, с. 32].

Согласно Н.К. Салиховой, основной причиной появления энантиосемии в языке являются изменения, происходящие в функционирующем слове под влиянием его вербального окружения и закрепляющиеся в языке в результате многократного употребления в процессе его исторического развития. По мнению автора, «многовековое употребление слова в определенных контекстах закрепляет контрадикторность в его смысловом диапазоне, что и находит свое отражение в лексико-графических источниках» [4, с. 91].

Важно отметить тот факт, что слово может приобрести противоположное значение как по смыслу, принадлежащему ему в постоянном, прямом, точном употреблении, так и при его нарочитом употреблении с противоположной оценкой или эмоциональной окраской.

В стилистическом аспекте это встречается в широко распространенных явлениях иронии, то есть насмешливого употребления слов или выражений положительного значения в противоположном понимании (*напр.: Хорош, голубчик!*).

Еще один вид намеренного переключения значения в его противоположность представляют случаи употребления отрицательных наименований как ласкательных (*напр.: Ах ты, разбойник!*) [1].

А.А. Булаховский настаивает на том, что для выявления причин возникновения противоположных значений в слове необходимо принимать во внимание природу чувств, способных по-разному окрашивать те же самые или близкие представления в зависимости от установки, которую получает слово в своем употреблении. Так, «ласковость, симпатия могут находить свое выражение в шутовском применении и бранных слов, употребленных в соответствующем контексте и с соответствующей интонацией. Ироническое употребление слова может прочно отложиться, а сдвиг значения до его противоположности может быть вызван эмоциональностью выражения» [1, с. 69].

Также исследователь говорит о том, что противоположные значения могут стать конечным результатом развития какого-либо третьего, промежуточного значения, недостаточно определенного самого по себе и допускающего в тех или иных контекстах разные смысловые оттенки, которые позже превратились в стойкие понятия (*напр., смысл глагола «занимать» обнаруживается*

только в синтаксической конструкции кому или у кого) [1].

В своих исследованиях В.Н. Прохорова к факторам, обуславливающим противоположность значений внутри одного слова, относит следующие:

1. Изменение выраженной эмоциональной окраски слова. Эмоциональная окраска слова (как правило, отрицательная) антонимична значению, вытекающему из внутренней формы слова (*напр.: славить, честить, бесценный, небывалый*).

2. Многозначность словообразующих морфем, в первую очередь префиксов. Среди многих значений префиксов могут рассматриваться как противоположные значения пространственных, временных и количественных отношений.

3. Смешение отношений между субъектом и объектом (*напр.: занять, одолжить*) [3].

В.Н. Прохорова отмечает, что разговорный стиль литературного языка, просторечие, некоторые области специальной лексики, жаргоны и говоры представляют собой крайне благоприятную среду для развития энантиосемичных значений там, где для этого есть хотя бы малейшие предпосылки. Устная речь с ее относительной по сравнению с письменными формами литературного языка свободой в отношении норм позволяет развиваться противоположным значениям, в то время как в других формах литературного языка нормы словоупотребления препятствуют возникновению подобных значений [3, с. 158].

Сходной точки зрения придерживаются Л. Минаева и С. Смоленская, выражая мнение, что в устной речи слова довольно часто выражают нетипичные для них противоположные основному значению. Но исследователи делают акцент на просодическое оформление высказывание как одну из предпосылок возникновения противоположных значений внутри слова и акцентируют внимание на том, что «избирая особое просодическое оформление, говорящий добивается того, что слово, выражавшее на сегментном уровне, например, положительную оценку, на сверхсегментном уровне приобретает отрицательную коннотацию. Без полного изменения просодии энантиосемическое употребление слова в речи невозможно. В случае употребления одного и того же слова в противоположных значениях находят свою реализацию разные просодические варианты этого слова» [2, с. 67–68]. Однако, на наш взгляд, справедливо отметить, что данная трактовка появления противоположных значений внутри одного слова актуальна лишь для звучащей речи, когда речь идет об изменении стилистической окраски слова.

Итак, как следует из вышеизложенного, сдвиг значения внутри слова в сторону абсолютной противоположности — это вполне закономерное для языка явление. Элементы противоположности заложены в особенностях применения слова. К причинам, обуславливающим противоположность значений можно отнести: особенности постоянного употребления слова, развитие промежуточного

значения внутри слова, многозначность корней и словообразовательных морфем, влияние вербального окружения, стилистический аспект оформления высказывания

и изменение эмоциональной окраски при употреблении слова, особенности просодического оформления высказывания.

Литература:

1. Булаховский, А. А. Энантиосемия. Развитие противоположных значений / А. А. Булаховский // Русская речь. — М.: Наука, 1988. — № 2. — с. 68–70.
2. Минаева, Л. Энантиосемия как лексико-фонетическое явление / Л. Минаева, С. Смоленская // Смежные проблемы филологии, психолингвистики и методики преподавания иностранных языков. — Иваново, 1978. — с. 66–74.
3. Прохорова, В. Н. Энантиосемия в современном русском языке (о причинах и условиях возникновения и функционирования слов с противоположными значениями) / В. Н. Прохорова // Вопросы русского языкознания. — М.: Изд-во Московского ун-та, 1976. — Вып. 1. — с. 157–165.
4. Салихова, Н. К. Энантиосемия в языке и речи / Н. К. Салихова // Исследование языковых единиц в функциональном аспекте. — Ташкент: ТашГУ, 1989. — с. 85–91.
5. Соссюр, Ф. Курс общей лингвистики / Ф. Соссюр. — М., 1977. — с. 141.
6. Шерцль, В. О словах съ противоположными значениями (или о такъ называемой энантиосемии) / В. Шерцль // Филологические записки. — Воронеж: Типо-литография Губернского правления, 1883. — Вып. 5/6. — с. 1–39.

Семантические различия синонимичных английских прилагательных и методы исследования их семантической структуры

Стетюха Наталья Владимировна, кандидат филологических наук, доцент
Южный институт менеджмента (г. Краснодар)

В статье раскрываются особенности семантического строения слов-синонимов, выявляемые методом анализа дефиниций; особенности метода лексических трансформаций, заключающегося в интерпретации смыслового содержания одной лексической единицы через другую.

Ключевые слова: синоним, синонимический ряд, семный состав, метод лексических трансформаций, метод анализа дефиниций

Исследования в области лексической синонимии остаются актуальной проблемой и в современной лингвистике. Но вектор исследований сдвинулся в наиболее актуальную на сегодняшний день отрасль текстов профессиональной коммуникации [3, 6]. Лингвисты, определяя понятие «синоним», используют различные категории. Одна точка зрения заключается в том, что в основе критерия синонимичности слов лежит обозначение ими одного и того же понятия. Во второй — основой выделения синонимов является их взаимозаменяемость. Третья точка зрения сводится к тому, что основным условием синонимичности является близость лексических значений, при этом в качестве критерия выдвигается: 1) близость или тождественность лексических значений; 2) только тождественность лексических значений; 3) близость, но не тождественность лексических значений.

Мы полагаем, что важнейшим условием синонимичности слов является их семантическая близость, а в особых условиях — тождество. В зависимости от степени

семантической близости синонимичность слов может проявляться в большей или меньшей мере. Например, синонимичность слов *to hurry* — *to hasten* выражена яснее, чем *to laugh* — *to chuckle* — *to giggle* — *to titter* — *to sprinkle*.

В установлении синонимических отношений важна синхронность рассматриваемых лексических единиц. Слова *traveler* и *tourist* не образуют, например, синонимического ряда, так как относятся к разным историческим эпохам. Чтобы глубже исследовать семантику синонимов, их следует рассматривать в контексте. Синонимы, которые кажутся вне контекста очень близкими семантически, в употреблении иногда значительно расходятся своей лексической сочетаемостью.

В соответствии с действующим в системе языка законом равновесия и законом экономии в рамках синонимии наблюдается диалектическое противоречие: с одной стороны, возникновение синонимичных лексических единиц с близким (но не тождественным) значе-

нием, с другой — постоянное стремление их к семантической дифференциации. Признание синонимами слов близких, но не одинаковых по значению выдвигает проблему смысловых различий между ними: «...Сначала мы объединяем слова в синонимические ряды, чтобы подчеркнуть их сходство, чтобы «вынести за скобки» то общее, что в них есть. Потом синонимические ряды удерживаются в памяти лишь для того, чтобы подчеркнуть в этих словах различия» [7, с. 10].

Семантические различия синонимичных единиц представляют собой нечетко дифференцируемые различия. «Обнаружение различительных оттенков синонимов является делом весьма трудным» [5, с. 29].

Поскольку слова, вступающие в синонимические отношения, как правило, являются полисемантическими, возникает вопрос, включать ли в синонимическое противопоставление весь объем значений синонимичных слов или лишь часть значений, в которых сопоставляемые слова синонимичны. Различие в толковании смысловых оттенков синонимов, объединенных общностью логической, понятийной основы, связано, по мнению некоторых лингвистов, прежде всего с различием в представлении об объеме значений, который должен учитываться при сравнении синонимичных слов. «Синонимы отличаются друг от друга не оттенками значения или какими-нибудь другими признаками качественного характера, а различной широтой семантического объема, точнее наличием в своей смысловой структуре большего или меньшего количества несовпадающих семантических вариантов» [2, с. 11].

Рассмотрим семантические различия синонимичных единиц на примере прилагательных, выделенных из синонимического ряда с общим инвариантным значением «поношенный». На основании сопоставления ряда параметров, а именно их семного состава, полных смысловых объемов и функциональных характеристик, нам удалось обнаружить в пределах единого синонимического ряда две группы слов, отличающихся наибольшей семантической близостью. Эти группы представлены следующими единицами:

1. *worn, threadbare, shabby*;
2. *frayed, tattered, ragged*.

Нам представляется нецелесообразным проводить сопоставительный анализ смысловых структур разных слов; смысловая структура каждого слова имеет свое самостоятельное существование и обнаруживается вне сопоставления ее с семантической структурой других лексем.

При выяснении специфики синонимических отношений принципиальное значение имеют именно отношения сходных лексико-семантических вариантов; включение в синонимическое сопоставление не слова во всей совокупности его значений, а отдельных синонимичных значений слов является общепризнанным. Поэтому мы сознательно отвлекаемся от вопросов полисемии и трактуем каждый синоним только в том значении, в котором он входит в определенный синонимический ряд.

Здесь возможны два пути: выявление семантических особенностей можно начинать с парадигматического уровня; синонимические отношения слов являются одним из основных типов парадигматической противопоставленности лексических единиц. Анализ же функциональных свойств проводится с целью подтверждения различий в семантике сопоставляемых слов. Другой путь предполагает анализ синтагматических характеристик языковых единиц, т. е. условий их функционирования в речи. В исследованиях по синонимии фразовому употреблению слов, контексту придается большое значение, так как в своеобразии сочетаемости, границ сочетаемости проявляются особенности значений синонимичных слов. Почти все слова, синонимичные в том или ином значении, имеют те или иные несовпадения в употреблении.

Для решения поставленной нами задачи наиболее оптимальным является синтез двух уровней — парадигматического и синтагматического. Начнем наш анализ с первого.

С точки зрения системных отношений в языке, синонимический ряд можно рассматривать как лексико-семантическую парадигму, где каждый последующий элемент дополняет и уточняет как предыдущие, так и общий смысловой инвариант ряда; роль элементов парадигмы выполняют слова: *worn, frayed, threadbare, shabby, torn, tattered, ragged*. Кроме общих сем, объединяющих их в единую парадигму, единиц лексико-семантической парадигмы обладают дополнительными семами, составляющими «семантический остаток», или смысловую специфику каждого компонента парадигмы.

Особенности семантического строения слов-синонимов, т. е. их семный состав, были выявлены методом анализа дефиниций, данные которого могут быть использованы для установления семантических особенностей синонимичных единиц. На данных словарей основан метод лексических трансформаций. Он заключается в интерпретации смыслового содержания одной лексической единицы через другую. Суть метода заключается в том, чтобы во всех трансформах наличествовал общий компонент, который варьируется добавлением слова или группы слов, указывающих на особенность смыслового содержания трансформируемого слова [1, с. 158–159]:

worn — a worn object is old and damaged, especially because it has been used a lot:

ex. There was a worn Persian rug on the parquet floor [8].

tattered — old and torn:

ex. A man in tattered blue dungarees was busy in the garage [8].

ragged — torn and in bad condition:

ex. A man in ragged clothes was begging on the corner [8].

shabby — clothes, places, or objects are untidy and in bad condition because they have been used for a long time:

ex. She wore shabby black clothes, with holes in the elbows of her jacket [8].

frayed — worn, well worn, threadbare, tattered, ragged, holey, moth-eaten, in holes, the worse for wear:

ex. a frayed shirt collar [8].

threadbare — clothes, carpets etc. that are threadbare are very thin and in bad condition because they have been used a lot:

ex. There was a clean but threadbare rug on the floor beside the bed [8].

Как выяснилось в результате проведенного дефиниционного анализа, семантической составляющей единого синонимического ряда с общим значением «поношенный», является *worn*:

Общий признак лексического значения прилагательного *worn* является обязательной частью признаков, входящих в значение остальных слов-синонимов.

В первой группе в качестве общего элемента трансформ выступает *worn*. Во второй группе синонимов, включающей в себя: *torn, tattered, ragged* в качестве «общей семантической составляющей», кроме *worn* может выступать *torn*, так как в лексических трансформациях *tattered* — *worn or torn in small pieces*; *ragged* — *worn or torn into rags worn* и *torn* соединены союзом *or*. Лексический союз «или» бывает как строго разделительным, так и соединительно-разделительным [4, с. 128]. В нашем случае данный союз является соединительно-разделительным, а это значит, что *worn* и *torn* обладают равным статусом в выражении смыслового содержания трансформируемых лексико-семантических вариантов слов второй группы.

Семантическая составляющая *worn* объединяет слова двух групп в единое внутреннее скрепленное целое; именно благодаря этому общему компоненту каждый синоним соотносится с однородными единицами данной ми-

кросистемы, дифференцируясь в том или ином отношении. Другая семантическая составляющая (*torn*), которая участвует в трансформациях слов только второй группы, помогает выявить признак, характерный именно для этой группы. Семы «изорванность» отражает смысловую специфику синонимов второй группы.

Нужно отметить, что данные проведенного контекстуального и дефиниционного анализа совпадают не полностью: например, прилагательное *frayed* обнаружило тенденцию к парному употреблению с прилагательными второй группы, а по своему семному составу, как показал анализ словарных дефиниций, оно проявило большую близость со словами первой группы. Нам представляется, что данная единица выполняет роль связующего, промежуточного звена внутри единого целого.

Тот факт, что прилагательное *frayed* имеет тенденцию к парному употреблению с прилагательными второй группы, общим дифференциальным признаком которой является «изорванность», позволяет предполагать, что по степени выражаемого качества *threadbare* уступает прилагательному *frayed*; *threadbare* выражает потертость до такой степени, что стирается ворс ткани, обнажая ее нити; *frayed* передает такую степень потертости, когда нарушается структура ткани (ткань рвется).

Таким образом, основу семантических различий двух рассмотренных групп английских прилагательных, входящих в единый синонимический ряд с общим инвариантным значением «поношенный», составляет степень выражаемого качества. По степени нарастания признака, проанализированные прилагательные располагаются в следующей последовательности: *worn, threadbare, shabby, frayed, torn, tattered, ragged*.

Литература:

1. Арнольд, И. В. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования. — Л.: Просвещение, 1966. — 192 с.
2. Бережан, С. Г. Опыт теории семантической эквивалентности словарных единиц, явление омосемии в молдавском языке. Автореферат дис. на соискание ученой степени доктора филологических наук. АН СССР. Ин-т языкознания — М., 1972. — 39 с.
3. Горбунова, В. С., Жидкова Ю. С. Английская синонимия // Молодой ученый. — 2015. — № 12. — с. 906–908.
4. Горский, Д. А. Логика. — М.: Учпедгиз, 1963. — 292 с.
5. Гречко, В. А. О лексической синонимии в русском языке // Филол. науки. — 1963. — № 2. — с. 29–37.
6. Москалева, А. С., Круглякова О. В. Исследование лексической синонимии методом корпусного анализа в английском языке для таможенного дела // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. — 2014. — № 5. — с. 77–86.
7. Фаворин, В. К. Синонимы в русском языке: научно-популярный очерк — Свердловск: Свердловское книжное издательство, 1953. — 71 с.
8. Longman Dictionary of Contemporary English [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ldoceonline.com> (дата обращения 26.11.2016).

Культурная компетентность

Тохиржанова Шохиста Кобиловна, старший преподаватель
Узбекский государственный университет мировых языков (г. Ташкент, Узбекистан)

Культурная компетентность является результатом процесса развития, который требует долгосрочных обязательств. Это не конкретный конечный продукт, которого можно достичь по результатам работы двухчасового мастер-класса, он требует активного процесса обучения и практики в течение долгого времени. Легче говорить о том, чтобы стать культурно компетентной, чем выполнить это. Лица, работающие с различными этническими и культурными группами, могут стать более культурно компетентными путем продвижения через три основных этапа: развитие осведомленности, приобретение знаний, а также развитие и поддержание межкультурных навыков.

Развитие осведомленности. Развитие культурной осведомленности включает в себя признание ценности разнообразия населения. Это также означает честную оценку своих предубеждений и стереотипов. При этом должно быть признано не только разнообразие между культурами, но и разнообразие внутри них. Лица подвергаются воздействию многих различных культур. Школа, телевидение, книги и другие мероприятия предоставляют возможности для поликультурного воздействия. Предположим, что общая культура распределяется между членами различных расовых, языковых и религиозных групп. Таким образом, различные группы могут использовать общий исторический и географический опыт. Тем не менее, люди не могут делиться ничем, кроме подобной внешности, языка или духовных убеждений. Гонка является социальной конструкцией, что люди используют, чтобы связать поведение и отношения с физическими характеристиками. Процессы ассимиляции и аккультурации могут создать калейдоскоп субкультур внутри расовых групп. Другие факторы, такие как пол, географические особенности, социально-экономический статус, могут быть более мощными, чем расовый фактор. Вьетнамская пара может иммигрировать в Америку, и растить своих детей в пригородной зоне [1. с. 310]. В результате, дети могут идентифицировать себя больше с американской популярной культуры, чем с культурой их родителей. Признание внутрикультурных различий поможет осветить сложности разнообразия, которые бросают нам вызов.

- Допущение наличия личных пристрастий, стереотипов и предрассудков;
- Осознание культурных норм, установок и убеждений;
- Умение ценить культурное разнообразие.

Процесс научного познания позволяет нам иметь четкое представление о том, что мы понимаем в контексте того, что мы не понимаем. Этноцентризм и предубеждения удерживают нас от понимания других людей, их жизненного опыта. Однако можно признать этот фактор и контролировать его, после чего мы можем перейти к

более полному пониманию иной культуры. Это требует от нас развития навыков обучения, что вполне осуществимо. Многие из нас знают людей, которые переехали в другое общество и смогли стать функциональным в новых социальных условиях, что является доказательством того, что можно разработать более обоснованные договоренности. Антропологи работали над этим на систематической основе, развивая эти навыки на протяжении более ста лет.

Первым шагом в сторону большего уровня понимания иной культуры является необходимость признания того, что мы не понимаем некоторых особенностей иной культуры, ошибочно трактуя некоторые вещи, вырванные из контекста. Как мы можем сознательно понимать то, что происходит на подсознательном уровне? В этом случае, как мы можем знать, если мы необъективны? [2. с. 264]

Одним из наиболее эффективных средств для осознания того, что этноцентризм сдерживает наше понимание - это умение следить за реакциями. Реакции говорят нам, что мы предполагаем что-то и что наши предположения не работают.

Мы всегда можем наблюдать наши собственные реакции. Когда мы ощущаем отрицательную реакцию по отношению к другим (например, «это не имеет смысла» или «это неправильно», чувство обиды или спутанность сознания и т. д.), это должно подсказать нам, что наши предположения в данной ситуации не работают. Например, мы можем думать, что индейцы племени кри «недружелюбны», потому что они часто не слишком эмоциональны в ситуациях общения. Но анализ нашей реакции может дать нам возможность лучше понять ценности кри, их способность к самоконтролю, которая позволяет им лучше адаптироваться в ситуациях, когда небольшая семейная группа должна быть самодостаточной в условиях зимнего лагеря далеко от помощи других. Наблюдая наши положительные реакции по отношению к другим (например, «думаю, что действительно хорошо» или «это замечательно», чувство удовлетворения) также может помочь нам быть в курсе того, что мы не понимаем. Например, Anglos часто думают, что инуиты являются «счастливыми» и «дружественными», так как они много улыбаются. Но признавая эту реакцию, мы можем дать себе возможность лучше понять социальные ценности инуитов, жизнь которых основана на совместной охоте. Мы также можем наблюдать за их реакцией. Если мы продолжим блаженно идти дальше по пути наших неправильных представлений, но они при этом не реагируют так, как мы реагировали бы в аналогичной ситуации, это также является важным признаком того, что наши предположения не работают. Опять же, их реакции могут быть как положительными, так и отрицательными. Например, если индеец кри показывает

удовлетворение, когда мы даем ему подарок, распознавание его реакции может дать нам возможность лучше понять адаптивные ценности кри, направленные на экономическое выравнивание (вместо того, чтобы предполагать, что наша «щедрость» была должным образом признана). Еще одним примером может быть удивленный ответ инуита на вопрос о том, как сохранить наши плечи в тепле, в то время как он тратит недели на зимнюю охоту: «Вы имеете в виду, что хотите держать в тепле все тело?». Поняв его реакцию, вы можете лучше понять инуитский концепт личности и окружающей среды. В целом, реакции говорят нам, в первую очередь, о нас самих. Почему мы считаем, что люди должны быть «дружественными», почему они должны ценить материальные блага, ощущать такую же как у нас потребность в тепле? Когда мы говорим о других, что они «примитивны» или «суеверны», что мы говорим о нас самих и наших ценностях? Когда мы идеализируем других, говоря, что они «просты» или «ничего не теряют», что мы говорим о проблемах, которые мы ощущаем в нашей собственной жизни? Когда другие считают нас «технологически опытными» или «эгоистичными», не говорит ли это о чем-то, что мы сами в себе никогда не понимали? Кросс-культурные взаимодействия говорят больше о наших собственных перспективах, ценностях и эмоциональных инвестициях, чем о других, и таким образом дают нам уникальную возможность узнать больше о самих себе.

— После того, как мы понимаем тот факт, что мы не понимаем, сейчас мы находимся в лучшем положении, чтобы искать пути к лучшему пониманию иных культур.

— Приобретение знаний. Человек никогда не сможет узнать все о другой культуре. Тем не менее, получение знаний о других группах является основой культурной компетентности. В дополнение к пониманию других культур, важно понять, каким образом различные культурные группы рассматривают свою собственную культуру. Знание другой культуры включает в себя оценку фактов не только о соответствующих нормах, ценностях, мировоззрениях и практике повседневной жизни, но и о том, как обеспечивается функционирование культуры. Знания о культуре и культурной динамике должны быть интегрированы в программу школ и агентств. Сотрудники должны быть обучены и должны эффективно использовать полученные знания. Администрация должна разработать политику, которая должным образом реагировала бы на культурное разнообразие. Материалы программ должны отражать позитивный образ всех людей,

и должны быть актуальны для использования в каждой группе. Полностью интегрированные культурные знания могут глобально изменить жизнь людей. Например, образовательные учреждения и органы по аккредитации могли бы развивать культурные стандарты компетенции в целях обеспечения подготовки учителя и администратора. Затем эти же специалисты могли бы сотрудничать с семьями для выработки школьной политики, закрепляющей культурные ценности. В культурном отношении компетентные преподаватели могли бы использовать эту политику, чтобы избежать более дорогостоящих мер. Если вмешательство становится необходимым, семьи и сообщества по вопросам культуры могут быть использованы при определении эффективного решения проблемы [3. с. 356]. Институционализированные культурные знания могут повысить способность организации обслуживать различные группы населения.

- Знание того, как ваша культура рассматривается представителями других культур;
- Чтение книг о других культурах;
- Просмотр фильмов и документальных фильмов о других культурах;
- Посещение культурных мероприятий и фестивалей;
- Изучение других культур;
- Обмен знаниями и опытом с другими пользователями;
- Посещение других стран;
- Развитие и поддержание межкультурных навыков;
- Дружба с людьми разных культур;
- Изучение другого языка;
- Изучение вербальных и невербальных сигналов других культур;
- Чувствовать себя более комфортно в ситуациях межкультурного взаимодействия;
- Стать более гибким;
- Текущая оценка личных чувств и реакций
- Преодоление страхов, личных пристрастий, стереотипов и предрассудков.

Все это необходимо для того, чтобы приобрести навыки межкультурной компетентности.

Мы сделали опрос, пытаясь выяснить, насколько кросс-культурные коммуникационные классы полезны. Студенты должны были оценить себя: «Как этноцентричны они были перед занятиями, и как этноцентричны они после». По результатам можно сказать, что на самом деле такие классы могут очень хорошо помочь на пути развития межкультурной компетентности.

Литература:

1. Duranti A. 1997. Linguistic anthropology. Cambridge: University Press. p. 310.
2. С. С. Кунанбаева. Современное иноязычное образование: методология и теория. Алматы 2005. — 264 с.
3. Green J. R. 1968. A Gesture Inventory for the Teaching of Spanish. Philadelphia: Chilton. p. 356.

МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ЖУРНАЛИСТИКА, СМИ

Языковая культура современных средств массовой информации

Майорова Алла Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент
Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана

Воздействие языка на человека, его способ мышления и его поведение напрямую связано со средствами массовой информации.

Ключевые слова: языковая культура, норма, тиражирование ошибок

Linguistic culture of modern mass media

The impact of language to the individual, his way of thinking and his behavior directly related to mass media

Keywords: linguistic culture, standard, copying of errors

В современном обществе большая роль в определении языковой, социально-психологической и культурной жизни отведена СМИ. Прочно войдя в нашу жизнь, СМИ оказывают влияние и на мышление, и на мировосприятие людей, и на современную культуру. Именно язык СМИ относят к одной из основных форм языкового существования, так как, обладая самыми современными средствами распространения, он играет роль своеобразной модели национального языка, активно воздействуя на литературную норму.

Одним из показателей культуры как отдельного человека, так и всего общества в целом является культура речи. Чем бережнее будет отношение к культурному наследию, в том числе и к русскому языку, тем дольше сохранится и национальная культура.

Воздействие языка на человека, его способ мышления и его поведение напрямую связано со средствами массовой коммуникации. Заполняя его досуг и информируя о состоянии мира, СМИ оказывают влияние на его мировосприятие и на современную культуру. Поэтому в современной России особенно остро встаёт вопрос о формировании высокой информационно-языковой культуры в обществе, о сохранении языковых традиций и культуры речи. Именно культура речи в средствах массовой информации является одной из главных характеристик, позволяющих определить профессиональный уровень телерадиопередач, их публицистическую и художественную полноценность. И в первую очередь её определяет характеристика культуры речи ведущих. В советские времена речь диктора радио или телевидения была непререкаемым образцом нормы. Речевые ошибки практически не встречались. К сожалению, сегодня этого сказать нельзя, хотя, надо отдать

должное, на некоторых отдельных телерадиоканалах предпринимают меры, позволяющие хоть как-то предупредить речевые ошибки дикторов.

Язык СМИ играет важную роль в повышении грамотности населения. Отмена цензуры привела к появлению в прямом эфире спонтанной устной речи, к участию в общении лиц, имеющих различное образование и уровень культуры. В итоге снижение культурно-речевого уровня в СМИ естественным образом отражается на состоянии русского языка в современном обществе.

Одной из особенностей языка СМИ последнего десятилетия является обилие неоправданных заимствований из иностранных языков и в первую очередь из английского и даже в большей степени из американского английского. Неоправданные английские заимствования употребляются сейчас везде: в политике, прессе, рекламе, на радио и телевидении, в речи предпринимателей, молодёжи. Происходит постепенное засорение русского языка.

Русские междометия употребляются всё реже. Пресловутое «вау» давно заменило их. В профессиональной сфере уже почти не осталось операторов, приёмщиц, агентов, администраторов, кадровиков. Все — менеджеры, дистрибьюторы, маркетологи, дилеры, хедхантеры. Даже маникюрши теперь стали называться мастерами ногтевого сервиса. Нередко подобные заимствования просто заменяют давно обрусевшие слова: сэндвич (бутерброд), хит (шлягер), лайн, трэвел (маршрутное такси, маршрутка) и др. Всё чаще телохранителя называют бодигардом, охранника — секьюрити. Игрок превратился в геймера, послание стало постингом, а избиратели — электоратом. Слово *публичности* заменило старые, понятные *популярность*, *публичность*, хотя и не всегда употребляется правильно: иногда его путают с имиджем, PR,

пропагандой или другими смежными терминами. Быть модным — значит быть в тренде.

Мы уже не замечаем, что нас окружают сплошные хаузы: таунхауз, кофехауз, обувхауз, грильхауз, а также экофлэт и даже хомкредитбанк. Слово магазин уже почти не встречается. Теперь везде маркеты и мегамолы. К этим словам мы уже привыкли. Но есть ещё много других, которые остаются непонятными большинству: хэштэг, кроусорфинг, андеррайтер, фандрайзер, краудфандинг, лайфхак, воркшоп, эмодзи и др.

На Руси всегда были благотворители, меценаты. Теперь добровольная помощь хорошим идеям называется краудфандингом, а человек, который это организует — фандрайзером. Семинары, курсы, кружки и т. п. теперь называются воркшопами, а если эти обсуждения проходят в неформальной обстановке, то митапами. Сленговое словечко чекиниться, то есть зарегистрироваться, возможно, в недалёком будущем из соцсетей перейдёт в аэропорты и дальше.

Широкое распространение заимствований можно объяснить восприятием иноязычного слова как более престижного. Так нынче модное слово элита употребляется в том значении, в каком оно употребляется в английском языке. И вот числят к элите политиков, бизнесменов, то есть людей богатых и успешных в своей карьере; политики важно толкуют о взаимоотношениях «местных элит». Но в России элитой всегда называли носителей высшей культуры и духовности, в отличие от министров и миллионеров. Потеря этого оттенка, преобразование в элиту вульгарных выскочек означает пренебрежение духовными ценностями. Можно сказать, что проникновение в речь иноязычных слов, имеющих эквиваленты в русском языке, способствует варваризации родного языка. Вспоминаются по этому поводу слова В.И. Даля: «Испещрение речи иноземными словами вошло у нас в поголовный обычай, а многие даже щеголяют этим, почитая русское слово, до времени, каким-то неизбежным худом, каким-то затоптанным половиком, рогожей, которую надо усыпать цветками иной почвы, чтобы порядочному человеку можно было пройти» [1, 23]. И это слова остаются актуальными и сегодня.

СМИ недаром называют четвёртой властью. Каждый человек ежедневно испытывает мощное воздействие телевизионной речи, речи, звучащей в радиоэфире или представленной на страницах газет и журналов. Именно они для многих носителей языка служат основным источником представлений о языковой норме, формируют языковой вкус. Желание высказаться, как можно «красивее» приводит к тому, что даже такое простое предложение, как *задайте ему вопросы*, превращается в *аккумулируйте ему вопросы*.

Загрязнение языковой среды, которая происходит непосредственно участниками СМИ, не может не оказывать пагубного воздействия на речевую культуру. У многих носителей русского языка, в том числе и получающих высшее образование, исчезло естественное чувство стыда

за грубые ошибки в устной и письменной речи. Ливнем хлынули новые ударения: премировать *вм.* премировать, догмат *вм.* догмат, знамение *вм.* знамение, вероисповедание *вм.* вероисповедание, договор *вм.* договор и др.

Иногда трудно определить идёт ли речь о торжестве просторечья или происходит какой-то сдвиг нормы. Так, например, почти никогда, в том числе и журналисты, не употребляют выражение *по приезде*. Чаще мы слышим просторечное *по приезду*.

Рушится сама основа языка — отмирают дополнения: *контроль над вооружениями* *вм.* *контроль вооружений*; *согласно приказа* *вм.* *согласно приказу*; *вопреки решения комитета* *вм.* *вопреки решению* и т. д. Засильем предлога *о* можно назвать ошибки с ним связанные: *это методы, которые показывают о том, что пришедшие к власти силы...*; *мы поняли о том, что...*; *я бы хотел, чтобы мы пояснили зрителям о том, что...* и т. п.

Постоянно путаются устойчивые сочетания типа *играть роль* и *иметь значение*: *Турция играет ключевое значение...*

Числительные не склоняются вообще или склоняются неправильно: *около двухста, трёхста* *вм.* *двухсот, трёхсот*; *с восьмидесятью* *вм.* *восьмьюдесятью*; *двухстам, трёхстам* *вм.* *двумстам, трёмстам* и т. п.

Отдельно хочется остановиться на новом значении слова *крайний*. В среде профессионалов, чья работа связана с риском для жизни (в основном лётчиков и космонавтов), это слово употребляется в значении *последний*. Не хочет лётчик сказать *в мой последний полёт*. Его можно понять. Но доходит до смешного, когда это слово вставляют повсеместно, где надо и не надо. Так критическая статья Константина Зарубина называется «Крайняя битва Пелевина с литературой». Сразу и необразишь, о чём идёт речь. Некоторые журналисты уже говорят *в моём крайнем репортаже*, а на вокзале можно услышать: *крайний поезд отходит в... часов* и т. п. Дальше осталась очередь за книгами, пьесами: *Крайняя жертва*, *Крайний из Могикан*, *Крайний дюйм*, *Крайний поклон* и др. Так и хочется сказать этим горе-реформаторам: «Крайними бывают плоть, Север, мера, срок и необходимость. Остановитесь!»

Языковая раскрепощённость, временами переходящая в разнузданность, тиражирование языковых ошибок, не встречающих должного отпора, притупляет чувство языковой ответственности. Вступая в широкое общение с аудиторией, журналисты, ведущие и дикторы, авторы программ невольно воспитывают её, заставляя усваивать предлагаемые ими произносительные нормы языка. Появившись вначале как чисто технические способы фиксации, трансляции, консервации, тиражирования информации и художественной продукции, СМИ очень скоро превратились в мощнейшее средство воздействия на массовое сознание. Правильный русский язык в средствах массовой информации определяет профессиональный уровень телевизионных и радиопередач, их публицистиче-

скую и художественную полноценность. Именно СМИ в значительной степени определяют нормы языка, и именно

они в первую очередь должны проводить сознательную работу по повышению культуры речи.

Литература:

1. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия. / Г. Н. Складневской, — М.: АСТ, Астрель, 2001.

Отражение городской жизни в ежедневнике «Metro»

Мычко Виктория Николаевна, магистрант

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

В данной работе будут рассмотрены и изучены тексты массового издания «Metro», ядро которого — новость, то есть сообщение, содержащее информацию, ранее неизвестную аудитории. Сущность любой новости образует факт — нечто, имевшее место во времени и пространстве [Кройчик, 2000]. Факт всегда остается неизменен, а вот его изложение и интерпретация имеют множество вариантов [Рэндалл, 1996]. Новости в рекламно-информа-

ционной газете Петербурга будут изучены, с целью определения критериев отбора, которыми пользуется современное городское издание. Разговоры о масштабности, общезначимости, ударности факта бессмысленны: восприятие новостей зависит от характера подачи сообщения и от уровня аудитории, поэтому важно обратить внимание на то, какими способами печатная пресса преподносит информационное сообщение, удовлетворяющее запросам читателей.

Таблица 1

Технические характеристики городской газеты «Metro»

Издание	Metro
Технические характеристики, учредители	Периодичность: 5 р. в неделю (пн., вт., ср., чт., пт.) Формат: А3 Объем (полосы): 12–24 Бумага: цветная Наличие электронной версии +PDF версия Тема: «Ежедневная городская газета» Распространение: бесплатное Главный редактор: Анна Сирота Издатель: Metro International Генеральный директор: Дмитрий Зарубин Тираж: 500000 экз.

Особенности подачи новостных материалов в издании «Metro»

Крупнейшей ежедневной бесплатной информационно-рекламной газетой России в настоящее время является «Metro», входящая в группу «Metro International». В нашей стране газета «Metro» появилась в 2005 году в Санкт-Петербурге, а со 2 марта 2009 она выходит и в Москве. «Metro» — самое крупное ежедневное издание по аудитории, а также лидер по продаже локальной рекламы.

По данным TNS Media Intelligence в первом квартале 2015 года газета Metro-Петербург занимала 35% рынка рекламы в печатных СМИ Северной столицы, что свидетельствует о популярности издания.

Событийное начало присуще всем материалам в «Metro». Необычность и интересность — главные критерии в отборе событий. В издании легкая подача материала, без терминов и сложных оборотов. Лексика приближена к бытовой, но без просторечий. Вся информация изложена доступным языком.

Газета выбирает для печати новости с сильным событийным началом: событийная информация, событийное интервью, событийный репортаж имеют новостную окраску.

Общий объем газеты 100000 знаков. Большинство материалов в газете «Metro» выполнены в жанре заметки: как краткой, так и расширенной. Присутствуют и другие (новостные) информационные жанры: новостное ин-

Рис. 1. «Доля газет на рынке рекламы в печатных СМИ в Петербурге (первая пятерка)»

тервью, опрос. В одном номере газеты Metro от 17 ноября 2015 года всего 41 материал (35 материалов выполнены в информационных жанрах, 6 — в аналитических). Следовательно, один номер данной газеты на 85% состоит из информационных жанров и лишь на 15% — из аналитических. Тексты в газете сводятся лишь к простому описанию, констатации новостей с небольшими подробностями. Газета не ставит перед собой цели глубоко осмыслить происходящие события.

В рекламно-информационном издании «Metro» преобладают новости развлекательного характера, однако, в газете не забывают писать о мировых новостях, политике, финансах, но на этом не делается акцент.

Исходя из данных в таблице, все тексты, в большинстве случаев, представляют собой синтез именно информационных жанров. Специфика подобных материалов облег-

чает восприятие и повышает информационную насыщенность печатного издания.

Для примера рассмотрим событийное интервью. В номере от 27.10.2015 информационным поводом стал мультфильм «Крякнутые каникулы». Интервью брали у Никиты Преснякова, который озвучил одного из героев (полный текст интервью см. в приложении). С точки зрения редакционной политики газета выбрала правильный информационный повод. Человек утром в метро не станет читать о банках, так же, как и бизнесмен о выходе мультфильма.

Любая новость несёт в себе факт. Если обратить внимание на заголовки, то это становится очевидным. В «Metro» от 20.10.2015 года следующие заголовки: «Леопард вернулся спустя целый век», «Вальбуэна прилетел с новой командой», «Бейонсе и Джей Зи потратили около 30 млн на отпуск». Общий предмет отражения — момент

Таблица 2

Преобладание тех или иных жанров в газете «Metro» в Санкт-Петербурге

Жанры журналистики	НОМЕРА ГАЗЕТЫ/ № 212 от 12 ноября 2015	№ 213 от 13 ноября 2015	№ 214 от 16 ноября 2015	№ 215 от 17 ноября 2015
Заметка	9	15	9	19
Расширенная заметка	12	10	13	11
Новостное интервью	2	2	2	2
Комментарий	1	-	3	1
Обзор	2	1	1	2
Эссе	1	-	1	2
Статья	2	-	4	1
Опрос	3	3	3	3

очевидного изменения конкретной ситуации. Читатель даже через 10 лет может приблизительно понять в каком году вышла газета. В самих заголовках есть отсылка ко времени: «Вальбуэн прилетел», можно догадаться, что с футболистом снова заключили контракт.

В «Metro» новости разделены по значимости, которую отражает очередность рубрик: «Петербург», «Россия», «Мир», «Деньги», «Спорт», «Мнения», «Travel» (путешествие), «Дачники», «Офис», «Развлечения», «Отдохни». Газета охватывает большую аудиторию, а так как эта аудитория читает таблоид в утреннее время, то и тексты простые, не отягощенные информацией.

Разберём новость «Казачи Петербурга приняли присягу» в газете «Metro» от 20.10.2015 года. Данная информация содержит факт «казачи приняли присягу». Она новая, недвусмысленная и ясная. Охватывает большую целевую аудиторию, хотя интересна может быть немногим. Благодаря небольшому объёму её быстро сможет прочитать любой человек. В новости нет предсказуемости. После прочтения читатель не скажет: «А я так и знал!».

На полосах газеты в одинаковом количестве появляются позитивные и негативные новости. Например, в номере от 20 октября 2015 года рядом с новостью о новых креслах в Новосибирском театре оперы и балета с подзаголовком «Креатив» стоит заголовок «Мефистофеля вернут за счет жильцов дома». Это вызывает возмущение у читателей. Негативная новость по эффекту сильнее, так как всегда находит эмоциональный отклик у аудитории.

В одном номере «Metro» от 11 ноября 2015 года на полосах расположились 37 материалов. 14 сообщений описывают события, происходящие в России. 10 материалов, что составляет 30% от общего количества, рассказывают о том, что происходит в Петербурге. Это соответствует типу городской газеты. Большое количество новостей в газете тематически дифференцированы. Они соотносятся с разными сторонами городской жизни. Это доказывает рубрикация.

В газете «Metro» 30% новостей о Петербурге. Остальная часть — обзор общей ситуации в стране и мире. Редакторы понимают, что удержать целевую аудиторию ежедневной газеты можно фактором «близости», когда читатель сопереживает и обдумывает каждое написанное слово.

В «Metro» пытаются в небольшом объёме и с простой лексикой объяснить суть проблемы. Рассмотрим заметку «Мефистофеля вернут за счет жильцов дома». Текст представляет собой так называемую «перевернутую пирамиду», в которой центральная новость — восстановление горельефа Мефистофеля — отнесена в начало повествования. В самом начале текста — ЛИД. Он кратко рассказывает, о чем материал. Лид выделен жирным более крупным, чем остальной текст, шрифтом. Если у читателя нет времени, лидирующий абзац помогает понять суть новости. Человек делает выбор: прочитать материал до конца или перевернуть страницу. Акцент с центральной новости переносится на другую часть сообщения следующим об-

разом: «Дом «с Мефистофелем» числится под пунктом 10473, и работы по ремонту его фасада запланированы на 2021–2023 годы». Информация об этом дается со ссылкой на позицию вице-губернатора Петербурга Игоря Албина, одобрительно отнесшегося к восстановлению горельефа за счёт жильцов дома. Автор заметки использует официальные источники информации: «говорится в сообщении пресс-службы депутата». Далее представлен комментарий депутата Законодательного Собрания Александра Кобринского. После — автор заметки напоминает о том, как и где был снесен «барельеф Мефистофеля» — отсылка к истории. Данный материал по структуре выстроен логично, однако, в тексте присутствует грубая лексическая ошибка. Горельеф Мефистофеля автор новости Александр Тупеко называет барельефом, что свидетельствует о том, что материал делался оперативно и не требовал дополнительных уточнений.

Автор заметки ограничен в выявлении собственного «я», на первый план в текстах такого рода — в развернутом новостном сообщении — выступает сообщение о факте. Однако автор и не безразличен к информации — он всегда ощущается и в отборе фактов, и в их группировке, и в изложении.

Целенаправленность, свойственная публицистическим текстам, присутствует и в другом материале. «Достроят ли дома ГК «Город»» — гласит заголовок заметки, опубликованной в «Metro» 20 октября 2015 года. В смысловом подтексте заголовка — надежда обманутых дольщиков и вопрос: «Деньги давно вложены, почему они медлят?!». Этот подтекст подтверждается и текстом: «В этом списке далеко не все пострадавшие, огромное количество людей ждут, когда их объект достроится».

В номере газеты «Metro» от 12 ноября 2015 года всего 50 материалов. Изображениями сопровождаются 39, что составляет 78% от общего количества. Без фото остаются в основном краткие заметки, которые невелики по объёму и занимают лишь 1/4 площади всей газеты. Такие заметки легко воспринимаются аудиторией, быстро вводят читателя в курс дела.

Все материалы в газете фактографичны. Журналисты используют официальные источники информации, ссылки на которые присутствуют в текстах. Это свидетельствует об объективности и беспристрастности работников редакции в подаче информации.

Все публикации в газете «Metro» можно разделить на позитивные и негативные. В основном в фактографической и в позитивной манере описываются спортивные победы, подготовка города к праздникам, достижения россиян, выход в прокат того или иного мультфильма или фильма. Всё вышперечисленное создаёт положительный имидж не только города, но и страны. Кроме этого, есть и негативная сторона новостей. Как правило, если на одной полосе размещены 3 новости, то 2 из них будут положительными, а одна — в негативном ключе. У читателя складывается объективная картина жизни в городе, без прикрас [Самарцев, 2014].

Среди негативных материалов преобладают проблемные: ДТП, теракты, долгострой, плохие дороги. Журналисты не предлагают пути решения проблем. Они всего лишь указывают и характеризуют их.

Разберём для примера один номер газеты от 11 ноября 2015 года: выпишем заголовки, кратко опишем суть новости и место, где произошло событие.

Таблица 3

Критерии новостей в одном номере газеты «Метро» от 11 ноября 2015 года

Заголовок	Рубрика	Краткое содержание новости	Где произошло событие?	Критерии новостей по Самарцеву
2) Работодатели оценят студентов	Петербург	С 2016 года дипломные работы выпускников СПбГУ будут оценивать практикующие специалисты	Петербург	Событийность Положительная
3) Из Петербурга в Донецк запустили регулярные автобусы	Петербург	О маршруте, стоимости и длительности поездки	Петербург	Новизна Положительная
4) Скульптуру вернули на фасад Эрмитажа	Петербург	Фигура Пирготела вернулась на фасад Нового Эрмитажа после реставрации	Петербург	Неожиданность Положительная
5) «Сапсан» сломался в дороге	Петербург	В Северную столицу поезд опоздал почти на полчаса	Петербург	Предсказуемость Негативная
6) Инфаркт приняли за остеохондроз	Петербург	Журналисту Метро поставили неверный предварительный диагноз	Петербург	Избранность персон Предсказуемость Негативная
7) В синагоге расскажут, зачем нужна мезуза	Петербург	О дне открытых дверей в синагоге	Петербург	Ясность Положительная
8) Булле посвятят мемориал	Петербург	Событие посвящено 160-летию со дня рождения фотографа	Петербург	Ясность Положительная
9) Нерпе нужна помощь	Петербург	Нерпе Ингер нужна ежедневная помощь в размере 1000 рублей	Петербург	Близость к аудитории
10) Новые технологии оправдывают себя	Петербург	О подвижном составе, ремонте станций и инновациях в оплате проезда	Петербург	Масштаб Положительная
11) Как метро Петербурга отметит круглую дату	Петербург	Места, где будет праздник в честь 60-летия метро	Петербург	Ясность Положительная
12) Нажиться на чужом горе	Россия	В сети предлагают купить футболку с изображением Дарины — «главного пассажира»	Социальная сеть ВК в России	Предсказуемость Негативная
13) В США можно взять напрокат маму	Мир	Женщина даёт материнские советы всего за 40\$ в час	Америка	Неожиданность Новизна Положительная
14) Умер самый высокий человек	Мир	Умер в 26 лет. Рост 269 см.	Таиланд	Персонификация Негативная
15) Крокодилы будут охранять тюрьмы	Мир	Предлагают вокруг тюрьмы сделать ров с крокодилами	Индонезия	Неожиданность
16) ЕС хочет помирить турков и курдов	Мир	Суть в названии	Турция	Предсказуемость
17) Завёл страничку в Facebook	Мир	Барак Обама теперь в социальной сети	США	Масштаб Персонификация Положительная

18) В Индии не будет Greenpeace	Мир	Отозвали у организации лицензию из-за «махинаций»	Индия	Предсказуемость Негативная
19) Отравились эклерами	Мир	Уже 27 человек госпитализированы	Одесская область	Предсказуемость Негативная
20) Холостяки скупают всё	Деньги	О самой крупной онлайн-распродаже в мире	Китай	Близость к аудитории
21) Поездки за «фейри» и рыбой ушли в прошлое	Деньги	Обвал рубля подкосил бизнес в Южной Финляндии	Южная Финляндия	Негативная
22) Девальвации рубля не видят	Деньги	Алексей Улюкаев считает, что ситуация в стране стабильная	Россия	Предсказуемость Положительная
23) В Китай поедем без визы	Деньги	Перспектива развития безвизового режима с Россией	Китай	Масштаб
24) Пять спортсменов могут отстранить пожизненно	Спорт	Всех — за нарушение антидопинговых правил	Россия	Предсказуемость Избранность наций
25) Атлеты потратили 70850000 рублей ради секретности	Спорт	Спортсмены платили за сокрытие допинг-проб	Россия	Предсказуемость Негативная
26) Не верьте в ложь игрока в сквош	Мнения	Эксперт о допинге в России	Россия	Ясность
27) Скорбим вместе с вами	Мнения	Некролог о брате, который погиб при крушении самолёта, от читальницы	Россия	Близость к аудитории
28) Курьёзы случаются и с недвижимостью	Недвижимость	О доме за собаку, почке за жильё и других курьезах	Пекин, США, Непал	Близость к аудитории Положительная Масштаб
29) Кэмерон Диаз продаёт квартиру	Недвижимость	Актриса продаёт жильё за 4,25 млн долларов	Манхэттен	Персонафикация
30) Мозаика украсит восточный интерьер	Дом	Об особенностях мебели и цветов в восточном стиле	Россия	Ясность
31) Окно превращается в балкон	Дом	Об окне-трансформере, которое можно разложить	Аргентина	Неожиданность Положительная
32) Ну очень страшный пёс	Дом	О наморднике в виде скалящийся пасти	Америка	Неожиданность
33) Особенным детям придумали игрушки	Дом	10 видов кукол напечатали на 3D-принтере для детей-инвалидов	Британия	Неожиданность Близость к аудитории Положительная
34) В Японии знают, как согреться зимой	Дом	О котацу — гибриде из печки и одеяла	Япония	Ясность
35) Как выбрать межкомнатные двери	Дом	О планирование, материале, уходе и цене	Россия	Ясность Близость к аудитории
36) Папу Ким Кардашян назвали женщиной года	Развлечения	О 25 церемонии вручения наград Glamour Women Of The Year	Нью-Йорк	Неожиданность Персонафикация
37) Лоуренс и гигиена	Развлечения	Актриса развеяла слух о том, что не моет руки	США	Персонафикация
38) Де Ниро подумает о паспорте РФ	Развлечения	Актёр прибыл на открытие второго ресторана Нобу в Москве	Москва	Персонафикация

В номере газеты «Metro» от 11 ноября 2015 года всего 37 информационных сообщений: 16 новостей, которые содержат положительную составляющую, и 12 новостей с отрицательной, негативной составляющей, 9 новостей — нейтральные. 30% новостей (10 материалов) о Петербурге.

В газете «Metro» в среднем 12–24 полосы. Из дня в день повторяются рубрики. Нет главной, первой новости, потому что:

— к бренду не надо «привязывать», так как газета раздаётся в метрополитене бесплатно. Её могут читать представители различных целевых аудиторий.

— не требует подписки, так как это рекламно-информационное издание, которое бесплатно раздаётся у входа и выхода из метрополитена.

Новости в газете краткие (даже расширенные заметки занимают лишь 1/4 всей полосы). Привлекает внимание обилие иллюстраций. Верстка одинаковая (из номера в номер ничего не меняется). Массовая газета «Metro» использует следующую схему в вёрстке: в качестве главной темы номера выносятся одно сообщение о событии с крупношрифтовым заголовком, которое бросается в глаза, в то же время иллюстрация, которая располагается под заголовком, никак не связана с заявленной темой. Это исходит из шаблона. Заголовок с иллюстрацией не связан, так как картинка имеет свою подпись. В № 28 от 17 февраля 2016 г. главная тема обозначена как «Док Петра Первого накроют куполом». На фотографии под темой запечатлён Евгений Маргулис. Текстовый уровень не соответствует графическому.

На первой полосе для каждого анонса отдельно используется двенадцать шрифтов различных кеглей. В первую очередь аудитория обращает внимание на самый крупный заголовок и фотографию. Читатель не успевает осмыслить весь объём материала на полосе. Критерии отбора информации и иллюстративного материала не совсем обоснованны. Примерами являются также: № 161 от 2 сентября 2014 г. — к материалу «Ополченцы объяснили, чего хотят от Киева» прикреплено фото Барта Симпсона с мелкой подписью «Герой мультфильма перешёл в команды сине-бело-голубых», в № 187 от 8 октября 2014 г. — под сообщением «О котях из Эрмитажа написали сказку» расположена фотография актрисы Оксаны Акиньшиной,

в № 229 от 7 декабря 2015 г. — заголовок «Горожане не хотят видеть Цоя» расположен вместе с изображением обезьяны. Анализ первых полос архива газеты «Metro» за 2014–2016 гг. показывает, что тенденция несоответствия текста визуальному изображению сохраняется. Однако с 2015 года изображения стали сопровождаться надписями большего кегля.

Внутри газеты иллюстрации соответствуют текстовым сообщениям. Актуальность и социальная значимость событий, заявленная изданием, не вызывают сомнений. Газета распространяет достоверную информацию, во время актуальных событий для всех граждан, оперативно предоставляет комментарии, впечатления, воспоминания. Например, материал «Помочь готовы всем миром» посвящен всколыхнувшей сознание общественности авиакатастрофе рейса 9278, который летел из Египта (№ 206 от 3 ноября 2015 г.), а № 205 от 2 ноября 2015 г. вышел в формате спецвыпуска, в котором все материалы были посвящены авиакрушению рейса 9278. В № 27 газеты «Metro» от 16 февраля 2016 г. опубликованы подробности реновации Апраксина двора, на первой полосе № 32 от 25 февраля 2016 г. размещена фотография безработного юриста, который может жить на 2 тысячи рублей в месяц. Проблема безработицы и безденежья показана «через» человека, который доказывает, что жить можно и на такую сумму, подбадривая таких же безработных.

Анализ выпусков газеты «Metro» (33 номера с июля 2014 по февраль 2016 г.) показал, что в 21 номере на первой полосе опубликованы актуальные аудитории события, которые соответствуют реальной повестке дня. Однако только в 9 номерах заголовки и иллюстрации соответствуют друг другу.

По словам редактора газеты «Metro» Александра Тупеко «газета выпускается по франшизе, шаблоны вёрстки во всех странах стандартные».

В номере от 20 октября 2015 года в таблоиде:

- 6 кратких заметок;
- 12 расширенных заметок;
- 3 интервью;
- 1 мнение автора-колонниста

В номере от 27 октября 2015 в газете:

- 5 кратких заметок;
- 13 расширенных заметок

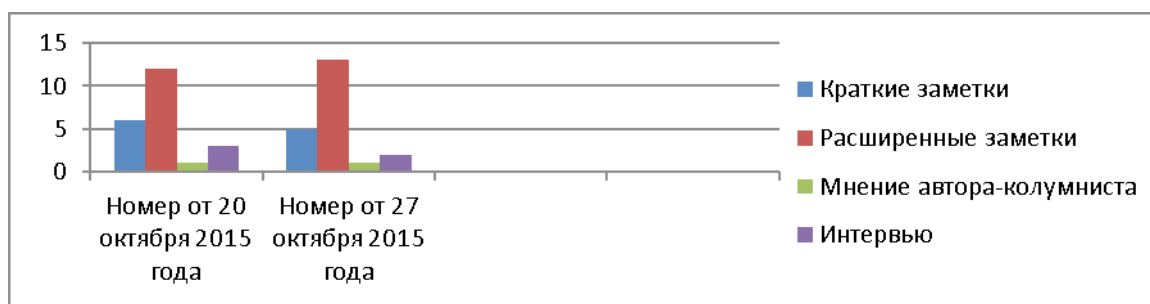

Рис. 2. «Сравнительный анализ внутреннего жанрового наполнения газеты «Metro»»

— 2 интервью

— 1 мнение автора-колонниста

И в том, и в другом номере на последних страницах кроссворд, анекдоты и гороскоп — характерная черта ежедневных газет. В центре любого материала — событие.

Опрос 379 читателей газеты «Метро» на тему «Что вам больше всего нравится читать в газетах?» показал, какая информация является приоритетной для аудитории. 262 респондента ответили, что это новости (отметим, для аудитории новость и информация — не синонимичные понятия). 43 человека указали в ответах интервью со звездами, 41 читатель — материалы о спорте; на рекламу в первую очередь обращает свое внимание 28 участников опроса, совсем не читает материалы, а просто смотрит иллюстрации, 31 респондент. Можно сделать вывод, что массовую газету человек использует, в первую очередь, как источник новостей, иначе говоря — новостного дискурса [Глас народа, с. 2].

«Если судить по сайту, то спросом у читателей пользуются сплетни о жизни звёзд, а также всякий «трэш»

типа жёстких ДТП и бабушек-людоедок. И да, Виталий Милонов ещё. Что касается газеты, то там поддерживается позитивный тон, темы, думаю, интересуют всех актуальные — тарифы на ЖКХ, транспорт, погода. Интервью со звёздами тоже не остаются без внимания», — дополнил Александр Тупеко.

Анализ текстов газеты показал, что материалы отвечают запросам читателей. Особое внимание наблюдается к темам светской жизни, развлечений, необъяснимых явлений, криминала. Туда, где есть сенсация, читатель заглянет в первую очередь, потому что нуждается в эмоциях.

Неохваченными остаются темы: наука, питание, жилье, семья, образование, здоровье, работа, деньги, самосовершенствование личности, одежда, транспорт, религия, окружающая среда. Серьезные темы журналисты стараются не освещать. Пишут о сенсациях, креативе, порой о скандальных вещах. Из-за оперативности и желания обогнать конкурентов материалы поверхностны, однако, не лишены объективности и актуальности.

Литература:

1. Белов, Д. Памятник Цою нашел себе пристанище / Д. Белов // Метро. — 2015. — 29.09.
2. Вартанова, Е. Л. Медиаэкономика зарубежных стран / Е. Л. Вартанова. — М.: Аспект Пресс, 2003. — 334 с.
3. Глас народа. Что вы читаете в газетах? // Метро. 2009. № 121. Июль, 6. с. 2.
4. Глас народа. Что вы читаете в газетах? // Метро. 2009. № 121. Июль, 6. с. 2.
5. Голубева, Л. Достроят ли дома ГК «Город» / Л. Голубева // Метро. — 2015. — 20.10.
6. Егорова, Л. Никита Пресняков: У нас с отцом одинаковые дурацкие привычки / Л. Егорова // Метро. — 2015. — 27.10.
7. Кройчик, Л. Е. Система журналистских жанров / Основы творческой деятельности журналиста / Под ред. С. Г. Корконосенко. — СПб.: Знание, СПбИВЭСЭП, 2000. — 276 с.
8. Общественное мнение / Ю. Левада [и др.]. — М.: Левада-Центр, 2014. — 234 с.
9. Официальный сайт газеты «Метро» [Электронный ресурс] / Метро. — Режим доступа: <http://www.metronews.ru/>. — Загл. с экрана
10. Официальный сайт международной исследовательской группы «TNS» [Электронный ресурс] / TNS. — Режим доступа: <http://tns-global.ru/> — Загл. с экрана
11. Рэндалл, Д. Универсальный журналист / Д. Рэндалл [Пер. с англ. А. Порьяза Ас-соц. преподавателей журналистики нац. ун-тов России. — 3-е изд., испр. и доп.]. — Великий Новгород, СПб.: Кириллица АОЗТ «Санси», 1999. — 367 с.
12. Самарцев, О. Р. Творческая деятельность журналиста (очерки теории и практики) / О. Р. Самарцев. — [3-е изд.]. — М.: Фонд «Мир» Академический Проект, 2014. — 523 с.
13. Тупеко, А. Мефистофеля вернут за счет жильцов дома / А. Тупеко // Метро. — 2015. — 20.10.
14. Тупеко, А. Помочь готовы всем миром / А. Тупеко // Метро. — 2015. — 03.11.

Ссылка на мнение авторитета как один из приемов манипуляции информацией в СМИ

Навасартян Лариса Гагиковна, аспирант

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Манипулятивное воздействие средств массовой информации усиливается с каждым днем. Под манипуляцией понимается «воздействие на адресата без осознания

им этого воздействия, то есть навязывание автором с помощью определенных языковых и неязыковых приемов авторской точки зрения как достоверной и единственно

возможной» [1, с. 25]. Манипулируя информацией, СМИ искажают реальное положение дел, контролируют мнение и поведение людей, а также формируют в сознании адресата новые ценностные ориентиры. Различные средства, приемы, тактики и стратегии позволяют журналистам смещать акценты в нужную им сторону.

В данной статье мы рассматриваем один из приемов манипуляции информацией — ссылку на мнение авторитета. Материалом послужили публикации на общественно-политические темы в газетах «Известия», «Московский комсомолец», «Российская газета», «Новая газета». Выбор материала обусловлен тем, что манипулятивные приемы активно применяются в политическом дискурсе.

Ссылка на мнение авторитета — это один из эффективных приемов воздействия на читателя. Авторитетом выступает эксперт, важная политическая фигура, знаменитость, видный деятель науки или культуры, имя которого не скрывается. Мнение специалиста или известного человека воспринимается адресатом как более достоверное. ««Третья сторона» кажется убеждаемому более объективной, менее заинтересованной, чем сам убеждающий» [2, с. 50]. Но в то же время читатель, который некритично воспринимает информацию и склонен доверять чужому мнению, становится объектом манипуляции. Для манипуляции характерна подтасовка односторонних мнений и избирательная подача материала, т. е. «селекция информации» [3, с. 676]. Она проявляется в том, что в статье приводятся те мнения, которые не противостоят точке зрения автора. Особая организация текста позволяет журналистам подвести читателя к предсказуемым выводам. В результате такого воздействия у адресата незаметно для него самого формируются искаженные представления о действительности.

Например, в статье про организацию курсов для аэрофобов журналист обращается к мнению специалиста Валерия Шелковникова. Основная мысль текста — *«заставить пассажиров отказаться от употребления алкоголя на борту самолетов»* (РГ 14.03.2013). Валерий Шелковников, президент консультативно-аналитического агентства «Безопасность полетов» в конце своей речи призвал соблюдать на борту правила безопасности: *«На борту надо всегда максимально внимательно слушать информацию бортпроводников: как себя вести, где запасные выходы, кислородная подушка и т. д. Обязательно надо быть пристегнутыми: это гарантия от неприятностей при посадке в болтанку. Ни в коем случае не напивайтесь в самолете! Пьяный не спасется»* (РГ 14.03.2013). Используя такие категоричные лексемы, как *«всегда, максимально, обязательно, ни в коем случае»*, эксперт своими советами пытается оказать воздействие на адресата, убедить в том, что нетрезвый пассажир не спасется в опасной ситуации, хотя это и так известно.

Селекция информации наблюдается и в следующем примере. Созданный журналистом в статье резко негативный образ Михаила Саакашвили нагнетается коммен-

тарием (в конце статьи) политолога Малхаза Гулашвили, лидера Народно-православного движения Грузии: *«Все последние заявления Саакашвили и его команды свидетельствуют о том, что они находятся в панике и уже не в состоянии контролировать ситуацию в стране. У них отняли все: власть, влияние. <...> Сейчас Саакашвили напоминает мне кобру без зубов. Ее лишили яда, она мечется, мечется, пытается укусить, но не может и поранить; Им движет и личный мотив: Саакашвили буквально сходит с ума, понимая, какую безграничную власть он потерял; Думаю, российским и грузинским властям следует набраться терпения и мужества, не поддаваться на провокации, которые, пока Саакашвили остается у власти, будут продолжаться. Это единственное, что ему остается»* (РГ 28.02.2013). Мнение эксперта препятствует объективному восприятию информации, так как в тексте преобладают эмоционально-оценочные высказывания. М. Саакашвили сравнивается с «коброй без зубов», которую «лишили яда». Комментарий приводится как аргумент в пользу точки зрения автора статьи. Журналист и политолог выражают негативную оценку деятельности М. Саакашвили.

Мнение авторитетного человека может приводиться также для того, чтобы смягчить недовольство читателя. Так в следующем примере специалист оправдывает поведение В. Путина и Д. Медведева. Президент и глава правительства отправились на совместную зарядку. Причем они занимались на тренажерах иностранного производства, а потом съели на завтрак мясо, *«которое Дмитрий Медведев лично пожарил на установке с надписью ВВQ»* (МК 31.08.2015). Автор статьи пишет, что пользователи соцсетей *«остались в недоумении из-за отсутствия малейших признаков импортозамещения в их окружении»* (МК 31.08.2015). Однако в конце статьи дается комментарий Сергея Длужневского, **президента Союза пауэрлифтеров России: Занятия физической культурой — это общепризнанный компонент здорового образа жизни. <...> Тренажер Смита, который опробовали первые лица страны, тем и хорош, что на нем можно выполнять множество упражнений, которые являются базовыми: есть возможность развивать сразу несколько мышечных групп, но при этом за счет строения этот агрегат позволяет контролировать идеальную технику тренировки, в разы уменьшая риск получения травмы. А после тренировки у человека открывается так называемое белково-углеводное окно. Проявляется оно в том, что организм испытывает острую потребность в питательных веществах. И вот в этот момент при потреблении протеинов и углеводов, которые в барбекю, конечно, содержатся, из пищи извлекается максимальная польза в плане развития мускулатуры. И не произойдет отложений в жировую массу» (МК 31.08.2015).**

В комментарии эксперта внимание уделяется не проблеме импортозамещения, а теме здорового образа жизни. Тем самым смещаются акценты. Главное, что тренажер хороший, а не то, что импортный: ведь он «позволяет контролировать идеальную технику тренировки, в разы уменьшая риск получения травмы». А в мясе, приготовленном с помощью барбекю, содержится много питательных и полезных веществ. Подчеркивается, что первые лица государства следят за своим здоровьем. В таком контексте наличие оборудования иностранного происхождения не вызывает осуждения.

Авторитетами являются и так называемые «лидеры мнений». «Причем чаще всего обстоит дело так, что для отдельных секторов медиа-масс-аудитории существуют и свои лидеры мнений. Например, для кого-то может стать авторитетом какой-нибудь знаменитый спортсмен, для кого-то поп-певец или рок-музыкант, для кого-то писатель. А в период выборов эта форма становится наиболее желанна для манипуляторов, когда известные актеры, писатели и музыканты, поспешно принятые в ту или иную партию, рекомендуют голосовать исключительно за нее» [4, с. 40]. Обращение к лидерам обусловлено тем, что они имеют широкую аудиторию почитателей, а большинство людей склонны к подражательному поведению.

Например, в преддверии президентских выборов 4 марта 2012 г. в «Новой газете» вышла статья, в которой лидеры общественного мнения высказывались о том, как они будут голосовать. Приведем некоторые мнения:

Сергей Удальцов, координатор движения «Левый фронт»: — Мой приоритет — Зюганов. Не нравятся Зюганов — голосуйте за любого другого кандидата, кроме Путина. Главное — голосуйте.

Сергей Канаев, лидер Федерации автовладельцев России: — Я призываю всех голосовать **против действующей власти, против Путина**, и сам последую этому примеру. Главное — прийти на выборы. Портить бюллетень я не буду.

Петр Шкуматов, координатор Общества синих ведерок: — **Я испорчу бюллетень**, поставив все пять галочек.

Алексей Симонов, президент Фонда защиты гласности: — Я выполню «инструктаж» коллеги по Совету при президенте Дмитрия Орешкина и непременно пойду голосовать. За кого — я, честно говоря, затрудняюсь сказать. Скорее всего, **квалифицированно испорчу бюллетень**.

Владимир Милов, лидер движения «Демократический выбор»: — Мне не нравится идея портить бюллетень. Я буду голосовать **против Путина** — за одного из кандидатов. Называть его имя я не буду, чтобы не рекламировать. У меня он носит техническую функцию.

Юрий Сапрыкин, редакционный директор журнала «Афиша»: — Я пока еще не принял окончательного решения. Но точно знаю, что проголосую

против Владимира Путина <...> (Новая газета 02.03.2012).

Мнения лидеров оказывают сильное воздействие на аудиторию в предвыборный период. Примечательно, что в данной статье лидеры общественных организаций, видные деятели науки или культуры призывали голосовать не за кого-то, а против конкретного кандидата. В статье приводятся мнения 20-ти человек, 13 из них сообщили, что будут голосовать против В. Путина, 5 человек признались, что испортят бюллетень, а двое не определились с выбором. Материал подобран так, чтобы побудить читателя последовать примеру большинства.

В медиатекстах встречается также смешение способов передачи информации, когда мнение авторитета приводится в сочетании с неавторизованной информацией: **Политологи расходятся в оценках перспектив глав регионов. Вице-президент Центра политических технологий Ростислав Туровский считает, что в ближайшее время увольнений не последует** (Известия 27.02.2012). Мнение одного специалиста преподносится как мнение большинства: **Эксперты пока не берутся с уверенностью говорить о структуре и составе будущего правительства. «Голикову называли на пост руководителя финансового блока, здесь многое будет зависеть от того, как этот блок построит Медведев, если он займет пост премьер...», — рассуждает президент фонда «Петербургская политика» Михаил Виноградов** (Известия 26.03.2012); **Между тем некоторые специалисты считают, что город еще не готов к решению социальных задач в виртуальном режиме. «Несмотря на то, что молодежь «дружит» с интернетом, не все те, чьи интересы затем должен будет представлять совет, смогут принять участие в голосовании по причине различных возможностей доступа к Сети», — заявила зампред комиссии Общественной палаты по развитию образования Любовь Духанина** (Известия 22.03.2012). Неавторизованная информация вводится с помощью двусоставных предложений. Позицию субъекта при этом занимают лексемы с обобщенной семантикой (*политологи, эксперты, некоторые специалисты*). Затем сказанное одним человеком преподносится как общепризнанное мнение. Тем самым создается впечатление достоверности высказывания и осуществляется эмоциональное воздействие на читателя, который склонен верить мнению большинства.

Таким образом, ссылки на мнение авторитета могут быть использованы в целях манипуляции информацией. Благодаря таким ссылкам создается видимость объективности информации. Журналисты стараются избежать обвинений в субъективизме, и поэтому они обращаются к «третьим лицам» — известным и уважаемым людям, мнения которых вызывают доверие аудитории. Однако их выбор бывает неслучайным, поскольку наблюдается селекция информации: в медиатексте приводятся такие мнения, которые подтверждают идеи автора, не проти-

воречат его точке зрения и направлены на то, чтобы повлиять на адресата. При использовании таких ссылок важную роль играет психологический момент. Человек, не приученный самостоятельно мыслить, анализировать материал, с легкостью полагается на чужое мнение. Коммен-

тарии авторитетного человека влияют на не критическое восприятие информации и способствуют тому, что изменяется отношение адресата к происходящему. Материал тщательно подбирается для того, чтобы подвести читателя к нужным выводам.

Литература:

1. Виноградова, С. А. Манипулятивный характер числительных в рекламном дискурсе // Мир науки, культуры, образования. — 2010. — № 6 (25). — с. 24–27.
2. Хазагеров, Т. Г. Ширина Л. С. Общая риторика: Курс лекций. — Ростов-на-Дону, 1999. — 190 с.
3. Левенкова, Е. Р. Информационная стратегия в институциональном политическом дискурсе США // Известия Самарского научного центра РАН. — Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2011. — Т. 13. — № 2 (3). — с. 675–679.
4. Зелинский, С. А. Манипуляции массами и психоанализ. Манипулирование массовыми психическими процессами посредством психоаналитических методик. — Спб.: Издательско-Торговый Дом «Скифия», 2008. — 248 с.

Формы интертекстуальности в публицистике Ф. Д. Крюкова

Смирнова Евгения Александровна, кандидат филологических наук, доцент
Волгоградский государственный университет

Публицистический текст априори диалогичен, поскольку всегда нацелен на взаимодействие с читательской аудиторией: автор публицистического произведения испытывает необходимость высказаться, аудитория — принять это высказанное и выработать программу действий. Коммуникативная стратегия автора нацелена на поиск приемов, образов, кодов, которые минимизируют смысловые потери при восприятии текста и инициируемой этим текстом читательской рефлексии. Одним из способов своего рода программирования восприятия публицистического текста является обращение к интертексту.

Термин «интертекст» был введен Ю. Кристевой [4] в связи с осмыслением концепции диалогичности М. М. Бахтина. Вслед за Бахтиным, утверждавшим диалогическую природу слова и текста [2], Кристева считает, что «любой текст строится как мозаика цитаций» [4, с. 99], что он является трансформацией другого текста. Р. Барт рассматривает интертекстуальность как неотъемлемое качество любого текста (по его мнению, любой текст является интертекстом), важное для его понимания и интерпретации [1]. Изучение проблемы интертекстуальности было продолжено в работах зарубежных и отечественных исследователей в различных аспектах — с точки зрения философии, культурологии, лингвистики, литературоведения (Ж. Женнет, У. Эко, Ж. Деррида, И. П. Смирнов, Н. А. Кузьмина, Н. А. Фатеева и др.). Работы последних лет свидетельствуют о вовлечении в анализ и новых областей применения интертекстуальности, в том числе и сферы массовой коммуникации [см., например: 3].

В публицистике интертекст позволяет расширить границы произведения, включить в осмысление широкий пространственно-временной контекст, актуализировать, с одной стороны, а с другой — типизировать поставленные публицистом проблемы, выстроить конструктивный диалог с аудиторией. Характеризуя диалогическое пространство публицистического текста, Л. Е. Кройчик пишет о необходимости учета в коммуникации между автором и аудиторией репутационных, эстетических и идейно-тематических ресурсов воздействия на читателя [5, с. 142]. Именно этими ресурсами, по мнению исследователя, обусловлена диалоговая составляющая любого публицистического произведения. Пути смысла от автора к аудитории, к формированию единой точки зрения — в поиске понимания, общего языка, возможностей сопереживания. Интертекст при этом становится катализатором в установлении контакта между публицистом и читателем, активизируя воображение и когнитивный опыт аудитории, создавая диалогичность.

В числе основных функций интертекста в публицистике можно выделить следующие:

- информирования (чужое слово в качестве сообщения о факте);
- выражения авторской оценки (чужое слово как некий субъект, с которым согласен или не согласен автор);
- манипулирования аудиторией (чужое слово как аргумент для пропаганды авторской идеи);
- активизации внимания и восприятия аудитории (интертекст расширяет спектр познания, инициирует обращение читателя к своим интеллектуальным ресурсам);

— «декорирования» текста (придание художественной выразительности).

Формы интертекста в публицистике могут быть разнообразными. Это цитаты (точные и неточные, с атрибуцией и без), аллюзии, реминисценции, паразаглавия (заголовки, отсылающие к другим текстам) и др.

В нашей работе мы рассматриваем формы интертекстуальности на материале публицистики Ф.Д. Крюкова (1870–1920) — писателя, политика, журналиста, казака по происхождению и большую часть своей беллетристики и публицистики посвятившего теме «родимого края» — «тихого Дона». Публицистические выступления Крюкова 1918–1920-х годов представлены в газетах и журналах, издававшихся в Донской области, отчаянно сопротивлявшейся большевистскому революционному «обвалу» («Север Дона», «Донская речь», «Донская волна», «Донские ведомости» — печатный орган Донского правительства, выполнявший агитационную в том числе функцию, Крюков был редактором этой газеты). Крюковские очерки, статьи, эссе этого периода, с одной стороны, нацелены на отражение трагедии и хаоса, в который погружены казачество и вся страна, с другой — на активизацию гражданской ответственности аудитории, на призыв к казачеству вспомнить былую славу и встать на защиту Родины. Интертекст, и прежде всего в форме цитат, становится одним из средств для реализации авторского замысла.

В дооктябрьском творчестве, а Ф.Д. Крюков почти четверть века сотрудничал в журнале «Русское богатство», цитирование как форма интертекста, в том числе самоцитирование, активно используется писателем, причем в разных жанрах.

Например, чеховский афоризм «Все собаки имеют право лаять — и большие, и маленькие» Крюков использует в рецензии-фельетоне на «Передел и другие рассказы» Н. Степаненко (Русское богатство. 1905. № 8. с. 59) — это своеобразное «оправдание» «маленьким писателям, которые не только пишут, но и издают свои писания отдельными книжками». Позже он опять использует чеховскую метафору — в рецензии на «Тунгусские рассказы» И.С. Гольберга в апрельском номере «Русского богатства» за 1914 год. Т. е. удачные, характерные, на взгляд Крюкова, цитаты и реминисценции могли быть применены неоднократно — как средство авторской оценки и для формирования контекстных внутритекстуальных связей.

В ряду интертекстуальных приемов, применяемых Ф.Д. Крюковым в публицистике, можно выделить следующие:

— самоцитирование. Крюков также мог обращаться к эпизодам, образам, созданным им ранее. Об одном из таких интертекстуальных пересечений говорит М. Михеев: очерк «Камень созидания» отсылает отрывком, «где автор вместе с возницей, маленькой девочкой Василисой, едут на телеге» [6] и бояться, что лошадь понесет и случится катастрофа, отсылает к рассказу «Товарищи» (1914), в ко-

тором, при аналогичной ситуации, катастрофа все-таки случается;

— евангельские реминисценции. В частности, неоднократно встречается метафора «переполнена душа оцетом и желчью», подчеркивающая трагическое мироощущение героев и автора, например, в очерках «Мельком» (Русские записки. 1917. № 2–3. с. 282–296): «Чувствовалось, что переполнена и его душа оцетом и желчью, но по долгу службы он должен был иметь вид не угнетенный и безобязанно-бодрый»; «Обвал» (Русские записки. 1917. № 2–3. с. 195–222): «Я знал, что у многих из них, принадлежащих к командному классу, душа была напоена оцетом и желчью — не меньше, чем у любого из нас»; эссе «Забывшие слова» (Донские ведомости. 1919. № 76. 31 марта (13 апр.). с. 2): «Патриот, свою неугасимо горящую любовь к родине напоивший «оцетом и желчью» негодующего смеха над темным, низким и безобразным в любимом ее облике»;

— литературные реминисценции в виде атрибутированных и неатрибутированных, точных и неточных цитат, выполняют функцию дополнительной аргументации или стилистического украшения. Например, в очерке «В сугробах» (Русские ведомости. 1917. № 26. 1 фев. с. 2): «От накатанной дороги с навозцем, от избушек, похожих на кучи навоза, прикрытые снегом, таких живописных в чередовании темных и белых пятен, веет «святою тишиной убогих деревень» («цитата из стихотворения А.Н. Плещеева «Отчизна»); «Но шаг-другой хотя бы по поверхности этой с виду туго сдвигающейся жизни убеждает, что старое — то, чего «не поймет и не оценит гордый взор иноплеменный» (Ф.И. Тютчев, стихотворение «Эти бедные селенья»); в очерке «В углу» (Свобода России. 1918. № 18. 3 мая (20 апреля). с. 1): «...полковой комитет устал ждать. И резонно рассудил, что *в минуту жизни трудную* практикуется продажа лишних вещей» (М.Ю. Лермонтов, «Молитва»); в некрологе Роману Кумову (Донская волна. 1919. № 10 (38). 3 марта. с. 2): «Привычно ныне зрелище смерти, и одеревенело сердце от обилия горя. Но трудно примириться с мыслью, что ушел из нашей мрачной, непогожей жизни свет тихий, ласковый свет — Роман Кумов... «Какое сердце биться перестало!..» (Н.А. Некрасов, «Памяти Добролюбова»);

— фольклорные реминисценции, например, в путевом очерке «Камень созидания», опубликованном с подзаголовком «Впечатления и заметки» (Донские ведомости. 1918. № 66. 25 нояб. (8 дек.). с. 5–6) Крюков цитирует строки из казачьей песни, хорошо известной читателям-«однодумам»: «На этом дилижанчике я и усть-медведицкий окружной атаман П.А. Скачков, возвращаясь с Круга, вступали от Суровикина, с железной дороги, из сферы цивилизации, так сказать, в глубь первобытного степного простора с пыльными, воспетыми в песнях шляхами, дороженьками — «шириною в три шага, долиною конца-краю нет»«. Песенная цитата соответствует и обстоятельствам, в которые погружены путешествующие герои, ведь песни всегда сопутствуют долгой дороге.

Особая музыкальность характерна для всего крюковского творчества, она соединяет героев и события, в которые они включены, создает эмоциональный фон события и задает определенный ракурс восприятия [подробнее об этом см.: 7]. Песня может стать символом родимого края, в котором сосредоточены ценностные ориентиры донского казачества и память о славном прошлом «рыцарства старины»; использование пословиц и поговорок: например, «есть еще порох в пороховницах» дважды встречается в «Камне созидания» — поговорка играет роль композиционного приема, создавая сюжетное кольцо и выполняет функцию выражения авторской позиции, подчеркивая авторскую веру в будущее родимого края; в статье «Партизаны» (Донские ведомости. 1919. № 131. 8/22 июня. с. 1) и ряде других публикаций;

— отсылка к литературным произведениям, с частичным пересказом. Например, неоднократно встречается отсылка к негнбавемому «светку-татарнику» как символу казачества, стойко противостоящему всем враждебным стихиям. Это отсылка к «Хаджи-Мурату» Л. Н. Толстого. Так, этот образ возникает уже в заглавии очерка «Цветок-татарник» (Донская речь. 1919. № 2. 12/25 ноября. с. 2), а в тексте Крюков проясняет эту метафору жизнестойкости и упорства: «Кто не помнит прекрасной интродукции к «Хаджи-Мурату» Льва Толстого?», повторяя в финале выбор сравнения: «И я вспоминаю прекрасный образ, который нашел великий писатель земли русской в

«Хаджи-Мурате» для изображения жизнестойкой энергии и силы противодействия той девственной и глубокими корнями вошедшей в родимую землю человеческой породы, которая изумила и пленила его сердце беззаветной преданностью своей, — цветок-татарник...» Образ цветка-татарника, опять же с отсылкой к «Хаджи-Мурату» возникает в статье «Ответственность момента» (Донские ведомости. 1919. № 270. 27 нояб. с. 1–2). Причем в этой публикации использована и отсылка к очерку «Цветок-татарник» — используется самоцитирование, реализована манипулятивная стратегия с целью пропаганды через разные ресурсы патриотической идеи. В статье «Войсковой круг» (Донская речь. 1919. № 21. 6/19 декабря. с. 2) — реминисценция на чеховский «Крыжовник»: «...я вижу себя и многих других в положении того чеховского чиновника казенной палаты, который всю жизнь мечтал о деревенской жизни, просторной и сытой, и в центре мечтаний своих почему-то непременно помещал крыжовник» и др.

Таким образом, интертекст в публицистике Крюкова способствует созданию панорамной картины мира, выражению авторской оценки, является стилистическим средством. В то же время интертекст инициирует диалог публициста и аудитории, помогает осознать свое место в этом жестоком мире, автор с его помощью приглашает читателя включиться в дискуссию о настоящем моменте и выработать по отношению к нему собственную позицию.

Литература:

1. Барт, Р. Смерть автора / Р. Барт // Барт, Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс; Универс, 1994. — с. 384–392.
2. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин // Бахтин, М. М. Собрание сочинений: в 7 т. — М.: Языки славян, культур, 2008. — Т. 6. — с. 5–467.
3. Жданова, А. В. Особенности проявления интертекстуальности в публицистическом тексте / А. В. Жданова // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2015. — Т. 157. — № 4. — с. 72–85.
4. Кристева, Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Ю. Кристева // Вестн. МГУ. Сер. 9. Филология. — 1995. — № 1. — с. 97–124.
5. Кройчик, Л. Е. Диалоговые ресурсы публицистики / Л. Е. Кройчик // Вопросы теории и практики журналистики. — 2015. — Т. 4. — № 2. — с. 139–148.
6. Михеев, М. К позиции не над схваткой, а — изнутри... [Электронный ресурс] / М. Михеев // Крюков, Ф. Д. Над обрывом. Очерки и статьи последних лет жизни (1917–1919). — М. — СПб., 2009. — Режим доступа: <http://uni-persona.src.msu.ru/f-krukov/kniga/miheev.htm> (Дата обращения: 20.08.2016).
7. Смирнова, Е. А. Жанрово-стилевые особенности публицистики Ф. Д. Крюкова / Е. А. Смирнова, В. Б. Смирнов // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 8. Литературоведение. Журналистика. Вып. 4. — Волгоград, 2005. — с. 89–95.

Языковые средства выражения оценки в англоязычной кинорецензии

Чаплыгина Татьяна Сергеевна, студент

Научный руководитель: Пелевина Нонна Георгиевна, кандидат педагогических наук, доцент
Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь)

В настоящее время отечественные и зарубежные лингвисты в своих исследовательских работах всё чаще обращаются к языку средств массовой информации. Работы, связанные с изучением особенностей языка кинорецензий, получили большую распространённость. Критический жанр кинорецензии появился вместе с кино. Первая в истории кинорецензия была опубликована в 1907 году в американском еженедельнике «Variety». Поворотом в развитии жанра кинорецензии послужило появление звукового кино в 1927 году. Центром отзыва стала не объективная оценка самого фильма, а субъективное мнение рецензента. В понимании Д. Д. Брежневой, кинорецензия — это тематическая разновидность жанра рецензии, совмещающая в себе свойства как публицистического дискурса, с его нацеленностью оказать влияние на социальные и морально-нравственные составляющие личности адресата, так и художественного дискурса, где проявляется авторская творческая позиция и индивидуальность, что находит отражение в языковом оформлении этого типа текста [1]. Следует отметить, что жанр кинорецензии осмысливается по-разному исследователями. Так, например, Г. В. Лазутина и С. С. Распопова, согласно своей жанровой классификации, относят рецензию к культурно-просветительской группе [2]. В соответствии с систематизацией жанров периодической печати А. А. Тертычного, рецензия относится к аналитической группе. Он подчеркивает, что сутью жанра является «отношение рецензента к исследуемому произведению» [3]. По мнению Л. Е. Кройчика, рецензия является исследовательско-новостным жанром, так как рецензент стремится сохранить новостную составляющую и одновременно с этим провести анализ или оценить проблемы и факты [4].

Г. Штегерг отмечает полифункциональность, как основное свойство кинорецензии и перечисляет её функции — информационную, оценочную, рекламную, мотивационную [5].

Важно отметить, что отличительной особенностью кинорецензии является её прагматический потенциал, нацеленность на массового читателя, вследствие этого, кинорецензия осуществляет воздействие на адресата при помощи определённых языковых средств.

В своём исследовании мы предприняли попытку выявить языковые средства выражения оценочности в жанре кинорецензии. М. Н. Кожина под категорией оценки понимает совокупность разноуровневых языковых единиц, объединённых оценочной семантикой и выражающих положительное или отрицательное отношение автора к содержанию речи [6]. Лингвистический аспект категории оценки составляет совокупность средств и способов ее выражения — фонетических, морфологических, синтак-

сических, лексических, отображающих элементы ситуации и ее оценку.

Нами было проанализировано около 30 англоязычных кинорецензий сайтов IMDb, the Hollywood Reporter, MRQE, rogerebert.com и других. По данным проведённого исследования, в текстах англоязычных кинорецензий отмечены лексические, стилистические, а также грамматико-синтаксические средства выражения оценки. Так, например, достаточно большой объём оценочной лексики выражен такими **стилистическими приёмами**, как:

— **эпитет**. «*Bona-fide literary phenomenon, delightful story, a naturally emotional actress, thought-provoking plot, amazing film, excellent movie, sentimental drama, a marvelous performance*».

«*The Accountant is both an intriguingly and maddeningly schizophrenic action drama*»; «*Turner's story is incredible*»; «*It's a tragic waste of an amazing cast, all of whom come off looking bad by the time the credits roll on this schlock thriller*»; «*Rules Don't Apply is the perfect title for Warren Beatty's first film ...*».

— **сравнение**. «*Not unlike «Gone Girl» — to which it invariably will draw comparisons as a juicy exploration of violence and mystery in genteel suburbia — «The Girl on the Train» is good trash. At least as a novel, it is. «In a very effective moment, which serves as the film's dramatic climax, he makes the decision for her*»; «*Evolution feels like a transmission from an alien world, one where all the important narrative information you need is imparted visually*».

Стоит отметить, что в сравнениях зачастую используются имена известных актёров, режиссёров, а также названия популярных фильмов. «*Allied» Robert Zemeckis's deft and diverting World War II romantic thriller, operates a bit like «Casablanca» in reverse. Like Steven Spielberg's «Bridge of Spies», it infuses a venerable genre and a familiar period with new interest*».

— **метафора**. «*This is Hollywood drunk, where nothing too unseemly, like a hangover, is ever actually shown*».

— **лексические повторы**. «*The action just goes and goes and goes, climaxing at the point where the last two people left on the rig seem to be Williams and young rig worker Andrea Fleytas (Gina Rodriguez). They'll both be consumed by flames if they don't jump in the water, but that's very, very far down and she can't face it*».

Кроме того, различные грамматические структуры помогают описать и оценить тот или иной фильм, лаконично и экспрессивно высказать о нем свое мнение. Во многих кинорецензиях для оценивания событий, игры актёров используется Present Simple Tense.

«As the platform becomes increasingly engulfed in flames, rescue efforts by boat and helicopter are undertaken to the extent possible, although it remains a wonder that most people survived, given the hell on water that»s evident in nearly every frame».

На **синтаксическом уровне** оценочность, прежде всего, выражается в употреблении однородных членов предложения:

«The film tells **a simple, clear and straight-line story** concerned specifically with the frontline grunts who, as usual, take the brunt of the punishment in a conflict or crisis».

«The Legend of Tarzan» has a whole lot of **fun, big-screen things going for it — adventure, romance, natural landscapes, digital animals and oceans of rippling handsome man-muscle**».

Также было отмечено, что более эмоционального изложения в кинокритиках зачастую используются **риторические вопросы**. «Can the world work together?» «Otherwise, why wouldn't they just...attack?»

Для того чтобы придать оценочному высказыванию особый статус, часто используются **фонографические средства** выразительности, например, графическое выделение курсивом, жирное начертание, подчёркивание:

«A pleasant surprise», «Compare this to something like SMASHED or even (going way back) DAYS OF WINE AND ROSES».

Для оценочного высказывания в рассмотренных кинокритиках характерны несколько типов контекста:

1) выбор. *At its best, and largely through Adams» performance, the film proposes that we»ve all had those days in which communication breaks down and fear over the unknown sets in.*

2) рекомендация, инструкция, совет. *It»s easy to walk out of THE BIRTH OF A NATION angry, as it»s a movie that doesn't spare you any of the truths of the era. But, Parker»s movie is about more than that».*

«When you find yourself wondering» «Who on earth could this possibly be for? **you realize that it»s a compliment**».

3) похвала. *Shot over a four-year period, with ace camera work by the directors and Bryan Donnell, Magicians moves with confidence through such expected*

haunts as the Magic Castle in Hollywood and the glitzy stages of Las Vegas».

4) вердикт. *It»s an important film and one that will spark a lot of conversation in the year to come».*

5) эффективность. *At its best, «Arrival» has an eerie grandeur, but if the film starts off as neo-Spielberg, it winds up as neo-Christopher Nolan meets neo-Terrence Malick — it turns into an ersatz mind-bender. **You feel you»ve had a close encounter with what might have been an amazing movie, but not actual contact**».*

6) субъективное мнение. *It»s little wonder that «Lion» has collected quite a few audience awards at festivals since premiering in Toronto in September».*

Использование **модальных глаголов** также играет существенную роль при формировании отношения зрителей к фильму. Авторы кинокритик активно используют в своих текстах различные модальные глаголы с целью эмоционального воздействия на читателя. «With all the explosions, gushing oil, fireballs, billowing smoke, crashing metal, airborne choppers, yelling and screaming and general pandemonium breaking out in all directions, **you can barely understand a fraction of the dialogue in Deep-water Horizon.**»

«Do not miss this film. Emotional triggers might arrive at several points during this decades-spanning tale of longing and loss that is also a mystery about an unknown past».

Таким образом, обобщая вышеизложенное, можно заключить, что в англоязычных кинокритиках используются многообразные способы выражения оценочности. Категория оценки играет важную роль при воздействии на читателя. Оценочность существует на всех языковых уровнях: лексическом, грамматическом, синтаксическом. Набор способов выражения оценочности различен и зависит от установок, целей. Оценочные высказывания позволяют осуществлять функции информирования, эмоциональной оценки, рекламы и воздействия, позволяют привлечь внимание к проблематике фильма, а также сделать чтение более увлекательным. Можно сделать вывод, о том, что, несмотря на уже имеющиеся исследования, необходимо дальнейшее изучение языка кинокритики, что объясняется его новизной и стремительным развитием.

Литература:

1. Д. Д. Брежнева. Жанрово-стилистические и когнитивные особенности кинокритики как вида массово-информационного дискурса (на материале современной британской прессы). — Москва, 2013. — 230 с.
2. Лазутина, Г. В. Жанры журналистского творчества: учеб. пособие для студентов вузов / Г. В. Лазутина, С. С. Распопова. — М.: Аспект Пресс, 2011. — 320 с.
3. Тертычный, А. А. Жанры периодической печати. Учебное пособие / А. А. Тертычный. — М.: Аспект Пресс, 2000.
4. Кройчик, Л. Е. Система журналистских жанров / Л. Е. Кройчик // Основы творческой деятельности журналиста / Под ред. С. Г. Корконосенко. — СПб.: Знание. — 2000.
5. G Stegert. Filme rezensieren in Presse. Radio und Fernsehen / G. Stegert. Munchen: TR-Verlagsunion, 1993. — 245 p.
6. М. Н. Кожина. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. — 2-е изд., испр. и доп. — М. Флинта: Наука, 2006. — 696 с.

7. <http://www.mrqe.com/>
8. <http://www.imdb.com/>
9. <http://www.hollywoodreporter.com/>
10. <http://www.rogerebert.com/>

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

«Цветы зла» или «Цветы боли» Шарля Бодлера: новый взгляд на старое название

Бакурова Ольга Константиновна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Данная статья рассматривает проблему интерпретации перевода названия художественного произведения на примере разбора заглавия произведения Бодлера «Les fleurs du mal». Проведённый анализ основывается на макроконтексте всего сборника стихотворений. Автор предлагает другие способы интерпретации названия с их обоснованием.

Ключевые слова: художественный перевод, макроконтекст, интерпретация, поэзия, Бодлер

Проблема интерпретации художественных текстов всегда была камнем преткновения для переводчиков, тем более когда мы имеем дело с поэтическим переводом. Перевести произведение, которое будет жить в языке вечно, непросто, но ещё сложнее представить читателю эквивалент его названия, «лицо», которое будет отображать смысл и форму того, что хотел передать автор.

Заголовок как наиболее выдающийся элемент начала литературного произведения, подобен раме картины, началу и концу музыкального произведения, поверхностям, ограничивающим скульптуру или архитектурное сооружение. Благодаря им мы осознаем, что все произведения искусства являются «конечной моделью бесконечного мира, отображением бесконечного в конечном, целого в эпизоде» [1].

Кроме того, заголовок настраивает аудиторию на определенную эмоциональную тональность. К нему вполне применимы слова Г.Я. Солганика: заголовок также «служит своего рода камертоном, определяющим стилистическое единство», но не отдельной строфы, а текста в целом [2].

По словам советского писателя и драматурга Сигизмунда Кржижановского, «заглавие, поскольку оно не в отрыве от единого книжного тела и поскольку оно, в параллель обложке, облегает текст и смысл, — вправе выдавать себя за главное книги». В своей книге «Поэтика заглавий» он дает такое определение заглавию: «Как завязь в процессе роста разворачивается постепенно множась и длинящаяся листьями, так и заглавие постепенно лист за листом, раскрывается в книгу: книга и есть развернутое до конца заглавие, заглавие же — стянутая до объема двух-трех слов книга» [3]. Это лишь подчеркивает необходимость такого перевода названия, который приживётся в языке, не нарушит структурную целостность оригинала и передаст смысл произведения во всех наиболее полных смыслах.

Однако чаще всего при переводе с одного языка на другой происходит не подстановка одних кодовых единиц

вместо других, а замена одного целого сообщения другим. Такой перевод представляет собой косвенную речь; переводчик перекодирует и передает сообщение, полученное им из какого-то источника. Таким образом, в переводе участвуют два эквивалентных сообщения, в двух различных кодах. Эквивалентность при существовании различия — это кардинальная проблема языка и центральная проблема лингвистики. Как и любой получатель вербального сообщения, лингвист является его интерпретатором [4].

В своей статье в качестве примера разбора названия было взято произведение Шарля Бодлера «Цветы зла» («Les fleurs du mal»). Все русские и советские переводчики интерпретировали это заглавие одинаково, как и указано выше. Однако почему же из всех вариантов многозначности перевода французского слова «mal» выбрали именно «зло», а не другой вариант? Необходимо провести контекстуальный анализ всего произведения и найти те «нити», которые связывают содержание и заголовок, а также обратить внимание на особенности переводов названий в русском языке.

В пределах общего понятия контекста существует широкий контекст (или «макроконтекст»), под которым имеется виду языковое окружение данной единицы, выходящее за рамки предложения; это — текстовый контекст, то есть совокупность языковых единиц, окружающих данную единицу в пределах, лежащих вне данного предложения. Точные рамки широкого контекста указать нельзя — это может быть контекст группы предложений, абзаца, главы или даже всего произведения (рассказа или романа) в целом [5]. В нашем случае это именно контекст целого сборника стихотворений, и в заголовок автор вынес всю суть своего труда.

В данном вопросе нужно также учесть полисемическую сущность французского слова «mal». Французский язык обладает одним из самых высоких уровней многозначности слов, что подтверждается во многих трудах о сущности французского языка, как, например, в учеб-

нике Г.Г. Аврамова «Строение французского языка». В нём автор также подчёркивает, что «омонимия и многозначность повышают семантическую зависимость слова от контекста, ибо слово воспринимается и переводится не само по себе, но в словосочетании или в контексте всего предложения» [6]. В одном из самых распространённых среди переводчиков словарей Мультитран [7] содержится порядка двадцати синонимичных значений слова «mal», в которых оно может выступать как существительное, прилагательное и наречие. Все русские переводчики поэтического труда Бодлера единогласно выбрали как вариант перевода слово «зло». Не настаивая на неправоте их выбора, можно предположить, что есть и другие варианты перевода.

Во-первых, сочетание «du mal» можно перевести как «болезненный», «больной». Русская грамматика в данном случае не обладает таким же богатством интерпретации части речи, как французский язык. На возможность перевода прилагательным указывает также и французское предисловие к сборнику, написанное самим Бодлером «...je dédie ces fleurs *maladies*» («...посвящаю эти *болезненные* цветы») [8]. Однако, выбрав этот путь, переводчик встречает затруднения: прежде всего, русскому читателю привычней видеть словосочетание, состоящее из двух существительных со способом связи типа «управление», чем словосочетание со связью согласования, с существительным и прилагательным, как это привычно глазу французского читателя. Как отмечал В.Г. Гак, во французских текстах указание, уточнение даётся с помощью прилагательного, однако при переводе такое прилагательное нередко заменяется существительным [9]. Сочетание «болезненные цветы» будет резать ухо нашему читателю, тогда как для француза оно звучит вполне естественно.

В отличие от череды сыновей века, изгоев-избранников, обнаруживших море зла, разлившееся в мире, Бодлер с ужасом обнаружил его источник не вне себя, а в себе самом. В каждом! В любом! И как подлинный Поэт, не умеющий лицемерить и таиться, он предался саморазоблачению — не хитроумной исповеди Руссо, а эксгибиционизму подпольного человека Достоевского. Доселе красота была радостной и вдохновенной ложью, с Бодлером она стала скорбной и страдающей правдой, преследующей поэта как наваждение.

Смирение — значит приятие. Но как принять фальшь, лицемерие, страдание, неустроенность, саму эту покорность? Раз зло господствует в мире, призвание искусства — с безжалостной откровенностью отразить его, постичь его суть. После разочарования в бунте он не знает иной формы борьбы, кроме трагического разоблачения, срывания масок [10]. Во-вторых, данное название книги можно интерпретировать как «Цветы боли», исходя из макроконтраста всего цикла стихотворений.

Действительно, бодлеровские цветы — это женщины, манящие своим видом и ароматом, невинные на первый взгляд, но алчные, порочные и ядовитые внутри. Они

сгнили изнутри, они больны, и больны неизлечимо. И эту боль они несут на протяжении всей своей жизни, передавая её каждому, кто их коснётся. Однако красота не может быть идеальной, и тем самым поэт подчёркивает свою мысль о том, что всё прекрасное всегда искажено, и даже если оно деформированное, мы влюбляемся в это, хоть изначально и видим лишь одну сторону медали. Идеал, лишённый недостатков, не может быть прекрасным, ведь тогда оно становится безликим и стерильным. И Бодлер видит в пороке ту неповторимую красоту, которая запоминается и поселяется в сердцах именно из-за своего несовершенства.

Панов писал: «Он рисует пороки так ярко, так беспощадно правдиво, что он не может загрязнить сердца: он может убить веру в жизнь, но отравить душу он не может». Культ прекрасного — это гигиена, это солнце, это воздух и море и дождь, это купание в озерной влаге, писал Эзра Паунд. Культ безобразного, Вийон, Бодлер, Корбьер, Бердсли — это диагноз. Вот почему культ прекрасного и описание уродств не являются противоположностями [10].

В-третьих, «Les fleurs du mal» в русском переводе могут иметь название «Цветы страданий». Сборник содержит описание страданий главного героя, через которые он проходит в поисках своего идеала. Так, например, в стихотворении «Благословение» («Bénédiction») первой части «Сплин и идеал» («Spleen et idéal») Бодлер пишет такие строки: «*Страданье* — путь один в обитель славы вечной, / Туда, где адских ков, земных скорбей венец...» («Je sais que *la douleur* est la noblesse unique / Où ne mordront jamais la terre et les enfers...») [8]. Жизнь, по словам автора, невозможна без страданий, и возможно, что именно через страдания можно достичь жизненного идеала. Однако нельзя оспаривать и правильность варианта перевода «Les fleurs du mal» как «Цветы зла», который прижился в русской культуре. В своей книге Бодлер исследует феномен зла в поэтическом ключе, противопоставляя и одновременно связывая его с красотой и притягательностью жизни, с её простыми плотскими удовольствиями.

Также сквозь всё повествование проходит образ Демона, который являет собой главный символ зла на земле. В поэтическом «Предисловии» («Au lecteur») звучат такие строки: «И *Демон Тризмегист*, баюкая мечту, / На мягком *ложе зла* наш разум усыпляет...» («Sur l'*oreiller du mal* c'est *Satan Trimégiste* / Qui berce longuement notre esprit enchanté...») [8]. Также в оригинальном тексте есть места, где французское «mal» переводится только лишь как «зло» и не имеет проблемы многозначности, например: «Иль *зла* бездонности не видит мудрый взгляд...» («La grandeur de ce mal où tu te crois savante...») [8]. Все русские издания сборника Бодлера носят заглавие «Цветы зла», что также подтверждает, что этот вариант названия является удачным.

Да, Сатана в поэзии — не более чем символ свободы поэта, ничем не ограниченной — даже Богом.

Остальное — только поэтическая игра, только попытка преодолеть пошлость и тщету прозаической реальности. Великий поэт своей поэзией противостоит жизни с ее глупостью, политической суетой «великих дел», грязью насилия и обмана. Самые беспощадные тираны и вожди несвободны, ибо — вопреки их «величию» — должны играть роли тиранов и вождей, «голых королей», «мудрецов» и «миротворцев», «отцов народов» и «гуманистов» (по большому счету эта игра — копошение червей в куче говна). Когда же авгиевы конюшни расчищены, а «бессмертные» уходят в «ничто» — «никем», приходит время безвестных и проклятых — и тогда оказывается трудно вспомнить, в эпоху каких королей или князей жили Данте, Шекспир или Бодлер [10].

Однако на основании лишь этого факта нельзя утверждать, что он лучший, ведь при изменении названия произведения последующими переводчиками оно могло показаться читателю непривычным и незнакомым, тем самым оттолкнув последнего от прочтения нового перевода.

Необходимо отметить, что все варианты перевода названия сборника Шарля Бодлера «Les fleurs du mal», представленные в данной статье, являются правильными со стороны перевода в отрыве от всего контекста благодаря полисемичной природе французского слова «mal». Однако дальнейший выбор наиболее подходящего заглавия художественного произведения должен исходить от его макроконтраста — главного содержания и основной авторской идеи. Трудно интерпретировать такое серьёзное произведение, как «Les fleurs du mal», но совершенно точно можно установить, что «Цветы зла» — не единственный вариант перевода названия труда всей жизни Бодлера, и наравне с ним его можно было бы озаглавить как «Цветы боли», так и «Цветы страданий». Другая дилемма состоит в том, почему же ни один из русских переводчиков не отклонился от «классического» перевода заглавия и не интерпретировал его иначе, одним из нескольких вышеприведённых вариантов, но это уже тема для отдельного исследования.

Литература:

1. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста. М., 1970. — с. 256.
2. Солганик, Г. Я. Стилистика текста. М., 1997. — с. 43
3. Кржижановский, С. Д. Поэтика заглавий. — М.: 1931.
4. Якобсон, Р. О. О лингвистических аспектах перевода. // Избранные работы. М: Прогресс, 1985. — с. 361–368. — 456 С.
5. Бархударов, Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М., «Междунар. отношения», 1975.
6. Аврамов, Г. Г. «Строй французского языка» [учеб. пособие]. — Ростов н/Д: РГПУ. 2006. — 69 с.
7. Электронный словарь Мультитран [Электронный ресурс] / Значение слова «mal», Французско-русский и русско-французский словарь. — URL: <http://www.multitrans.ru/c/m.exe?l1=4&l2=2&s=mal> (дата обращения: 21.10.2016).
8. Бодлер, Ш. Цветы зла. — СПб.: Азбука-классика, 2004. — 448 с. (перевод Элліса с параллельным французским текстом)
9. Гак, В. Г., Григорьев Б. Б. Теория и практика перевода: французский язык [учеб. пособие]. М.: «Либроком», 2013. — 464 С.
10. Гарин, И. И. Проклятые поэты. — М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 2003. — 848 с.

Основные проблемы перевода научно-технических текстов металлургической тематики

Бехтева Надежда Николаевна, аспирант, преподаватель;
Дегтярева Екатерина Викторовна, студент
Пятигорский государственный университет

Статья посвящена выявлению основных проблем перевода металлургических текстов, особенностей перевода терминов и терминологических сочетаний в металлургической сфере.

Ключевые слова: термин, научно-технический перевод, металлургия, лексические эквиваленты, терминологические сочетания

The article is devoted to the identification of the main problems of translation metallurgical texts, the translation features of terms and term combinations in the metallurgical sphere.

Keywords: term, scientific and technical translation, metallurgy, lexical equivalents, terminological combinations

Из-за отсутствия привычных соответствий металлургических терминов возникают сложности при переводе. В данной ситуации нам необходимо провести анализ образовавшихся проблем и найти методы их решения.

На сегодняшний день область использования китайского языка в металлургии увеличилась. Перевод металлургических текстов считается одним из самых трудных видов среди научно-технических переводов. Сложность его заключается в том, что без достаточного владения языком инженерно-технических реалий невозможно выполнить точный и правильный перевод.

Металлургический текст — это научно-технический документ, охватывающий процессы получения металлов из руд или других материалов, а также процессы, связанные с изменением химического состава, структуры и свойств металлических сплавов.

В первую очередь следует учитывать, что тексты с металлургической спецификой, как и любой текст научно-технического жанра, как правило, насыщены терминами и терминологическими сочетаниями.

Термин — это лексема, фраза или деривационная морфема, имеющая хотя бы одно значение, известное узкому кругу носителей языка — специалистов в определенной области [3; 25].

Каждая лексическая единица языка может стать термином, если она перейдет в определенную узкоспециализированную область и будет обозначать определенные понятия в данной области. Терминологические словосочетания являются семантически целостными словосочетаниями двух или более слов, которые связаны предложением или беспредложным способом. Они будут или устойчивыми выражениями, или свободными словесными словосочетаниями. Например такими, 链式运输机 — цепной конвейер; 煤层倾角 — угол падения пласта; 转动频率 — частота вращения.

Можно выделить две главные проблемы при переводе терминологии. Первая это — использование узкоспециализированной лексики как элемент распределения со-

держания в текстах на перевод, а вторая проблема — это проблема перевода терминов, и попытки поиска соответствий в иностранных языках.

Первая проблема важна из-за того, что в научно-технических текстах или производственных документах, терминология является основной нагрузкой. Они очень информативны и часто бывают ключевыми словами. А вторая проблема обусловлена тем, что даже в родственных языках присутствуют несовпадения и присутствует опасность изменения смысла текста при использовании неправильного варианта терминологического перевода.

При рассмотрении терминологического перевода с лексической точки зрения может образоваться две ситуации — первая связана с эквивалентами термина в оригинале при письменном переводе, которые могут быть в словарях, а со вторая ситуация складывается при отсутствии эквивалентов термина оригинала.

В первой ситуации можно столкнуться с одним или несколькими эквивалентами, но подобная ситуация не должна вызывать особых проблем если присутствует лишь один эквивалент. В этом случае необходимо лишь проверить, адекватна ли будет замена в данном контексте. Если есть несколько эквивалентов, необходимо выбрать самый адекватно подходящий к вашему тексту, но это не всегда легко осуществить из-за частого несовпадения терминов.

Основной трудностью для переводчика при переводе текстов с обильным использованием металлургической терминологии китайского языка, является невозможность поиска терминов данной специфики из-за отсутствия словарей металлургической терминологии. Эта проблема негативно влияет на перевод металлургических текстов.

Большое количество значений терминов является одной из особенностей в переводе текстов в металлургической специфике. Это происходит из-за неустоявшихся терминов, которые при в идеальном варианте, должны упрощать перевод, так как переводчик ориентируется на них, но из-за многозначности, термины не удовлетворительны в пределах этой специальности.

В качестве примера рассмотрим термин «制程», который имеет такие значения, как:

1. процедура обработки;
2. технологический процесс.

Значение этого термина в контексте всегда будет зависеть от слов рядом с этим термином. В этой ситуации переводчику следовало бы воспользоваться терминологическим словарем, в котором он мог бы найти значение термина. Но по причине отсутствия таких словарей, переводчик вынужден искать другие пути поиска значения данного термина в контексте.

Можно сказать, что на перевод текстов металлургической специфики, большое влияние оказывает то, как переводчик владеет терминами в металлургии.

Часто одни и те же терминологические словосочетания могут означать разные вещи, которые указываются в словарях и не могут быть использованы при переводе в текст узкоспециализированной терминологии. Как пример рассмотрим терминологическое сочетание «覆盖层», которое имеет следующие словарные значения:

1. перекрывающие породы
2. вскрышные породы
3. покрывающий слой

И ни одно из этих значений не может быть употреблено в контексте нанотехнологий, относящихся к металлургии, так как его контекстуальное значение будет «защитный слой».

В китайском языке, при переводе терминов и терминологических словосочетаний, особенно тех, которые не имеют отношения к не существованию узкопрофильных металлургических словарей, первым делом, следует указать отсутствие формального числового признака в китайском языке. Из-за этого возникают трудности нахождения единственного или множественного числа, появляются большие сложности во время перевода текстов металлургической тематики, в которых точность является важной составляющей. Например, «離子佈植摻雜物及鋅覆蓋層對鍍化矽熱穩定性影響之改善» — «Улучшение воздействия термической стабильности силицида никеля с помощью ионной имплантации и цинкового защитного слоя».

— Терминологическое словосочетание «覆盖層», не позволяет переводчику выяснить, сколько защитных слоев имеется в виду. В таких ситуациях, переводчику иногда помогает контекст, но действительно помогает ознакомленность с устройством, которое описывается в контексте или определенным оборудованием.

Одной из характерных грамматических особенностей китайского языка является то, что подлежащее может быть не только одним словом, но также и словосочетанием,

а в некоторых случаях даже целым предложением. Это является трудностью для переводчика, так как сложно определить само подлежащее среди иных членов предложения. Например, «在P佈措過後的矽化物卻發現有高阻值NiSi²的相組成» — «в дальнейшем, в силициде с имплантом фосфора обнаруживается создание высокого численного значения сопротивления». В этом примере подлежащим является словосочетание «在P佈措過後的矽化物», и это изменяет нашу тактику при переводе терминологических словосочетаний.

Но кроме, сильной загруженности имеющихся определений слова, что обычно часто встречается в научно-технических текстах в китайском языке, можно столкнуться со сложностью нахождения связи частей сложных определений. Например, 一片电阻重測矽化鐳阻值 — «численное значение сопротивления силицида никеля».

Помимо всего выше перечисленного, стоит иметь во внимании то, что в каждом тексте научно-технического стиля, а особенно в металлургических, мы сталкиваемся с жаргонизмами (профессиональными), которые невозможно найти в словарях. Из этого мы имеем то, что во время перевода металлургической терминологии важно помнить о необходимости уделять внимание контексту, который ограничивает терминологию. И даже в том случае, если переводчик смог найти подходящее терминологическое значение, из-за отсутствия узкопрофильных металлургических словарей, найденное значение может не иметь необходимого контекстного значения и в будущем из-за этого будут совершены ошибки.

Кроме понятного совета изучать научно-технические тексты, которые напрямую связаны со спецификой перевода, следует знать какой направление в металлургии указано в тексте. Это поможет найти значение, используемое в контексте, используя словари. Количество терминов, используемых в сфере металлургии, составляет от 200000 до 500000. Специфику терминов и возможные способы их перевода изучали в своих работах В. Н. Комиссаров и Я. И. Рецкер [1].

В терминологии затронутой сферы, присутствует большое количество сокращений, аббревиатур, подмены словосочетаний сложными словами и номенклатурных обозначений. К металлургическим терминам также относятся металловедение и технологии металлов, дефектоскопию и контроль качества, металлографию, подготовку руд, производство чугуна и ферросплавов, переработку металлического вторсырья, сварку, прокатное и волочильное производство, обработку металлов и др. Чтобы грамотно выполнять переводы текстов самым важным является знание терминов и словосочетаний и этих областей.

Литература:

1. Комиссаров, В. Н. «Современное переводоведение» — М., 2004
2. Рецкер, Я. И. «Методика технического перевода» — М., 1934
3. Кочергин, И. В. Основы научно-технического перевода с китайского языка на русский. Восточная книга, 2005. 624 с.

4. Реформатский, А. А. Вопросы терминологии. — М.: Аспект, 2005. с. 25
5. Толикина, Е. Н. Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. — М.: Наука, 2006

Особенности перевода общественно-политического лексикона

Гейбатова Нурлана Акиф кызы, диссертант, преподаватель
Азербайджанский университет языков (г. Баку)

Перевод имеет многовековую историю, а современное переводоведение сформировалось как самостоятельная научная дисциплина в основном во второй половине двадцатого столетия. Охарактеризовать современное переводоведение можно большим разнообразием теоретических концепций и методов исследования, а также как результат междисциплинарных исследований, использующих методы целого ряда наук. Именно лингвистические исследования внесли основной вклад в развитие науки о переводе. Для успешного формирования лингвистического переводоведения существовал целый ряд важных предпосылок. [3, с. 3]

Понятие «перевод» включает весьма разнообразные виды деятельности. «Перевести-означает верно и полно выразить средствами одного языка то, что ранее уже было выражено средствами другого языка». Нередко исследователи, стремясь охватить процесс перевода во всей совокупности его аспектов, пользуются терминами разных научных дисциплин, например, языкознания, литературоведения, психологии и др. При этом не всегда ясно, сохраняют ли используемые термины то значение, которое они имеют в рамках соответствующей науки, или приобретают несколько иной, «собственно переводческий смысл». [6, с. 155]

Перевод общественно-политического лексикона является одним из наиболее востребованных переводов благодаря возрастающей интенсивности международных контактов и объему издаваемых ежегодно общественно-политических текстов. Данный перевод включает такие материалы как выступления государственных, партийных и общественных деятелей; публикации международных, правительственных и общественных организаций.

Переводческая деятельность осуществляется переводчиками в различных условиях, а переводимые тексты по своей тематике, языку, жанровой принадлежности весьма разнообразны. Отдельные виды перевода требуют от переводчика особых знаний и умений. Все эти различия, какими бы значительными они ни казались, не меняют сущности переводческого процесса, его общелингвистической основы. Любой вид перевода остается прежде всего переводом со всеми его особенностями, определяемыми соотношением языков. [8, с. 94]

Всем известно, что развитие языка в первую очередь обеспечивается лексиконом, мгновенно откликающимся на любые изменения в общественной жизни и являю-

щейся особой формой накопления общественно-познавательного опыта и передачи его из поколения в поколение. Именно благодаря языку носитель языка функционирует в обществе, а жизнь общества оказывает влияние на язык через носителя языка. Общественно-политический лексикон включает в себя не только лингвистическую данность, как материализованный продукт общественно-политической деятельности, но и является связующим пластом с эпохой.

Общественно-политические тексты разнообразны в стилистическом и жанровом отношении. В общих чертах их можно разделить на три группы:

- 1) документально-деловые тексты (конституции и законодательные акты);
- 2) информационно-описательные тексты (информационные заметки, справочные тексты, исторические описания и обзоры и т. д.);
- 3) публицистические тексты в узком смысле слова (речи, статьи и т. д.).

Каждой группе этих текстов характерен свой особый лексикон. К документально-деловым текстам относится большое количество клише, специальная терминология, реалии; информационно-описательные тексты связаны с сообщениями о текущих событиях, соответственно они содержат много терминов, исторических реалий, собственных имен и т. д.; для публицистики характерно разнообразие эмоционально — окрашенных элементов, образные выражения, синтаксические фигуры, цитаты и т. п.

Следовательно, стоит отметить, что при переводе очень важно выявить и передать адекватный смысл, а также экспрессивные особенности текста и прежде всего сохранить четкое обращение к слушателю или читателю. Верность оригиналу и заключается прежде всего в достижении намеченного автором эффекта, в сохранении заложенного в тексте обращения. [7, с. 80]

В процессе перевода главным является передача смысла поэтому не стоит фиксировать внимание в поисках значения конкретного слова во фразе. (5. Стр. 7) Стоит отметить, что на сегодняшний день теория перевода прочно утвердилась как научная дисциплина. Основой этому послужила потребность в суммировании переводческой деятельности, развитие языкознания, теории коммуникации и других отраслей, закладывающих научную базу для изучения перевода, и, наконец, проведение исследований в

сфере перевода, доказавших перспективность и возможность создания научного направления для выявления сущности перевода как процесса межъязыковой и межкультурной коммуникации.

Количество издаваемых ежегодно общественно-политических текстов, предусмотренных для англоговорящей аудитории увеличивается с каждым днем. Сюда можно включить такие тексты как выступления государственных, партийных и общественных деятелей, всевозможные статьи и публикации международных, правительственных и общественных организаций.

Теперь следует перейти к рассмотрению особенностей перевода. Одним из самых характерных явлений, которая касается перевода текстов общественно-политического содержания это безэквивалентная лексика. В английском языке имеется ряд лексических единиц, не имеющих соответствий в словарном составе русского языка. Однако эти безэквивалентные единицы передаются посредством ряда таких приемов как:

1) Транслитерация и транскрипция

Прием транслитерации представляет собой передачу английского слова на русский язык путем воспроизведения его буквенного состава.

«Guardian» — «Гардиан»; Wall Street — Уолл Стрит; «Washington Post» — «Вашингтон Пост»

Стоит подчеркнуть одну особенность этого приема: транскрибирование не является точным воспроизведением слов на русском языке из-за различия фонетических систем обоих языков.

Способы транслитерации и транскрипции применяются при переводе английских имен собственных, географических названий, названий кораблей, самолетов, газет, журналов, фирм, а также некоторых неологизмов. «Queen Elisabeth» — «Куин Елизабет» корабль; Downing Street — Даунинг Стрит; impeachment — импичмент; Journal Nature — Журнал Нейче (сочетание транскрипции и семантического перевода); Hitachi — Хитачи (транскрипция); Toshiba — Тошиба; Beatles — Битлз; escalation — эскалация; Benelux — Бенелюкс. [1, с. 146]

2) Калькирование — тоже является одним из приемов перевода, суть которого заключается в том, что все слова и выражения одного языка переводятся на другой путем точного воспроизведения средствами принимающего языка с сохранением морфологической структуры. При этом приеме компоненты переводятся отдельно и соединяются по образцу иностранного слова или словосочетания. «Shadow cabinet» — теневой кабинет; White House — Белый дом; Grand jury — большое жюри; backbencher — заднекамеечник; Candidate of Science — кандидат наук; air bridge воздушный мост [6, с. 93]

2) Описательный перевод

Этот вид перевода представляет собой развернутое объяснение слова или словосочетания: maverich — государственный деятель (страна), занимающий (-шая) отличную от других позицию; negotiated settlement — соглашение, достигнутое в результате переговоров brain drain

утечка квалифицированных кадров («утечка умов»); brain washing идеологическая обработка («промывание мозгов»); [6, с. 94]

Можно перечислить некоторые основные приемы, используемые в языке англо-американской прессы.

1) Рекламная лексика. Некоторые образные слова и выражения проникают в политический язык из рекламы. К примеру, широко известное выражение to sell an idea, которое буквально означает «продать идею», на самом деле должно переводиться убедить в привлекательности чего-л., убедить в целесообразности (выгоде) чего-л. Отсюда selling a candidate — это рекламирование кандидата, а не «продажа кандидата».

2) Пословицы. Нельзя не отметить широкое использование пословиц в современной прессе, что способствует образности языка. Например: to let the cat out of the bag (to reveal a secret), you scratch my back, I'll scratch yours переводится на русский язык как услуга за услугу.

3) Сленг. В англо-американской прессе широко употребляется сленг. Например, стандартная лексика типа unlicensed sales или illicit trade часто заменяется в языке американской прессы выражением типа boot-legging, которое несет на себе явно сленговый оттенок.

4) Метафоры. Метафоры встречаются в общественно-политических текстах довольно часто. Цель метафоризации текста состоит в том, чтобы расширить смысловой объем слова за счет возникновения переносных значений, что усиливает и общие экспрессивные свойства текста. Когда речь идет о новостях внутри страны, то помимо стандартных терминов таких как home news или domestic news также широко применяется и метафорическое выражение home front, заимствованное из военного языка.

5) Метонимия. Прием метонимии состоит в замене одного слова другим, смежным по значению. Например: Buckingham Palace is not expected to issue a statement on the matter. Полагают, что Букингемский дворец не сделает заявления по этому вопросу. На самом деле, здесь имеется в виду король или королева Великобритании.

6) Парафраза. Иносказательное выражение мысли представляет собой парафразу, которая как прием передачи информации также встречается в современной публицистике. Например: the one writing these words пишущий эти строки.

7) Эпитеты. Назначение эпитета — подчеркнуть тот или иной признак предмета, выразить свое отношение к нему. Если эпитет употребляется с тем или иным словом постоянно, то он постепенно перерастает в клише (речевой штамп). Например: New Deal следует переводить «новый курс», поскольку данное определение переросло в политический штамп.

8) Нарушение фразеологического сочетания. В политическом языке зарегистрировано много фразеологизмов, часто цитируемых в различных статьях. Однако иногда журналисты стремятся придать большую самобытность выражению, индивидуализируя свой стиль. В этих случаях фразеологическое сочетание намеренно нарушается. Так,

идиома *see which way the cat jumps* в одной газетной статье трансформирована в выражение *why wait to see which way he jumps* (к чему ждать, что он предпримет?)).

9) Сравнения. Популярным образным приемом являются сравнения. Например: *the battle is as good as won* считай, что дело выиграно, *the battle is as good as lost* считай, что дело проиграно. О ходовом товаре принято говорить: *it sells like hot cakes* этот товар нарасхват (букв. «словно горячие пирожки»).

10) Синонимические пары. Назначение синонимических пар — придать большую торжественность стилю. Например: *men of conscience and good will* люди доброй воли. Как мы видим, лишь один из элементов пары подлечит непосредственному переводу.

11) Слова и фразы, особенно популярные в данный момент. Отдельные слова и выражения в политических текстах приобретают особую популярность. Такие слова часто называют *fad words* «модные словечки». Приведем некоторые примеры: *soft climate* потепление в международных отношениях; *dialogue with the East* диалог с Востоком (вместо *talks with the East*); *to articulate a problem* акцентировать проблему (вместо *to formulate a problem*); *politicized issue* особо акцентированная в политике проблема; *posture* отношение (вместо *attitude*); *rip-off* обман (вместо *deceit*); *thrust* упор. [1, с. 39]

12) Гиперболы. Попытка драматизировать события, придать им более сенсационный характер, естественно, не может не приводить к использованию гипербол: *scared to*

death напуган до смерти, *he tears off his hair* он рвет на себе волосы.

13) Анонимное построение текста. В целях придания сообщению беспристрастности, а иногда также для того, чтобы замаскировать подлинные источники информации, используются фразы типа: *some states believe that...*, *critics feel that...*, *it's widely recognized that...* Такой прием мы называем анонимным построением текста.

14) Эвфемизмы. В политических текстах и деловых (экономических) обзорах использование эвфемизмов — весьма популярный прием. Например, глагол *to fire* увольнять кажется некоторым журналистам грубоватым и они предпочитают более мягкие, обтекаемые выражения: *to select out*, *to discharge*.

Не зная образного компонента слова или выражения, его трудно понять и перевести. Так, например, *moonlighting* это не «лунный свет» и не «лунное освещение», а в газетном тексте — левые заработки. Обычным выражением, лишенным образности, было бы *doing extra work for extra pay* или даже, в отдельных ситуациях, *under-the-counter earnings*.

Из вышесказанного можно сделать следующие выводы: общественно-политическая терминология не появилась в один день, в нее заложены сотни лет упорной работы дипломатов-переводчиков, которые потратили массу времени и усилий на согласование тех или иных спорных терминов и полу терминов, в результате чего, на сегодняшний день этот вид перевода, как и многие другие виды перевода, развивается и улучшается с каждым днем.

Литература:

1. Алексеева Т., К., Дарская В. Г., Лясецкая Л. А., Шилкова Т. Г. Деловой английский ч-1,2. Москва, «Вече», 2000—639 с.
2. Беляева, М. А. Грамматика английского языка: Учеб. пособие для вузов./ М. А. Беляева. — М.: Высш. школа, 1998. — 333 с.
3. Голинова, Ж. А. Перевод с английского на русский: Учеб. пособие/ Ж. А. Голинова. — М.: ООО «Новое знание», 2003. — 286 с.
4. Гуськова, Т. Н., Зиборова Г. М. Трудности перевода общественно-политического текста с английского на русский, 3-е издание, исп. и доп. Москва, «РОССПЭН», 2000—228 с.
5. Дмитриева, Л. Ф. Английский язык. Курс перевода: книга для студентов/ Л. Ф. Дмитриева. — М.: МарТ, 2005. — 288 с.
6. Зражевская, Т. А., Беляева Л. М. Трудности перевода с английского на русский Учеб. пособие для вузов. М.: 1972—122 с.
7. Комиссаров, В. Н. Общая теория перевода. Москва, Юрайт» 2000 с. 136
8. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. — М.: «Р. Валент», 2006.
9. Памухина, Л. Г., Глуховская А. Г., Сочилина З. И. Деловой английский ч-3. Москва «Вече», 2000 с.—345
10. Осокин, Б. А. Введение в теорию и практику перевода. Перевод политологического текста. — М.: МГИМО МИД России; РОССПЭН, 2008. — 152 с.
11. Слепович, В. С. курс перевода/Мн.: Тетра-Системс, 2003 — с. 320
12. Флорин, С. А. Муки переводческие. Практика перевода. М. Высшая школа, 1983 г. с. 184.

Некоторые особенности перевода лексических единиц научного текста

Мазенцева Елена Анатольевна, учитель английского языка
ГБОУ «СОШ № 14» г. Жигулевска (Самарская обл.)

Перевод — это особый вид речевой деятельности, привлекающий внимание различных специалистов: лингвистов, психологов, этнографов, лингвистов. Что касается лингвистики, то она имеет самое прямое отношение к переводу. «По поводу перевода, его места и роли в общей системе обучения иностранным языкам и применительно к объяснению значения иноязычного слова высказываются самые противоречивые мнения. Положительное или отрицательное отношение к переводу определяется основными методическими концепциями методиста или преподавателя. Крайние позиции — увлечение переводом или полный отказ от него — не приводили к положительным результатам. Перевод, как и другие способы, не является универсальным способом семантизации, применимым для любого слова, т. к. и в русском языке есть группы слов, не имеющего эквивалента в других языках, многозначные слова не совпадают с эквивалентами в других языках по всему объему значений, употреблению и т. д. Отказываться от перевода тоже не стоит, т. е. это усложняет объяснение значения многих слов, которые не могут семантизироваться другими способами. Беспереводная семантизация слов предполагает довольно высокий уровень владения языком. На начальном этапе «...требование обходиться без родного языка учащегося при осмыслении тех или иных слов иностранного языка вызывает зачастую большую затрату, которая в большинстве случаев оказывается непроизводительной, т. к. полное понимание наступает обыкновенно только тогда, когда учащиеся находят соответственный эквивалент на родном языке, кроме того, это требование делает совершенно невозможным объяснить учащимся более тонкими языковыми явлениями...»

Наиболее сложной и творческой задачей в ходе осуществления любого вида перевода является правильный перевод лексических единиц исходного текста, различие стилистических оттенков слов с словосочетаний, а порой и целых предложений. Очень редкие случаи, когда совершенно однозначному слову оригинала находится однозначное соответствие в разных текстах.

Слово представляет собой единство грамматического и лексического значений. Многие лексические значения слов неотделимы от строго определенных форм сочетаемости этих слов с другими словами в предложениях. План выражения определенного уровня перевода и план содержания находятся в очень тесных взаимоотношениях, одно и то же содержание находит различные формы выражения, а одно выражение часто может оказаться многозначным. При этом значительное место отводится контексту или ситуации. Изучая рядовой стиль, который обладает чертами системности, создающими языковую определенность и не-

повторимость этого стиля, можно заключить, что все особенности перевода имеют постоянный характер. Научный стиль перевода выделяется среди других функциональных стилей высокой степенью определенности языковых характеристик. Стиль перевода — это система, обнаруживающая стремление к фразеологической замкнутости, то стилиевые особенности перевода литературных отрывков, обладают весьма высокой степенью реализации этого свойства перевода системы.

Именно при переводе ученик постоянно убеждается в отсутствии однозначных соответствий между единицами и структурными Формулами родных языков. Любой перевод в лексическом плане, прежде всего — способ контроля, расширяющийся и активизирующий лексический запас учащихся. Если учащиеся работают с переводом художественного текста, то эти виды текста служат основой для широкого ознакомления с творчеством того или иного англоговорящего писателя, его литературным стилем, особенностями манеры его письма. Перевод служит прежде всего сознательному усвоению изученной лексики и развитию практических навыков, т. е. цель перевода — понять текст, изучаемый грамматический материал, это означает — через перевод активизируются навыки владения устной и письменной речью. В системе методических приемов сопоставление с родным языком имеет большое практическое значение. Сопоставление, как методический прием, в зависимости от целей и задач урока может использоваться для предупреждения интерференции или как метод опоры на черты сходства явлений изучаемого языка. На продвинутом этапе обучения — метод сопоставления может способствовать углублению лингвистических знаний учащихся. В целом, метод сопоставления оправдывает себя в плане реализации дидактического принципа сознательности.

Как установлено психологией, при изучении языковых факторов, помимо обычных наглядных пособий, использование современных ИКТ играет большую роль при обучении переводу и сопоставлению языковых единиц. В методическом плане принцип сопоставления означает, что неразрывно связано с постижением определенных сторон окружающей действительности. Употреблять и правильно переводить любую грамматическую конструкцию нужно понимая, привязывая ее к явлениям и пониманию окружающей действительности, используя ее к определенным понятиям. Речь идет о том, что достижения успеха в изучении и понимании иностранного языка лучше всего на основе родного языка. Понять и чувствовать иностранный язык — это значит освободиться от давления и доминирования родного языка, это удается далеко не всем и не всегда.

Учащиеся средней школы работают в основном с переводом художественного и литературного характера. Однако и этот вид и специфика перевода диктует свои правила и особенности перевода. Стиль литературного перевода — это разновидность речи со своеобразным словарем, описательными фразеологическими сочетаниями, оборотами и конструкциями. Изложение текста должно быть связным, наличие в нем полносоставных и сложных предложений, часто весьма развернутых, чтобы вызвать интерес к чтению. Литературный перевод позволяет делать всевозможные перестройки и синтаксические преобразования текста. Стиль литературного и художественного перевода требует наличия определенных фразеологических комплексов. Это лексические единицы и сочетания специального направления для выражения описания определенных отрывков художественного текста при описании явлений и законов природы или эмоциональное состояния героев. Чем сложнее литературный текст, тем выше повторяемость определенных выражений и словосочетаний, частотность употребления терминов. К каждому переводу определенного рода текстов можно использовать свой индивидуальный глоссарий: со словами из различных литературных текстов, справочной и периодической оригинальной литературы. Весь процесс работы с переводом литературного текста можно свести к 3 основным направлениям:

- чтение и первичное понимание текста;
- осмысление прочитанного материала;
- формулировка и оттачивание фраз.

От переводчика, который не является специалистом в данной сфере, а заинтересованность может быть только в получении оценки, невозможно требовать полного понимания того, что сделано при переводе, кроме того, если перевод сделан при помощи современных гаджетов, этот материал может быть даже не прочитан вторично. В лучшем случае просто переписан некорректно в тетрадь или предоставлена распечатка текста. Поэтому нужно попросить прочитать данный перевод, выверить его с учеником и только тогда будет виден результат его работы. Старшеклассники относятся к данному виду работы абсолютно по-другому. Основной их задачей является правильный подбор значения перевода лексических единиц, он должен быть уверен, что и грамматические категории переведены правильно.

Перевод — это явление, которое нужно изучать систематически и описывать на основе различных методов наблюдения и анализа. Принятие переводческих решений может быть интуитивным, но оно полностью обусловлено соотношением языковых и понятийных (когнитивных) категорий в одном и другом языке. Основы современного переводоведения стали разрабатываться к середине двадцатого столетия, когда лингвисты стали рассматривать перевод как особый вид речевой деятельности, в ходе которой единицы языка перевода выбираются в определенной зависимости от языковых единиц, используемых в оригинале. Поэтому, как и в любом лингвистическом ис-

следовании, исследователи перевода занимались теперь не формированием правил, которым должен следовать переводчик, а изучением соотношения языковых и речевых единиц двух языков, устанавливаемого в процессе перевода.

Законы современного мира требуют знания иностранного языка от каждого индивидуума. Каждый из нас сталкивается с проблемами перевода еще на школьной скамье. Например, предложение из переводимого текста: «There is a story that Shakespeare's first job in London was holding rich men's horses at the theatre door». Учащиеся, кто переводит это предложение с помощью электронного переводчика получили следующий перевод данного предложения: «Есть такая история, что первая работа Шекспира в Лондоне была держать богатых мужских лошадей у театральной двери». Конечно, большую помощь учащимся в переводе данного предложения может оказать общее знание о строении специфической конструкции *There is/are*, особенности перевода притяжательного падежа существительных, а также знание исторических реалий страны изучаемого языка. Перевод мог бы быть более удачным и корректным: Есть история, что первой работой Шекспира в Лондоне было держать за узды лошадей богатых людей у дверей театра. Нередко неправильный перевод текста свидетельствует о непонимании смысла предложения из-за неумения ориентироваться в структуре английских слов, знание которой помогает установить отношение слова к нужной части речи и правильно определить связь этого слова с другими словами в предложении. Переводу подлежат не отдельные слова, а понятия и их связь в предложении с другими словами в предложении, для полного понимания текста необходимо уяснить общее содержание текста, смысловые связи текста в целом и каждого предложения, как поясняющего.

Главной задачей каждого перевода является точная передача информации с соблюдением структуры русского языка, чтобы донести смысл перевода более точно и детально. Иногда можно не переводить некоторые части речи или добавить смысловые группы для усиления структуры перевода. В английском языке можно не переводить личные и возвратные местоимения. For example: He took money from his wallet. — Он достал деньги из бумажника. He dressed himself. — Он оделся.

Работу над переводом можно вести в несколько этапов. Начинать ее можно так: прочитать весь текст полностью, не отвлекаясь и не заглядывая в словарь. В процессе ознакомления с текстом могут встретиться незнакомые слова и выражения. Несмотря на это, надо постараться понять общее содержание текста. Исходя из понятого общего содержания текста, приступим к повторному содержанию текста. Далее будет видно, что слова и выражения, которые были непонятны, начинают обретать смысл. Срабатывает контекст, т. е., окружение тех слов и выражений, которые нам пока еще не понятны. Прочитав текст второй раз, трудности будут вызывать только некоторые узкоспециальные значения слов и выражений. Теперь можно опре-

делить главные и второстепенные члены предложения, чтобы правильно установить к каким частям речи относятся незнакомые слова и выражения. Теперь можно обратиться к СЛОВАРЮ, а не за помощью «электронного друга». В тексте можно выбрать правильное значение слов из общего списка значений. Очень трудно правильно сделать перевод, если не уметь правильно подобрать подходящее значение слов, если не понимаешь смыслового

соответствия слов английского и русского языков. Итак, тема перевода остается актуальной особенно в средней школе, поэтому и вызывает интерес для более тщательного исследования. Итак, работу над переводом можно завершить определенным и видами упражнений на закрепление проделанной переводческой работы. А их литературная обработка дает возможность прочитать логически корректный и правильно выполненный перевод.

Литература:

1. Арнольд, И. В. Стилистика: современный английский язык. М, 2002. — 247 стр.
2. Розенталь, Д. Э., Теленкова М. А. Справочник лингвистических терминов. М. Просвещение. 1985. — 399 стр.
3. BigBlueButton\\ Википедия — свободная энциклопедия. — URLHYPERLINK «url: https:\»:HYPERLINK «url: https:\«httpsHYPERLINK «url: https:\»: \ ru. wikipedia. org\wiki\BigBlueButton (дата обращения 16.03.2015)

Научное издание

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

IV Международная научная конференция

Санкт-Петербург, декабрь 2016 г.

Сборник статей

Материалы печатаются в авторской редакции

Дизайн обложки: *Е.А. Шишков*

Верстка: *П.Я. Бурьянов*

Издательский дом «Свое издательство», г. Санкт-Петербург

Подписано в печать 24.12.2016. Формат 60x90 1/8.

Гарнитура «Литературная». Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 5,52. Уч.-изд. л. 3,92. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый»

420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.